

СМЕТИС

№ 13 (1419) ИЮЛЬ 1986

ISSN 0131-6656

**ЛИТЕРАТУРА И
ГЕРОИ ВРЕМЕНИ.**

**ДЕСЯТЬ
ПИСЕМ
О КУРЕНИИ.**

**МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ПРОГНОЗ.**

«...разноплеменная, разноязычная литература всех наших республик выступает как единое целое перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам литераторов всего мира. ...Наша цель — организовать литературу как единую культурно-революционную силу».

М. Горький

В народном языке рожденное, годами выношенное мудрое требование о том, чтобы слово не расходилось с делом, словно бы напрягую адресовано литераторам. Потому что Слово — это их инструмент, их оружие, как сказал поэт, приравненное к штыку, а все созданное с помощью яркого, честного, искреннего слова — это их Дело, это их вклад в общественное производство, в общественное сознание, в культуру и духовное состояние общества.

Но писательское слово и писательское дело не вещи в себе, не существуют сами по себе, не рождаются лишь в сознании пусть даже талантливейшего художника, не являются лишь следствием его богатой фантазии. Какими бы красивыми словами ни пользовался литератор, какими бы занимательными ни становились его произведения, только в том случае его Слово и его Дело приобретут истинную ценность, принесут истинную пользу народу, когда в них отразится все, чем живут народ, общество, государство, партия.

Обо всем этом особенно серьезно задумываешься накануне очередного, VIII съезда писателей СССР, на котором наши художники слова должны будут еще и еще раз глубоко осмыслить все те важнейшие задачи, которые были поставлены перед советскими людьми XXVII съездом КПСС.

Союз писателей СССР является в литературном мире уникальной по существу организацией, многие формы деятельности которой не имеют аналога ни в одной другой стране. Созданный более полувека назад, наш творческий союз объединяет около десяти тысяч литераторов, чье художественное слово звучит на восьми десятках языков наций и народностей великой страны. В духовной культуре социалистического общества получили развитие и в равной степени пользуются уважением как древнейшие литературы — русская, армянская, украинская, грузинская, таджикская, так и молодые, появившиеся уже после революции — киргизская, мансийская, аварская, нивхская. Идеино-творческий метод советской литературы — социалистический реализм, способствующий проявлению духовного потенциала творческой личности, непреложное идеологическое единство, лежащее в основе нашего творческого

союза, как подчеркивал Максим Горький на I съезде писателей, «конечно, не отрицает, не стесняет разнообразия наших творческих приемов и стремлений».

В каких бы жанрах, в какой бы манере ни творили наши писатели, каким бы ни было мироощущение каждого из них, они отражают в своих произведениях жизнь, быт, труд, духовное состояние, чаяния, стремления народа. Наша литература всегда восстает и против негативных явлений действительности, мыслью, идеей, которые посредством слова перерастают в дело, подталкивает общественное сознание к благотворным переменам.

При этом чрезвычайно важно понимать — это в первую очередь я адресу молодым литераторам, — что критический пафос, обличительный тон ни в какой мере не могут вытеснять позитивное начало, положительный идеал. Положительное начало, естественно, выражается даже в сатирическом произведении — выражается в высмеивании, обличении, подчеркивается авторской позицией. А все-таки еще более нам необходим положительный герой, глубокий и яркий характер, у которого можно было бы учиться, которому хотелось бы подражать. Таких героев, рожденных нашей жизнью, великолепно рисовала литература военных лет. Таких героев обязана создавать и литература периода мирного строительства.

Коль скоро упомянул я о молодых литераторах, то хочу подчеркнуть, что писатель не рождается за школьной партией или за студенческой скамьей. Уверен, меня не поймут излишне прямолинейно, ибо я ни в какой мере не принижаю роль школы, техникума или вуза в духовном, нравственном, профессиональном формировании личности молодого человека. Однако вновь повторяю, что писатель не рождается в ученичестве. Лишь тогда его слово и дело проникнут в сердца и души людей, когда окажутся замешанными на глубоком знании жизни, на проникновенном изучении всех сторон труда и быта человека мирного или ратного подвига, на изучении корней его духовного и душевного становления.

Подавляющее большинство литераторов, которыми сейчас гордится наша культура, пришли в писательский союз, имея за плечами неоценимый, ни с чем не сравнимый жизненный опыт. Всемирно известный сегодня художник слова Чингиз Айтматов по окончании сельскохозяйственного института работал зоо-

техником. Ярослав Смеляков и Михаил Луконин пришли в поэзию из заводских цехов и отразили в своем творчестве острые приметы времени. Писатель-фантаст Иван Ефремов взялся за перо уже в зрелые годы, будучи доктором наук, крупнейшим палеонтологом. Юли Друниной дала путевку в поэзию война, будничная по военному времени подвиг санитарки на поле боя. Романиста Владимира Попова металлурги помнят незаурядным инженером, талантливым организатором производства. Андрей Вознесенский, прежде чем стать прекрасным поэтом, получил профессию архитектора, а Борис Стругацкий работал астрономом на Пулковской обсерватории.

Таким примерам несть числа. И отрадно, что своим литературным успехам эти, как и многие другие, писатели обязаны не только собственному таланту и глубокому знанию жизни, но и той заботе, постоянному вниманию, которые наш творческий союз уделяет молодой литературной смене. Полагаю, что и читатели журнала «Смена», особенно его многолетние подписчики, хорошо знают о той поддержке, какую на протяжении многих лет оказывает журнал молодой поэзии и прозе, открывая новые имена и справедливо гордясь тем, что на его страницах впервые опубликовали свои произведения Василий Шукшин, Виктор Астафьев, Евгений Винокуров, Юрий Бондарев.

У нас давно сложилась и полностью оправдала себя на практике своеобразная школа литературного мастерства, открытая для всех, кого влечет необыкновенно трудное и ответственное словесное творчество. Первичная ступень этой школы — литературные объединения, студии и кружки, существующие при многих заводах, фабриках, учебных заведениях, редакциях областных и городских газет. Десятки тысяч начинающих литераторов проходят эту школу. Такие литературные объединения дали путевку в большую литературу иркутскому прозаику Валентину Распутину, вологодскому поэту Николаю Рубцову, армянскому прозаику Гранту Матевосяну, азербайджанскому поэту Вагифу Ибрагимову...

Практически при всех журналах и издательствах, так же как и при Союзе писателей СССР, действуют литературные консультации, от которых молодой литератор может получить профессиональный совет, профессиональную оценку своего, может быть, первого произведения. Так было, например, с первым романом Георгия Маркова «Строговы», которому дала путевку в жизнь литературная консультация при издательстве «Художественная литература».

Формированию молодого литературного пополнения активно способствуют творческие семинары и совещания, что проводятся регулярно в разных регионах страны.

Однако я погрешил бы против истины, если бы утверждал, что у нас нет проблем в воспитании и формировании молодых художников слова. И проблемы эти в первую очередь связаны с их нравственным воспитанием, с тем, что зачастую слово и дело у них расходятся между собой. К огромному сожалению, некоторые молодые люди видят в литературном труде, в профессии литератора возможность удовлетворения собственных желаний, считая, что умение грамотно и складно излагать на бумаге свои, увы, часто неглубокие соображения способно позволить им проникнуть в некий, как им кажется, элитный круг «мастеров словотворчества».

Есть и еще одна сложная проблема, с которой сталкиваются молодые литераторы. Ее можно назвать проблемой «второй книги», а называются с ней не те люди, о которых я только что говорил, — у них-то как раз такого не бывает, их ведь ничто, кроме, скажем резко, карьерных соображений, не мучает, — проблема «второй книги» зачастую встает перед действительно способными людьми, вложившими в свою первую книгу весь жизненный багаж, знания, опыт. И вот бывает, что удалось сказать многое, возможно, все, что тревожило, волновало, сказать это в первой, тепло принятой читателями книге. Молодой литератор заявил о себе, его признали, приняли, а он оказывается на распутье: что делать дальше, о чем теперь писать, бросать ли профессию и становиться профессиональным литератором? Позволю себе дать им такой совет: не спешите, продолжайте жить и работать, как вы жили и работали до выхода первой книги, столь же кропотливо собирайте новый жизненный материал.

Гигантская строительная площадка на берегу могучей реки или затерявшаяся в таежных дебрях буровая, детище научно-технической революции — механизированный животноводческий комплекс, золотое хлебное поле или цех непрерывной разливы стали — здесь рядом с человеком в рабочей спецовке может в рабочей же спецовке трудиться молодой литератор. Еще раз повторю: да, труд художника сугубо индивидуален, но, прежде чем отгородившись от людского шума, уединиться за письменным столом, необходимо обогащать себя запасом жизненных наблюдений. Исток любого настоящего произведения, начало рукописи там, где идет созидательная жизнь народа. И снова вспомним слова Максима Горького: «Литератор обязан хорошо знать все, что творится вокруг него, знать действительность, в которой он живет, и работу сил, которые двигают ее».

А сейчас наша действительность такова, что наряду с вопросами экономики, ускорения развития производительных сил, социальной политики, международных отношений со всей полнотой встает вопрос о возрастании ответственности людей, профессионально занимающихся литературой и искусством, за идейную глубину и художественное совершенство произведений, создаваемых для народа. Порой слишком медленно находят в литературе отражение проблемы, которые ставят перед всем обществом наше стремительное время. Процесс обновления общественной жизни, борьба со всем, что мешает ускоренному движению вперед, необходимость многое пересмотреть, обновить, создать — все это должно отразиться в художественной форме на страницах произведений советских писателей. Период, который сейчас переживает страна, не оставляет художника слова времени на раскату. Глубоко и умно обязаны отразить черты сегодняшнего дня наши литераторы, в том числе, конечно, и молодые, которые ни в коем случае не имеют права превратиться в пассивных наблюдателей, ждущих указаний и рекомендаций. Молодая творческая энергия, помноженная на искреннюю заинтересованность в результатах общего труда, — вот чего мы ждем от юной литературной поросли.

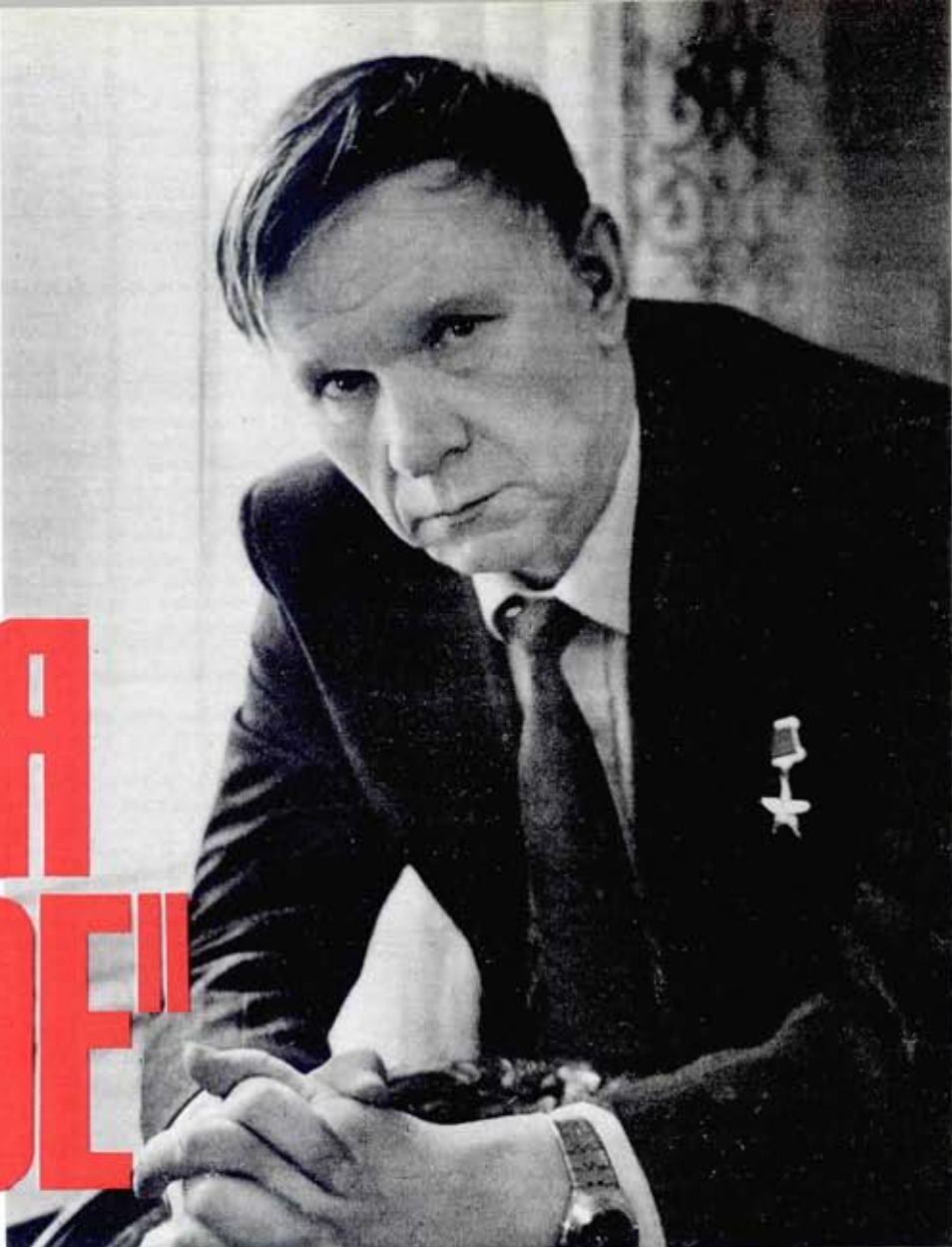
ДЕЛО СЛОВА

Юрий ВЕРЧЕНКО,
секретарь Правления
Союза писателей
СССР

VIII СЪЕЗД
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ВАСИЛЬ БЫКОВ:

"ГЛУБОКО ПОСТИГАЯ ИСТИННОЕ"

Александр РУДЕНКО-ДЕСНЯК

По случайности эти заметки были начаты в День Победы — день, когда каждый, кто жил, существовал на свете в годы минувшей войны, снова и снова думает: люди делятся на две части — у одних война в памяти, другие знают — она была. Моему поколению, родившемуся в 30-е годы, время щедро отмерило похоронок и безотцовщины, и праздничная бездонность майских дней сорок пятого — тоже с нами; тут свое, пусть и не такое уж великое, прикосновение к военному огню. Но велико ли при этом знание, постижение, наконец, осмысление войны?

Едва задашь себе этот вопрос, задумаешься: а что же помогает живо — до болезненной остроты — ощущать события такой давности, видеть их подлинный смысл, — и в числе «возбудителей» сознания неизбежно обнаружишь книги Василя Быкова.

Они принадлежат людям всех возрастов и самого разного духовного опыта. Они — теперь это очевидно — вошли в народное сознание, стали его неотъемлемой частью.

Есть масштаб дарования, есть его природа. Есть, наконец, проблема реализации творческих данных писателя, проблема реализации каждого из его замыслов. Чисто почитательски разные книги В. Быкова воспринимаются, естественно, по-разному. Только можно ли не прочесть каждую новую книгу Василя Быкова?

С ним трудновато общаться — он не принадлежит к числу людей, свободно, просто открывающихся навстречу собеседнику. Заговоришь, задашь вопрос — к тебе доброжелательны, и все же возникает ощущение, что отрываешь человека от какой-то постоянной, непрерывной работы. Ощущения же такого рода мало способствуют легким контактам.

И в книгах его бессмысленно искать легкость стиля, летучесть мысли, сюжетную завлекательность — пусть и во имя благих намерений. Мне доверлось читать еще в рукописи повесть В. Быкова «Карьер» — это самое «горячее» его произведение, опубликованное месяц назад. Трудно шло это чтение, и все казалось, что обстоятельство такого письма неско-

лько излишня, а вдруг пришло чувство, которое не назовешь иначе как оцепенением: зримо, явственно открылась бездна человеческой трагедии — проваливаясь в эту бездну, найдешь ли силы для отмеренных критических соображений? В каждой вещи писателя есть этот странный нерв, — спрятанный более или менее глубоко. Прикосновение к нему обжигает всегда. Суть его, наверное, — обнаженность, оголенность самого человеческого существования перед грозным и беспощадным механизмом войны.

Серьезное творчество не может быть выставкой запрограммированных шедевров. Доказав это, рабочая практика В. Быкова доказала и то, что ясность поставленной художником цели несколько не мешает ей самой уточняться и видоизменяться со временем.

Василь Быков — всегда и во всем писатель «военный», один из ведущих представителей нашей «военной» прозы. Назвать его баталистом язык не поворачивается: изображаемые им бои и вооруженные схватки очень уж местного, а то и вовсе локального значения. В первую очередь изображается человек на войне? Да, формула эта безупречна и к В. Быкову имеет прямое отношение. Тем не менее есть же разница между первыми его произведениями и написанными совсем недавно. Судя по всему, война у белорусского писателя все сильнее проявляется как ненормальная, специфическая, но форма человеческой жизни, бытие человека во всей сложности его связей с окружающим миром. Связей, по необходимости спроецированных во «вчера» и в «завтра». Это уже то, что принято называть философией предмета. «Военная» тема выглядит у В. Быкова поистине неисчерпаемой и потому, что писатель доказал живую силу честной, негаснущей памяти о войне и ее уроках, и потому, что жизненный материал увиден им в исторической и социальной перспективе.

Увиден по-быковски.

Произведения одного и того же писателя — всегда сообщающиеся сосуды. Степаниду из повести «Знак беды», белорусскую крестьянку, для которой лучше сгореть, чем поклониться оккупанту, очень легко поставить рядом и с Сотниковым («Сотников»), просто неспособным на малейший компромисс с врагом, хотя речь идет о жизни и смерти, и с лейтенантом Ивановским («Дожить до рассвета»), который упорно, вопреки здравому смыслу стремится выполнить воинское задание, — и это притом, что судьей своим поступкам будет только он сам. Сам... Вот это момент

важнейший: разнись между собой, как и всякие живые люди, герои В. Быкова наделены удивительно объединяющим их естественным чувством собственного достоинства, тем пониманием человеческого, солдатского долга, что всегда выше простого подчинения приказу и даже моральным нормам. Есть выражение «бремя ответственности». Вполне ощущая его тяжесть, быковские герои сознательно делают ее все большей и большей для себя. Активные натуры, они привыкли действовать, а не выжидать, и это свойство человека, вызывая уважение, легко может поставить и его самого, и других людей в сложное, драматическое положение.

В произведениях В. Быкова до «Знака беды» действовали, как правило, люди твердых, ясных, в общем, уже сложившихся представлений о действительности. Мы большей частью могли только догадываться, почему эти люди именно таковы, что сделало их такими, да и подобные вопросы часто отходили куда-то на второй план. Слишком мощно надвигались события, требуя от героев быковской прозы предельного напряжения сил, ставя под угрозу саму их жизнь. Не имея времени для долгих и спокойных размышлений, они подчинялись некоему нравственному инстинкту, голосу совести, не давая взять верх мыслям о возможных и вполне реальных опасностях. И Степанида из «Знака беды» поначалу не приемлет оккупантов, появившихся на ее земле; чисто инстинктивно, с нескрываемой брезгливостью, что ли. Нормальная реакция нормального человека, вот только все становится ненормальным в окружающем Степаниду мире, и сама ее натура восстает против складывающегося порядка вещей, предвещая трагический финал.

Повести В. Быкова давно отнесены критикой к числу произведений, составляющих «литературу нравственного выбора», — речь шла о таком существовании литературного героя, когда он в предельно конфликтной ситуации четко определял свою жизненную позицию, обнажая глубины своего характера, своего естества; кратчайшим путем герой двигался к нравственному самораскрытию. Нечто подобное происходит и со Степанидой. События получают мощный изначальный толчок (как обычно в быковской прозе), уже ничто не может остановить их хода (так тоже всегда у В. Быкова), и то, что мы узнаем о Степаниде в процессе ее яростного противостояния незваным пришельцам, помогает проникнуть в цель-

ный человеческий характер, в атмосферу первых военных месяцев, заставляет удивиться этому взлету человеческой души, когда, казалось, ничто ему не способно.

Все ясно — и ситуация, и расстановка противоборствующих сил. Но писатель вводит в повесть эпизоды, воспроизводящие житейско-бытовые Степаниды и ее односельчан в предвоенное десятилетие. Так предметно воплощается авторская мысль о том, что жизнь человека на войне никак не может быть изолирована от его остальной жизни — в самых разных ее аспектах и поворотах. Тому, как действует литературный герой и почему действует именно так, отыскиваются все более и более сложные объяснения.

Сколько было книг и кинофильмов, где безоблачное и голубое предвоенное небо вдруг затягивалось темными военными тучами, и люди, бросив свои радостные и веселые занятия, погружались в пучину войны. «До» и «после» июня сорок первого — реальность, и она отчетливо ощутима в «Знаке беды», только суровая интонация повести исключает идиллические картинки, к какому бы времени они ни относились.

Тридцатые годы — это ломка старых отношений в деревенской общине, а ломка есть ломка, и новое с трудом пробивало себе дорогу: были и объективные трудности поиска нехоженых социальных путей, и разного рода извращения принципа коллективизации на местах. Да и в конце тридцатых хватало всяческих испытаний; о многом Степанида вспоминает с понятной горечью, особенно о том, что людям, искренне отстаивающим начала новой жизни в деревне, далеко не всегда воздавалось по заслугам и на них обрушивалось трудное время... В деревне привычно думать, что разного рода новь и передряги чаще всего приходят «извне», и соображения эти Степаниду не обходят, но самое интересное в том, что она, вспоминая не такое уж давнее прошлое, никак не снимает с себя ответственности за все, что происходило, хотя и должности, и прав у нее особых не было — сельская активистка, каких тысячи и тысячи. Уже говорилось, что герой В. Быкова всегда принимал на себя максимальную ответственность — это его свойство приобрело в «Знаке беды» новый, несколько неожиданный и отчетливо социальный смысл. Степанида, простая, как принято говорить, крестьянка, наделяется обостренным чувством социальной ответственности, ответственности перед людьми, и ее стремление найти свой способ сопротивления оккупантам, ее подвиг самосожжения никак не отнести к проявлениям одного лишь нравственного инстинкта.

Рядом со Степанидой, по мере развития сюжета обретающей все большую и большую монументальность, ее муж Петрок выглядит фигурой легкой, непрочной, по первому впечатлению трагикомической. О Петроке стоило вспомнить потому хотя бы, что он олицетворяет способность, даже готовность к житейскому компромиссу, а губительность его для человеческой души не раз и убедительно доказывалась писателем. Персонаж повести «Сотников» Рыбак — чуть ли не имя нарицательное: здоровый парень, вполне добросовестно воевавший в партизанах, на наших глазах становится прислужником оккупантов и убийцей своего вчерашнего товарища. Есть в этом превращении неумолимая логика, есть и начало — первая, маленькая уступка обстоятельствам, есть и коварное самоутешение Рыбака, что обстоятельства эти удастся как-то перехитрить... Малопривлекательная в своей четкости модель человеческого поведения, если пользоваться современной терминологией.

Признаки этой модели явственно дают знать о себе в поступках Петрока. В отличие от Степаниды он пытается найти хоть какой-нибудь общий язык с оккупантами и полициями и самогонкой от них откупается — то-то потешается Степанида над ним и его надеждами, что как-то «пронесет». В строгих суждениях Степаниды наличествует высшая правда, понять ее можно, принять же до конца все время что-то мешает (не в последнюю очередь то, что Петрок не спасает себя за чей-то счет). Они оба трудяги из трудяг, у них за плечами общая голгофа, как справедливо был назван каменный холм, превращенный адовым трудом в способную плодоносить землю. У них общая судьба, общие беды и радости — и в самом обычном, и в самом высоком значении этих слов. Самые близкие друг другу люди вдруг начинают по-разному относиться к одним и тем же вещам, удаляться, уходить друг от друга — разве нет в этом взаимном отдалении боли и драматизма? Легко судить Петрока, только метания его должны быть понятны, и писатель, так часто и справедливо доказывавший, что поддаваться власти обстоятельств губительно, в самой формуле «человек и обстоятельства» делающий очевидное ударение на первом слове, заставляет нас присматриваться и присматриваться к слабому Петроку. Всяким ли обстоятельствам и всяким ли человеком может противостоять? И коль Степанида взращала временем, то почему бы некоторые черты Петрока не отнести на счет времени — само собой, не в лучших его проявлениях?

Снова и снова обращаемся мы к ретроспекциям в повести «Знак беды»...

Нужно немалое мужество, чтобы вслед за Сотниковым, за Степанидой подниматься к высотам духа, высотам самоотречения, убеждаться, что только в смерти не потеряют себя эти незаурядные и сильные натуры, проникаться чудовищной несправедливостью происходящего. А следить за мучениями доброго и слабого Петрока требуется меньше писательского мужества?

Нет, никак не упрощает писатель жизненных вопросов, возникающих перед его героями. Как часто они хотят от жизни простоты и разумной ясности — и как часто не находят в ней ни того, ни другого, лишаясь покоя, испытывая все большее чувство тревоги и растерянности. Как ни труден бывает для человека выбор точного поведения и верной позиции — сама возможность четкого выбора кажется подчас благом быковским героям: так жестоко залуцывают их реальные обстоятельства войны.

«Всегда он очень боялся, как бы силою обстоятельств не оказаться загнанным в угол без малейшей возможности к победе или отступлению», — сказано о главном персонаже упоминавшейся в начале этих заметок повести «Карьер». Начальник боепитания полка старший лейтенант Агеев раненным попадает в окружение, мучаясь поначалу от вынужденного бездействия. Мы успели познакомиться с ним в минуты трудного боя (самое начало войны!), успели оценить солдатскую честность и надежность этого достаточно обычного человека. «На его глазах гибли люди, рушились вековые устои и ставилось под вопрос будущее всей земли — как можно было сохранять спокойствие, мирно спать в этом тихом уголке Белоруссии, куда его занесла война?» Еще: «...до сих пор он был солдат и не в его власти было принимать значительные решения — решения принимались другими, ему же предстояло их выполнять. Здесь же он оказался в положении, когда сам стал начальником и подчиненным в одном лице, сам должен был принимать решения и выполнять их, что оказалось трудным и весьма непривычным». И еще: «Даже будучи раненым, он не имел права на спокойное житейское под немцем...» Снова перед нами активная, жаждущая действия натура, оказавшаяся в ситуации, когда все поставлено с ног на голову. Но, судя по всему, даже у В. Быкова герой еще не подвергался таким мучительным испытаниям.

«Карьер» — жесткая, жестокая проза. Жаждущий действовать, Агеев вынужден без конца поступать не так, как хотелось бы. Он всего-навсего не хочет лезть на рожон — а это в его положении вполне разумно и объяснимо — и дает расписку начальнику местной полиции, предателю-убежденцу Дрозденко, расписку в том, что согласен сотрудничать с секретными службами оккупантов. Он связан с подпольем и хотел бы принести ему как можно больше пользы, а сталкивается с недоверием и отчужденностью, не лишены оснований, если стать на точку зрения подпольщиков. И самое главное. Агеев в конце концов оказывается в таком жизненном переплете, когда и впрямь невозможно решить, что лучше: совершать какие-либо поступки или вообще не совершать их. «Военный» материал, как видите, помогает писателю ввести читательскую аудиторию в круг острых, поставленных с немалой долей внешней парадоксальности нравственно-философских вопросов.

Агеев все-таки выбирает действие — и в результате посылает на смерть девушку, с которой столкнула его судьба и которую он успел полюбить. Не укладывается жизнь в простые дилеммы, возникающие перед литературными героями! Направо пойдешь, налево пойдешь... Герой «Карьера», в сущности, лишен выбора, последней привилегии людей, попавших на грань жизни и смерти. Осуждать Агеева? В повести сказано прямо: «Тот, кто судит со стороны, всегда судит умнее, но честнее ли — вот в чем вопрос». И хотя так рассуждает сам Агеев, сказанное можно отнести и к нему. К памяти о происшедшем, о своем трагически-прометчивом поступке Агеев приговорил себя по собственной воле: Через много лет после окончания войны он возвращается в местечко, где когда-то был, где находится карьер, ставший местом расстрела и его самого (он чудом выжил), и его товарищей, и его любимой. Долги оплачены, упрекнуть Агеева не в чем. А он упорно копается в старом карьере, вызывая недоумение окружающих, упорно пытается воскресить... Что? «Он ведь и сам ничего толком не знал. Он ведь и самому себе хотел доказать, что ее там не было. Что она там не осталась. Что в тот раз, возможно, она уцелела...»

И если бы только местные общественники, так любящие порядок, удивлялись Агееву и его нынешним поступкам. Собственный сын с крайней сдержанностью относится к отцовскому копанию в прошлом. Тут можно говорить о барьере непонимания между людьми разных поколений, выросших все на той же взрыленной войной почве, но важнее, мне кажется, другое: волей-неволей Агеев-старший начинает видеть в Агееве-младшем себя, себя много лет назад,

себя, обо всем имеющего твердое мнение и готового, в случае нужды, действовать с той самой бестрепетностью, что обрела по прошествии лет такую горькую цену.

Отчужденность в отношениях Агеева с корректным и умным сыном и крепнущая близость его с изрядно потрепанным жизнью, сильно опустившимся Семеном — как наглядно с моральной точки зрения подобное противопоставление! При письме даже чуть более сентиментальном так бы оно все и выглядело. Но мы ведь читаем Василя Быкова, и за любыми складывающимися отношениями его героев мы всегда ощущим все ту же неумолимую жизненную логику, постоянную взыскательную проверку очевидных истин. И простейшие открытия не даются этим людям без труда, потерь, переоценки ценностей. Ломаная, переломанная жизнь и малопрезентабельный уход из жизни достались на долю Семена, а нынешним своим, до предела обостренным зрением Агеев сумел рассмотреть вставший перед ним солдатский и человеческий подвиг.

Прошлое было таким, как было. Вся соль в том, как после пережитого смотрит на людей, что ценит в них герой «Карьера», герой Василя Быкова.

Жизнь прожита Агеевым, прожита сравнительно благополучно. Она могла бы, по-видимому, стать иной, пройти иначе, не будь большой памяти о случившемся в войну, памяти, так резко обострившейся с годами. Одна-единственная человеческая жизнь.

Цена победы — емкое и многозначное словосочетание. Его смысл всегда высок у В. Быкова и всегда лишен романтически ярких красок. Писатель не упускает из виду вечную проблему цели и средств — она заземляется, эта проблема, когда ее погружают в вязкие реалии войны. Как достались относительно маленькие победы, из которых сложилась победа большая, вопрос не праздный. К ответу на него писатель пробивался через «Сотникова» и «Дожить до рассвета», через повести «Мертвым не больно» и «Круглянский мост», через «Знак беды» и «Карьер». Вопрос, на который никогда не может быть полного и удовлетворительного ответа, — вот что в числе прочего доказывают книги Василя Быкова.

Он не щадит читателя, настойчиво раскрывая перед ним лик и сущность войны. Самое страшное, что она приносит — кроме жертв, конечно, — это потеря человеческого в человеке. Самое высокое, чему она учит — об интерпретации военных событий В. Быкова это можно сказать с уверенностью: резервы людского духа неисчерпаемы, и чем сильнее пресс обстоятельств, тем яростнее сопротивление им. Трагический «Карьер» подвигает к мысли: поистине нет предела строгости и взыскательности нравственного суда, обоженного личностью к самой себе.

Эта гуманная мысль очевидно выходит за рамки чисто «военной» прозы.

**РЕКОМЕНДУЕМ
МОЛОДОМУ ЧИТАТЕЛЮ
КНИГИ ВАСИЛЯ БЫКОВА**

- Журавлиный крик. Повесть и рассказы. М., «Советский писатель», 1961.
- Обелиск. Повесть. М., «Советская Россия», 1975.
- Дожить до рассвета. Повести. М., «Советский писатель», 1976.
- Его батальон. Повести. М., «Молодая гвардия», 1976.
- Альпийская баллада. Повести. М., «Молодая гвардия», 1981.
- Третья ракета. Повести. Лениздат, 1981.
- Знак беды. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1984.
- Повести. М., «Художественная литература», 1984.
- Карьер. Повесть. «Дружба народов», №№ 4,5, 1986.

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

ИЗ РАЗНЫХ ТЕТРАДЕЙ

Азбука корней

а

Могу заявить а priori¹ я смело
Всем тем, кто хитрит, изголяясь всегда,
Что так, как желали, что так, как хотели,
Не будет, я знаю, теперь никогда.
А как? Как того древо жизни захочет,
Его не погубит и дикий мороз,
Который живые побеги курочит.
Они оживут. Вот ответ на вопрос.
И в небо возносятся вечные ветви,—
Родная земля дарит силу корням!
За судьбы дубов наших тысячелетних
Не надо уже беспокоиться нам.
Не будет того, как того вы хотели...
Всё меру свою обрело навсегда.
Вершит справедливость древесное тело,
А в кольцах ствола совершенны года.
Все в мире пребудет в разумном пределе.
Заранее знаю, жизнь не обмануть.
Растет, устремляясь ввысь, дерева тело:
Ствол срубите—корни его оживут.

б

Я все отдам, но этот угол²
Земли оставьте. Он как боль
Солистки иволги: сквозь дуги
Дождей звучит к нему любовь.

Я знаю, чем был этот угол
Земли, чем не был. Сколько войн
Он перенес. Неслись по кругу
Хула и слава над тобой.

Хватало... Не хватало хлеба:
Во время сева по Земле
Шел бог, спустившийся к нам с неба,
И сатана за ним след в след.

О, сколько раз пропит, повешен,
Проигран в карты край мой был.
Но он вздымался силой вешней:
Кресту с мечом не уступил.

Я знаю, чем был этот угол
Земли, крещенной кровью встарь.
За муки те Литве в заслугу—
Сердеч светящийся янтарь.

Сердеч биенье, словно лиру,
Я слышу... Скромный угол мой
Оставьте мне. В огромном мире
Его удел такой простой...

По имени ты ливня³ назван.
Пусть иволги проволглой песнь
Ведет о днях твоих рассказы,
О том, каким ты был и есть.

Мой край святой, в борьбе священной
К тебе я шел в свинцовый дождь...
И вызволил тебя из плена.
Живи и дальше, как живешь.

с

И ты живешь. Дождей твоих химеры
Меняют громом облик облаков.
И поэссой, что хмельна без меры,
По-иволжьи поешь среди лесов.

Покачиваешься под лаской вышней
Ветров сосною среди стволов берез.
Вы вместе танцевать суктинис⁴ вышли,
Сверкаешь ты, как лемех, в ливнях рос.

¹ Заранее (лат.).

² Литва.

³ Литва по-литовски Летува (Летува—летус—дождь).

⁴ Народный танец.

И белые стволы, как кавалеры,
Компанией сплетают кольца рук.
И, очарованный, я с доброй верой
Вслед за тобой вхожу, как трактор, в круг.

В глазах мелькает озорной суктинис
Стволов берез, ветвей сосны излет.
Да, я старик. И много в жизни вынес,
Но полон сил не на один я год.

Хотя и черен хлеб насыщенной воли,
И пахнет прядь сосны им с высоты,
Но главное—лесной мадонной в поле
Стоит она несрубленной, как ты.

Все остальное—только капля в море.
Без капли, правда, тяжело порой...
Так соберем же в улей мед со взгорьев,
Полей, лесов, со всей Литвы родной.

Солисткою дождя звучи из леса,
Пусть слышит в мире иволгу любой.
Плывешь в цветах прекрасных поэссой,
А я лишь скромный отголосок твой.

И вот Милан. Что ж, раз в жизни, конечно,
Я к да Винчи схожу. Перед взором моим
Наконец-то предстанет в нетленности вечной
То, что методом я создаю иным.
Тороплюсь я попасть к открытию музея.
Как студент в институт не иду, а бегу.
Теплый дождь освежил увядшую зелень,
Из камней рвется свет и праздничный гул.
Отлично мне здесь, и дышится вольно:
Европа встречает сердечно гостей,
Европа стремится проклятые войны
Убить. И сблизает сердца людей.
Европы профиль повернут влево.
Куда исчезла кокетства игра?..
Профиль чудесен. Но главное дело
В том, что Европа серьезна, мудра.
Как довод и как аргумент, что недаром
История всем воздала сполна,
В артерии города, на бульвары
Врывается мощною силой весна.
Шагают в ногу колонны, колонны...
Мужчины, женщины—заодно!
Навек пристал запах хлеба к ладоням,
Который сопровождает вино.
И кровью—не красками—Леонардо
На фреске суть хлеба святого писал:

Рисунок Стасиса КРАСАУСКАСА

Зеленый пиджак

Пиджак зеленый я надел сегодня,
На красную рубашку повязал
Пестрейший галстук,
галстук с дятлом сходен,
Который самым модным франтом стал.

Я в шапке конокрада брови хмурю.
Весна, арбитр мой, вскоре будет тут.
Взыскующую признаю де-юре...
И здесь я жду, когда же призовут

Меня зеленые леса Ван Гога,
Зеленым деревом
мне жить придется в них!
Я не пришелец и не гость убогий...
Закон растений я постигну вмиг.

Иду полями, конкурент березы,
И пестрый дятел на моей груди.
Где ангелом взшла береза в воздухе,
Там берег речки шепчет: погоди...

Могу с березой поменяться ролью
(Как два зеленых близнеца мы с ней).
Могу ее на летние гастроли
Отправить в город временно с полей.

Могу побыть березой этим летом,
Побуйствовать листвою вдоль дорог.
Вдруг мне традиционные поэты
Подарят, расщедрясь, незлобный слог.

В зеленом пиджаке стоять я буду.
Пестрее дятла галстук повяжу.
Порядок отстою в зеленом гуде,
Не дам огню стереть лесов между.

Стачка в Милане

«Диктует все хлеб, но хлеб не награда.
Кто против, тот осквернен будет сам».
Всплеснула гневом стачка в Милане.
Грозен ее очищающий вал.
Не время, друзья, подсчитывать раны.
В единстве железном ваши права.
Шагают по улицам демонстранты.
(Трясется прогнивший режим, чуть жив.)
И с кумачовых летит транспарантов
В будущее миллионов призыв.
Я шел, чтоб найти в старинном музее
Истории след. Но не разве она,
Врагов своих разметав и рассеяв,
Сама пришла, разномовенно юна?..
Я так поражен ожившей вдруг фреской,
Что прямо в объятия к юной стремлюсь.
День, пахнущий хлебом, кьянти, песней,
Помог осознать всю причинность уз.
Когда я свой ужин ел в ресторане,
Вино Леонардо согрело мне грудь.
В тот вечер, прощаясь с бурлящим Миланом,
Я хлеб его ел, отправляясь в путь.
И если кто, может, в шутку даже,
Заявит, что мир на месте стоит,
Вновь фрески да Винчи ему докажут,
Что рушится, рушится старый быт.

Свинцовая гравюра

Северный ветер резцом гравюрует свинец поднебесья,
Вырезал тучи и птиц вереницы он на металле.
К берегу я доплыву ли сегодня, увы, неизвестно,
Волны подчонку швыряют, руки и ноги устали.
С неба расколотого, изогнувшихся рухнувших сводов
Шорох свинцовый дождя собираю, проседь тумана,
Птиц призываю со мною отдаться стихии свободной,
Летние дни в эмиграции дальней, за океаном.
С птицами вольными я научился страданью и счастью,
Переболел беспокойством их вечным. Этот осенний
Тусклый пейзаж и палитры его монотонные краски
В плен пессимизма не схватят, знаю дорогу к спасенью.
Врезал резец на темный свинец
не света ли преставленье?
Жуткая гибель птиц гордых, распад облаков громадных...
А человека? И он—не оригинал, к сожалению,
Копия... И спровоцировал змий ее в кущах сада.
Вставь ты меня, ветер северный, в эту немую гравюру,
Ибо свинца, матерьяла для гроба, мне ли страшиться...
Видел я мира начало, видел конец его в бурях...
Здесь умереть мне, здесь мне, воскреснув, родиться...

Перевел с литовского
Юрий КОБРИН.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 13 (1419) ИЮЛЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
актриса
театра и кино
Гражина БАЙКШТИТЕ.

Фото
Валерия
ПЛОТНИКОВА.

- 1 Юрий ВЕРЧЕНКО. «ДЕЛО СЛОВА».
- 2 ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ.
«ВАСИЛЬ БЫКОВ: «ГЛУБОКО ПОСТИГАЯ ИСТИННОЕ».
- 3 Стихи Эдуардаса МЕЖЕЛАЙТИСА
«ИЗ РАЗНЫХ ТЕТРАДЕЙ».
- 4 Рассказ Анатолия ТКАЧЕНКО «АЛЁЛЯ».
- 9 XXVII СЪЕЗД КПСС ТРЕБУЕТ ОТ НАС...
«БОЛЬШЕ, ЧЕМ СДЕЛАНО».
- 12 Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. «В ПОЛЬЗУ МОЛОДЫХ».
- 15 ДИСКУССИЯ «ОТСТУПИТЬ ИЛИ ОДОЛЕТЬ?»
Ирада АБДУЛЛАЕВА. «СОСТЯЗАНИЕ».
- 16 НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС.
Михаил КУЗНЕЦОВ. «КОЛЛЕГА КОМПЬЮТЕР».
- 18 БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ.
Александр БОЙКО. «КУРИТЬ ИЛИ ЖИТЬ?»
- 20 ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА».
Сергей МИКУЛИК. «УСЛОВИЯ ИГРЫ».
- 22 Борис ЛЮБИМОВ. «ЖИЗНЬ ПО ОБЕ СТОРОНЫ РАМПЫ».
- 24 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Марина КРАЙНЯЯ. «НАЧИНАЕТ «ДИАЛОГ».
- 25 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
Артур ГАСПАРЯН. «РОК-МУЗЫКА: ПРОГНОЗ НА ЗАВТРА».
- 26 МИР КАПИТАЛА: ПОКРОВИТЕЛИ УБИЙЦ.
Александр КАРМЕН. «ЧЕРНЫЕ СЛЕДЫ».
- 28 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Агата КРИСТИ. «ПРОИСШЕСТВИЕ В СТАРОМ ЗАМКЕ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНУКОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

Возница, колхозный кучер, подшевелив кнутом двух гнедых меринков, выкрикнул привольно:

— Алё-ля! Шевелись, милые да ленивые!

Лошади протрусили немного по станичной гравийной улице и вновь сбились на бодрый шаг, хорошо понимая своего хозяина: не со злости он стегнул их витым ремнем, пропитанным их же потом, а так — слегка покрасоваться перед гостем, расположившимся на заднем, «ковровом», сиденье тачанки, где обычно восседает кто-либо из бригадиров, а в весенне-осеннее проселочное распутие и сам председатель колхоза. И другие лошади умно почувствовали: поездка-то будет прогулочная, чего же постромки рвать?

Более недели я пробыл в августовской, немилосердно знойной степи, и вот за день до отъезда мне предложили обозреть окрестности станицы Баклановской на тачанке. Кучер Алексей Иванович охотно согласился возить меня, подбодрив многоопытно: «Возвышенно пронаблюдаете наши места,—и похлопал ладонью высокое сиденье своего экипажа.—Потом опять же по-человечески, на малой скорости, хоть с мечтанием, хоть с разговором интересным». Легко было догадаться, что ему нравилось возить «корреспондентов» и ответственных «представителей», он привык к нестеснительному общению с ними.

Часты ли теперь такие поездки? Я радуюсь дороге, лошадям и понимаю, конечно: «интересного» разговора с кучером мне не избежать — какой же русский, тем паче сельский, упустит наезженого, да еще московского, не наговорившись досыта? И все-таки я не ожидал, что общение наше начнется так вот сразу, без обязательного вроде бы обмена мнениями о погоде, последних международных новостях.

Резво въехав на конный двор и осадив лошадей, Алексей Иванович показал мне яму с гнилостной водой неподалеку от дверей конюшни.

Анатолий
ТКАЧЕНКО

РАССКАЗ

— Полюбуйтесь, уважаемый! Чего видим? — возмущенно выкрикнул он и сам ответил: — Правильно, болото вонючее. Да рази я сам накрою эту канализацию вон теми бетонными игрушками, ежли в каждой полтонны?

— Откуда, какая канализация? — спросил я.

— Оттуда же, как и у вас в городах. Сближаемся. Детишкам в детсадики теплые клозеты поделали, а пользуемся как? Половые тряпки в трубы спускаем! Меньше пользуемся, чем чистим. А чистилка у мене на конюшне. Разворочают, вот и дышу месяцами, лошадей травлю. Полюбуйся — лошадь захлебнется, ежли свалится.

— Что же председатель?

— Да он мене в кабинет не пукает. Не до тебе, кричит, силос заготовливаем. Оно, конечно, так, да как бы в зиму не осталось...

— Сделают, накроют, — успокаиваю я и вижу, что мой кучер, выкричавшись, произведя на меня нужное впечатление своей деловитостью, сноровисто выворачивает лошадей на станичную улицу, говоря мне наставительно:

— Отметьте этот недостаток председателю. Только про мене — ни-ни. Конфликтую с им: травку лошадам подкашиваю, эту, культурную, другой у нас нету, а он грозится — премии лишу. А как коню без зеленки — это ж бензин его, ежли по-научному? С плохого бензину машина не пойдет, самолет не полетит. Правильно рассуждаю?

Я соглашаюсь с этой очевидной истиной, и мы, оставив позади последний станичный двор, тряско выкатываемся на широкий большак, по которому, волоча космы пыли, бегут в разных направлениях машины: убирается кукуруза на силос, рослая, крепкостебельная. Кому не ясно — грех косить такую кукурузу, сколько бы зерна дала! А что поделаешь, иссушит зной до жестяной белизны — совсем пропадет. За июль и август и единой капли не упало из высоких небес на просторные здешние степи.

Встречные и попутные машины глушат нас ревом моторов, обдают пылью; лошади вскидываются, шарахаются к обочине, того и гляди вывалят седоков в кювет, но Алексей Иванович терпеливо выправляет их, а я удивляюсь: ведь эти меринки с жеребьячьего возраста смотрят на всяческие механизмы, слышат лязг, рев, грохот двигателей и вот не привыкли, пугаются каждой машины, словно бы видят ее впервые в своей степи. Невольно думается: не сама ли природа противится засильной технизации?

Может быть. Но что с того? Вот оно, во все стороны возделанное пространство, горизонт полным кругом замыкает его (такое видится лишь посреди открытого моря), и какими лошадями, какой живой силой можно распахать, засеять и убрать эти поля? А все же душу щемит жалостливая тоска по невозвратно уходящей земной первозданности, и ты ищешь, мучаешься своим разумом: как бы соединить хоть какую-то часть ее с ожесточающей планету механизацией? И радуешься мысли: так вот же, вот пара лошадей катит легкую тачанку, и ты «возвышенно» сидишь на ней, и жирным потом лоснятся крупы, и летят под колеса рыжие пахучие яблоки конского помета... Пусть будут лошади, пусть будет всяческая другая живность полезная да просто красивая. А лошади и работать могут, когда же они иждивенцами были? Даже те, что на ипподромах, прекрасно себя кормят...

— Замечтался, уважаемый? — прерывает мои размышления кучер. — Оно и не грех, ежли душа никуда не торопится. Вот и жестко против машины, а покойнее. Так? — На мою медленную согласную улыбку он отвечает улыбкой же и, еще более повернувшись ко мне, держась за вожжи, спрашивает: — Как прикажете ехать, по малому или большому кругу?

— На ваше усмотрение, Алексей Иванович, вы мой степной гид сегодня.

— Тогда по большому, больше впечатления получим. Через Птишное, Тишенку... И кличьте мене просто Алёля. У нас, станичников, редко кого по именам-отчествам, начальников разве что. А так — по кличкам. Имя-отчество от родителей, кличка — от жизни, какую заработал, с той и жизнь свою коротай.

— Слышал. Мне сказали: Алёля повезет. Да неловко как-то... За что вас так прозвали?

— С мальчонков. Спросят, бывало, как звать. Алёля, отвечаю. Алеша, значит, не выговаривал. И меринки вот мои привыкли — своим прозванием их погоняю. Крикну: «Алё-ля!» — и знают, хозяин на козлах, все в порядке на сегодняшний день, трудиться старательно нужно... — Он хотел еще что-то прибавить, но поравнялись две встречные машины как раз перед тачанкой, нас обдало горячей пылью, лошади шарахнулись к кювету, и Алёля, привстав, крикнул им

ПЕЛЯ

что-то успокоительное, затем, жестко понукая вожжами, выправил на дорогу. Мой кучер сух, жилисто крепок, коричневокож от всегдашнего загара, с хищновато пригнутым к верхней губе носом, и глаза у него раскосы прищурены, чуть кровавы на степном ветру и солнце; он в клетчатом плотном пиджаке (а мне и в рубашке жарко), приплюснутая кпереди кепка как бы срезает верхнюю часть его головы, отчего подбородок кажется излишне тяжеловатым и волевым, хотя мой кучер (я уже понимаю это) и добр, и простовато душевен; его знают во всех окрестных станицах и селах, над ним подшучивают за редкостную в наше время привязанность к лошадям, «с мальчонков», а он, не обижаясь, каждому шутнику втолковывает: «Пойми, у лошади душа имеется»; ему шестой десяток, в кучерах он собирается до пенсии служить, а будут силы да если не отнимут лошадей, и после еще покучерит.

Мы сворачиваем с большака в сторону обширного, упрятого в зелень садов села, дорога эта спокойнее, и Алёля напористо спрашивает меня:

— Скажи, уважаемый, кому нужна лошадь в космическое время нашей жизни?
— Людям.—убежденно отвечаю я.
— А корма где брать?—Алёля рукоятью кнута описывает широкий полукруг перед собой.—Где косить, где выпасать, уважаемый?

Я повел глазами за кнутовищем и увидел то, чему не переставал радоваться, разъезжая по степи: в любую сторону—полосы, квадраты, массивные клинья полей, размежеванные зелеными лесополосами, местами в желтой стерне, местами тучно вспаханные, и под веселым разливом подсолнечника, и в буро-зеленом мареве кукурузы... Я впервые видел землю, родящую мощно, возделанную давно и хлебоборно, землю кормящую, а не просто питающую кое-чем да кое-как. Поля подмосковные или, скажем, амурские—моей родины—мало похожи на эти, с метровыми черноземами и неохватным степным распахом под обильным солнцем. Показывали мне и поливные, культурные луга, радующе зеленые, огороженные проводами (оказывается, буренки легко привыкают к «электростухам»), но таковых еще мало, лугов же естественных и вовсе почти нет, все распаханно, освоено, и прав кучер Алёля, спрашивая: где выпасать лошадей?

— Понимаю вашу мысль,—говорит далее Алёля, не дождавись от меня скорого ответа.—Колхоз, скажете, обязан. Обязан, да не шибко. Отпускает малость овса—и корми, радуйся. А кто знает, сколь коню нужно? Председатель? Иной своей «Нивой» управляет как гонщик на той авторалли, а к лошади не знает, с какого боку подойти. Ума непостижимо!.. Скажи такому, что лошади без ночной травы нельзя, захиреет, рассердится ведь, будто дурют его, фантазию придумывают. А куда мене гонять меринков своих в ночное? Вот и покашиваю в первые петухи, чуть засветает, гоняю травку воруку, значит, с колхозного луга. А мене за это самое вычетами наказывают: стравляю, видишь ли, пастбище. Корове, выходит, надо, лошадь—неизвестно чем питаюсь. Как, уважаемый?

— Но ведь лошади не ваши лично?
Алёля нежно понукал меринков, печально и задумчиво посмеялся.

— Не мои по балансу, да мои по душе. Сколько раз в прошлые годы истребить коня собиравшись! Отстоял. И с жинкой первой за это развелся, можно сказать,—скупная шибко была, лошадей не любила, а телершня помогает, ничего не скажу. С той поры вот и сохранил кобылу, красавицу в яблоках, и резво еще ходит, берегу на породу, еще для особых выездов... А эти—молодые, одному шесть, другому три... Теперь, правда, обстановка переменилась. Горючее подорожало, и ума хозяйского у некоторых поприбавилось. А то ведь как? Всякую работу, большую и малую, самосвалами да тракторами делали. Воронам на смех: «Кировец» с прицепом пару ящиков кефира в детсадик везет. Случай был еще такой. Сосед соседу сколько-то бревнышек продал, загнали самосвал во двор, погрузили, а Федька-шофер не попал в ворота, весь забор и вынес на улицу. Слышу, шум, ругня. Говорю мужикам, чего ж мене не позвали, я б аккуратно со своими меринками бревнышки эти перевез. Не вспомнили даже, говорят, про тебе, Алёля, совсем отвадились от живого тягла. Вот и соображай, уважаемый, до какой механизации мужик дошел.

— Слышал я, Алексей Иванович, во многих хозяйствах теперь лошадей заводят?
— А то ж. Выгоду хотят иметь. Да конюха где? Какая-никакая машина ухода требует, ремонта, это все понимают. А лошадку возьмут, в холодный сарай поставят и комбикорма ей в корыто, как свинье. Да и при овсеце чахнет лошадка—ей, прежде кормов, душа нужна. Ну глянь коняге в глаза, как он может иначе, ежли

сколько живет человек, столько душой с им делился. В нем же-тоже душа зародилась. Не машина, не робот какой-то электрический.

— Это так,—соглашаюсь я с Алёлей,—сперва переведем неразумно, потом воспроизводим втридорога. А вот вы сохранили лошадей...

— Жилами этими,—он протягивает ко мне свои руки, темные, сухие, из жил и мозолей; я и у трактористов не выдывал столь «наработанных», прямо-таки зримой цепкости и увесистости рук.—Тачанку имя смастерил, на которой едем, веришь, двадцать четыре года ходит...

Мы ходко одолели бетонный мост через неширокий, с быстрой мутной водой Егорлык—единственную в здешней степи и очень важную реку.

Когда-то Егорлык тек плавно меж полей и невысоких холмов, словно бы нанизывая станицы и села на свое русло, но вот построили плотину, часть воды из Кубани перебросили в степное водохранилище для подпитки, получил и Егорлык сколько-то водной добавки, а это природой не было предусмотрено—под черноземами песок, размытый лёсс,—и за десяток лет река провалилась в страшный каньон, обрушивая и унося все новые пласты плодородной земли, особенно по весне. Теперь намерены полностью разобрать воду Егорлыка на орошение и так смирить его. Конечно, полив нужен, без полива многого недоберешь в иссушенной зноем степи. Однако и реки жаль—скольким крестьянским поколениям служила она! Да и просто нужна—для красоты, для души и памяти: ведь Егорлык течет не только по степи, но из прошлого в будущее...

— Границу, значит, пересекли,—слышу я вновь резковатый голос Алели.—Тут сходились на кулачки казаки нашеньские с мужиками-птишниками. По праздникам, свадьбам больше. До крови редко доходило, и лежачих не били, устал там, расхотел драться—ложись, не тронут... но было всяко, убивали тоже, случалось.

— Кто же побеждал?—спрашиваю я, и Алёля, возмущенный моей наивностью, вскинувшись на козлах, тонко выкрикивает, озирая меня закраснелым глазом:

— Рази казака мужику одолеть? Такого в степях никто не упомнит!

— Ну, всякое случалось, вы же сами говорите...—слегка раззадориваю я своего слишком уж посуровевшего кучера.—А зачем дрались? Небось, и по престольным кровь друг дружке пускали?

Алёля отворачивается, показывая мне пиджачную спину с мазутным пятном как раз меж лопаток, будто кто нарочно пометил его, ворчливо говорит, не к месту понукая лошадей:

— Тебе не понять, уважаемый. Так надо было. Жили сами по себе, не спрашиваясь у корреспондентов...—И, минуто спустя, примиренно:—Извини, ежли обиделся... Но только ты не из наших степей, когда так рассуждаешь.

При знакомстве я действительно сказал ему, что приехал посмотреть родину предков, отсюда мой дед ушел на Амур, когда там укреплялся казачье войско, и это теперь припомнил Алёля, к тому же нарочито произвел меня в прямые здешние степняки. Что-то доказывать, спорить не было ни охоты, ни смысла: Алёля из тех истинно «от земли трудяг», которые как бы с рождения утвердились в своей особой, хлебопашеской правоте, и не обороть их никакими умными речами. Я сказал только, что, мол, согласен, терю в городах свои корни, забываем родные места, такое уж время всеобщей урбанизации, и, видя, как Алёля правит лошадью на въезд в село Птичное, спросил:

— Алексей Иванович, надо ли нам туда? По степи бы лучше, а то я и счет потерял станицам и селам.

— Как же, обязательно надо, такой маршрут, раз мы по большому кругу. И еще интересно: в Птичном единоличники проживают, не вступившие в колхоз, значит.

— Неужели?
— Инвалиды, правда, еще с гражданской...

— Может, заедем к кому-нибудь?
— Так они нас и приняли на высоком уровне. Заборы у них в два моих роста, и кобели на цепях ревут. Нелюдимые, словом.

— И налоги платят?
— Какие с них теперь налоги, старые все. А платили, хоть и инвалиды, крепкие хозяйства имели, лошадей, коров... Бывало, прижмут их, обкорнают, босиком ходят, а не сдаются. Упорные. Дождались, волю на собственности дали, такие хоромы поотстроили...

— А их дети?
— Чего дети? Дети, как полагается, в колхозах да совхозах, а то и в города подались. Им-то зачем горбы наживать? Это ж представляешь, уважаемый, что такое единоличное хозяйство? Это ж ни дня, ни ночи не знать, из навозу не вылезай, коню кланяйся, на корову молился, а уж землицу-матушку не водой поливай—пóтом своим напалавай. Ну и вообрази, кому нужен такой несознательный труд в наше обеспеченное время, когда каждый хочет теплый... извиняюсь, клозет иметь, телевизор, личный дорогой транспорт? Это ж вымирающая порода, может, роботы так будут работать, люди—нет, люди жить хорошо хотят.

— Чтобы жить хорошо, работать надо еще лучше, так ведь?
— Эти лекции вы школьникам прочитайте. Я тут разговорился с одним из этих, кулаков нераскулаченных, всплакнул дедок: зачем, говорит, я так упирался характером и горбом, ежли такая легкая жизнь вокруг... Другое дело, когда б все так упирался, может, и в коммунизме уже процветали... Ну, ленивые! Вот я кнутом вас сейчас подогрею!.. Веришь, какие психологические животные, заговорюсь про что-либо, слушают, мордами кивают и едва тащатся. Вникают, значит, как на собрании. Я вам поголосу!

Алёля длинно протягивает по лоснящимся крупам меринков, на сей раз вполне серьезно, и мы с грохотом колес вкатываемся в село Птичное, едем по его главной улице, мощенной камнем. Дворы просторные, в садах и с огородами, дома белокирпичные, веселые, у многих над крыльчками—плотная тень виноградной ливы. Так и хочется нырнуть в нее, присесть к деревянному чистому столику, попросить колодезной воды... Вон семейство обедают на воздухе, большое, разновозрастное, человек десять, не меньше, стол красочен—помидоры, яблоки, распластаный каравай белого хлеба, и хозяйка, темнозагорелая, в синем фартуке, разливает из чугуна борщ... Перед выездом в степь жена моего друга-станичника, у которого я гощу, кормила нас обедом вот так же, во дворе; налила тарелку борща подоспевшему Алёле, он благодарно кивнул, но попросил заменить металлическую ложку на деревянную: «Железом борщ не кушаю, вкус портится, еще горячо шибко». И сидел он ровно, нес ложку ко рту неторопливо, как бы чуть издала, с отрешенной серьезностью. Все правильно, подумалось мне тогда, горячий борщ да на воздухе есть надо деревянной ложкой и не стербать, лишь бы скорее нахлебаться, как в какой-нибудь тесной столовке. Мы много находим в городах, но и теряем немало, покидая свои села. Так зачем же сельскому быту спешно, неумно «цивилизироваться»? Лиши то большое семейство ритуала общего обеда, когда даже грудного ребенка держат на коленях и чем-нибудь потчуют со стола,—и не будет дома, двора, семьи, села. А как же без сел? Нельзя.

А село Птичное большое, как-то даже неэкономно раскинутое и непривычно плоское для меня. Амурские села по склонам увалов и сопок стоят, словно бы приподнятые, да и подмосковные на видных, возвышенных местах строились. Здесь же, в ровной степи, все кажется заземленным, придавленным огромным небом, и

хочется для Птичного хоть какого-то устремления вверх, полета над путаницей телеантенн, так напоминающих сплошную паутину. Построить бы что-то высокое, светлое, заглавное... Неужели не желается этого зажиточным птичанам?

— А что, — спрашиваю я, — тут и храмов не было?

— Поручили. Не то музеи можно бы пооткрывать, — подготовленно отвечает Алёля. — А толку какого — кирпичи и то не взяли, он же в камень спаялся. Видели, в Григорополисская какая трагедь приключилась?

Не «трагедия», скорее «комедия» там получилась. Построили трехэтажную контору колхоза из стекла и бетона, а старый обрушенный храм напротив не позаботились заранее убрать: мол, с этим успеет управиться. Позвали потом взрывников, те прикинули, говорят: попробовать можно, однако неизвестно, развалится ли это религиозное сооружение, но контора, точно, в груды бетона превратится. Так и стоят друг против друга — старое и новое. Теперь, кажется, постановили отремонтировать храм и открыть в нем музей истории колхоза, о чем уже давно подумывали, — колхоз велик, известен с тридцатых годов, к тому же самый крепкий из здешних, станица Григорополисская и того старее, немало всего исторического накопилось — от первых казачьих поселений до наших дней. Живы еще свидетели революции, нэпа, коллективизации. Была тут и коммуна в двадцатые. С одним ее членом, крепким старцем, я долго говорил, сидя на скамеечке у его большого кирпичного дома. Показали мне в конторе колхоза и давнюю фотографию храма — могуч, величав, зря, пожалуй, не сохранили как архитектурный памятник. Восстановление-то недорого теперь обойдется.

Но это уже другая тема, да и кучер мой, пока я размышлял, подкатил к магазину «Промтовары—продукты», кинул вожжи на коновязь и кивками приглашает меня размяться, а может, приглядеть какого товара...

Едем дальше, и тут Алёля говорит, указывая кнутовищем на старого человека с палкой в руках, стоящего поодаль и одиноко.

— Гляньте, из этих, единоличников. — И кричит: — Эй, подойди, с тобой беседовать хотят!

Старик, по виду дюжей породы, с лицом хоть и морщинистым, но свежим, забормотал что-то невнятное и начал пятиться, зыряка на меня слезливыми глазами.

— Зачем вы так? — упрекнул я Алёлю. — Повезливей бы...

— А чего с имя, видишь, не в себе дед, помутился от бессознательной жизни. Мужик, словом... — Я заметил, к мужикам у моего кучера явное пренебрежение, словно бы не может простить им кулачных боев на Егорлыке и еще чего-то давнего. — Не подойдет, напуганный шибко, — прибавил Алёля категорично и понукал лошадей.

Когда выехали из Птичного и поутихли на асфальте колеса, бившиеся стальными шинами о камни и ухабы мостовой в селе, Алёля продолжил разговор:

— Возьмем того старика, уважаемый. Как понимать: за Советскую власть воевал в гражданскую, а вернулся, окреп хозяйством в период нэпа и в колхоз не вступил? Ранами отгородился. А опосля горбатился на себя. Какой это будет человек?

Я подергиваю плечами: мол, надо вникнуть в суть, разобраться, обдумать...

— Вот и я так понимаю, — делает твердый вывод Алёля, — сложная проблема нашская, сельская.

Мне нравятся его рассуждения, пусть и неглубокие вроде бы, но с живой личной причастностью ко всему, своим толкованием жизни, особой манерой говорить, как бы рассуждая с самим собой, однако и для собеседника. Ненавязчивая манера, крестьянская, дающая свободу словам и чувствам беседующих. Свой и говор у Алёли, домашне-станичный, но вполне современный, не боящийся новых слов, речевых оборотов: мол, возьмем и новое, если без этого нельзя, а произнесем по-своему. Всегда понемногу намешано в языке Алёли, и все-таки он казачье-степной, особенный.

Едем по хорошему асфальту, нас обдают бензиновым ветром встречные и попутные машины, лошади жмутся к обочине, и я думаю о несоединенности асфальта и лошадей: для автострад они не нужны, в степи же, на проселочных дорогах незаменимы. Спрашиваю моего кучера:

— Куда асфальт?

— В район, на Изобильный, — отвечает Алёля и прибавляет, разъярясь: — Путь скоротаем, природу тоже интересную покажу... Вон, видите, — он указывает вперед кнутовищем, подавшись к меринкам, отчего те понятливо ускоряют шаг, — море наше средиземное.

Впереди: по обе стороны дороги, широко разливалась сияющая под знойным солнцем вода, и чайки окмеливали над ней, и маревом влажное струилось в небо. Веселая вода, сочно окаймленная зеленой камышей, среди выжженного до пепельной серости пространства. И чайки, они всегда неожиданны, праздничны в степи.

— Водохранилище?.. — гадаю я, полагая, что у старого водоема должны непременно расти деревья.

— Не-е. Рыбсовхоз. Пруды, значит.

Вскоре вижу каналы, протоки, невысокие железные башни, похожие на силосные, по берегам. Ясно: хозяйство. И ухоженное вроде.

Дорога стремилась по насыпи, воздушно приподнятая, слева и справа лежала тихая вода, от нее веяло свежестью зеленой травы, но Алёля, как бы не желая все это видеть, сутуло устался на крупы своих старательных меринков. Я заметил уже: этой позой он выражает свое крайнее неудовольствие чем-либо — и спросил осторожно:

— Какую рыбу разводят?

— Карась, сазан, еще чего-то. Да рази то рыба, ежли, как поросят, ее комбикормами, а? Жир, запаху никакого. Такую рыбку я не кушаю.

— Что делать, все к тому идет — выращивать да разводить.

— Ладно. Допустим. А зачем все же такие черномы под воду пускать? Богатство неопишное! Одних лугов сколько было! Я вот в газетах читал, ежли зарыбить сибирские пустыне озера — для полмира хватит этой пресной рыбы. И нарезают, и нарезают под эти пруды новые гектары, расширяются, значит. Только у нашего колхоза сколько отобрано, ума непостижимо!

Алёля отворачивается и замолкает, еще более сутулясь, давая мне в одиночестве поразмыслить обо всем, сказанном им. Я понимаю, что рыбсовхоз не случайно оказался на пути нашего следования и мне сегодня не отдохнуть бездумно в степи. Машина пронесла бы меня с ветерком мимо этих прудов, глянул бы я на воду, порадовался ее голубизне — и дальше, за горизонты. А лошади вот трусят полегоньку, цокая копытами, взмахивая гривами, горячим потом кропят седоков, и, кажется, не будет конца прудо-водному разливу. Задумаешься невольно, вопрос себе задашь: «А может, прав Алёля?»

Непросто, однако, найти ответ. Проблема, как говорится, требует изучения. У меня же на это — ни времени, ни полномочий. Приехал всего лишь погостить, и мои поездки по селам и станицам были просто ознакомительными: друг показывал, катая на своей «Ниве», я смотрел.

И все-таки помыслим немного.

Да, жаль ценной земли, ушедшей под воду, но неценной здесь, пожалуй, не сыскать, а крайнему центру Ставрополю хочется иметь свое рыбное хозяйство. Значит, все продумано, научно обосновано. А кучер Алёля — что ж, он по своему разумению судит: ему сено негде косить, у него лошади без спасительной «ночной травы» хиреют... И все же из головы никак не выходит — земля-то какие залиты, заболочены! Пусть не в Сибири (ей придет свой черед), а где-то здесь, по окраинам этой степи, ведь можно найти бросовые неудобья и пустить их под воду? Было бы дальше, дорожке, с водной подпиткой сложнее, но разумнее, ибо теперь мы уже хорошо знаем: не все то дешево, что по дешевке нам достается.

— Алё-ля! — вдруг выкрикивает кучер, слегка пугая меня, и лихо понукает меринков. — Село Тищенское, уважаемый, рыбсовхозовское.

Мы скатываемся с шоссе-большака вправо, тоже на асфальт, но более узкий, не столь накатанный, и въезжаем в село по дороге, вдруг ставшей просторной улицей; она единственная, не считая переулков, однако сразу чувствуется — улица эта не станичная, не деревенская: чище, ухоженнее, и дома стоят теснее, праздничнее. Для жизни — дома и дворы, а не для ведения хозяйства. Зелень, веселые крылечки, люди принаряженные сидят, кто за чаем, кто просто так, беседуя на лавочках. В каждом дворе машина легковая или мотоцикл, гаражи из бетонных блоков. И множество собак.

Заслышав цокот лошадиных копыт и стук кованых колес тачанки, разношерстная собачья рать бросилась к нам со всех сторон и ну облаивать, свирелея от возмущения.

— Чего это они?

— Как же, лошадей не видали, думают, звери какие с другой планеты свалились. Гляньте, и люди глазеют, как на кино, утки с гусями утекают, а пройдет самосвал рядом — и не пошевелится никто. Сам удивляюсь, до чего дошло.

В центре села Алёля подворачивает к магазину, покупает пару буханок теплого серого хлеба (в станицах пекут сами, и только белый), колбасы вареной, сливочного масла. Магазины в Тищенском новый, из стекла и бетона, на городской лад, и товаром поразнообразней.

Едем дальше. Я замечаю: позади многих домов, где полагается быть огородам, высоко и плотно коричневеет султанистая, похожая на кукурузу растительность. Спрашиваю у Алёли, что это такое.

— Да вечичное просо, мать иху так!.. — незло ругается он. — Шибко чистополюские.

— Они что, ничего больше не выращивают?

— Кто как, а венники обязательно. Тут же полив бесплатный. Сдают, рупь штука. Тыщу махальников навязал — тыщу в карман положил. Вон сколько личного транспорту понаволокли.

— Фирма веников не вяжет, — шучу я, — а если вяжет, то автомобили покупает.

— А то ж. Производствo какое-никакое, молодежь стремится сюда, на окладе да с приработком культурнее выходит. — Алёля поворачивается ко мне, вскидывает в удивлении белесые брови. — Ну, скажи, уважаемый, почему наша сельская работа самая... как это, вот — непопулярная?

— Была. Пока не поняли, что оскудеет без нее. Меняется многое. Вы тоже видите это, Алексей Иванович.

— Видеть оно вижу, а ждать утомился, годов мне много, скоро на пенсию.

Выкатываемся за село, оставляя позади цокот колес о жесткий асфальт улицы и собачий лай, почти беззвучно едем по мягкому проселку, и во все стороны открывается нам сизо-знойное пространство. А вот пахнуло вроде бы влажностью. Солнце явно пошло на убыль, уже искоса оглядывает землю, и лошади, раздувая ноздри, всхрапывая бодро, ловят неведомо откуда веющие ветерки.

Я догадываюсь, мой кучер правит в обратный путь, вот и лошади почувствовали это, взбодрились, сами перешли на трусцу, и поедем мы открытой степью, понемногу акругляя наше путешествие.

Ах, степь! И что, казалось бы, в ней мне, рожденному далеко на востоке, жившему среди гор да у моря? Ан нет, не чужды мне эти равнины с островерхими скифскими курганами по увалам, ковыльным свечением трав, терпкими ветрами, запирающими в груди дыхание... Потому что здесь обитали мои предки — с того самого времени, когда Екатерина Вторая переселила в дикое прикавказье беспокойных запорожских казаков — черноземы пахать, границу держать.

Тяжка была жизнь переселенцев, гибли они в схватках с кочевниками, мерли от непосильного труда и неведомых доселе болезней. Но выстояли, подняли сохами метровые залежи черногумусной, могутно-плодородной кубанской земли, засеяли. И заколосилась невиданной силы пшеница, и отстроились, укрепились, зашумели праздниками казачьи станицы.

Можно ли покинуть землю прадедов, отцами завещанную сыновьям?

Мой дед Иван покинул. Год шел он на Амур — посмотреть, какие там охотничьи уголья, ибо, как теперь мне известно, жил не столь землей, сколь охотой — был из тех казаков, кто «родился в седле» и с него же добывал пропитание. Понравилась Ивану приамурские степи и тайги, обильные непуганой дичиной и зверьем. Год шел назад. Его уж было и потеряли.

Уговорил дед других, менее усидчивых казаков, несколькими семьями снялись «на восток» (было это в конце прошлого века). Ехали на телегах, со всем возможным скарбом, гоня следом коров, везя в клетях птицу, иную живность. Где-то в Сибири зазимовали. А по весне пришлось сеять пшеницу и ждать урожая — без своего хлеба далеко не уйдешь! Двинулись дальше уже без коров и прочей домашности, частью павшей, частью выменянной на лошадей. Хоронили по пути стариков, измученных цингой и малярией детишек. И только к исходу третьего года увидели наконец широченную мутную воду Амура, поклонились ей и принялись строить землянки.

Спустя годы бабушка рассказывала, как тосковала она по Кубани, ее легкой землице и теплым дождям, как натерпелись они и от зим с трескучими морозами, и от хунзузов, разорявших станицы, угонявших за Амур скот... Но и здесь, конечно, укрепились. А дед...

— Опять задумался, уважаемый? — окликает меня Алёля и тычет кнутовищем вправо. — Глянь туда, чего видишь-понимаешь, ежли интересуешься?

Гляжу, домосливая про себя: «... а дед Иван так к земле и не пристал; сходил на первую мировую уже амурским казаком, вернулся с георгиевским крестом за храбрость, да и проохотился до своей кончины в начале двадцатых...» — домосливаю и рассеянно гляжу вправо.

Там поле с зелеными межевыми строчками, явно поливное, а вот замечаю желто-золотистые холмики, догадываюсь — горки сыпанного, чистого репчатого лука.

— Корейцы, — поясняет Алёля, — нанимаются и выращивают. Сдельно. Из разных мест приезжают на своих колесках.

У лесополосы с десятком легковых автомобилей, палатки, дымит костерок. А по всему полю, ловко передвигаясь на корточках, трудится стар и мал, здесь и усохшие морщинистые старушки, и несмышленные мордастые карапузы — каждый копшился, делает что-то посылное. Молодые женщины носят корзины лук, мужчины

Рисунки Виталия ФЕДОРОВА

выкапывают его из земли лопатами и ровно укладывают на бровки рядов. Ни спешки, ни суеты, без покрякиваний и, кажется, в полном молчании.

— Выгодно им, Алексей Иванович?

— А то ж. И им, и колхозу. Такая это культура, наплакались с ней председатели, не растет в бригадах, индивидуального подхода требует—как для себя. Теперь освоили, «корейский овощ» называем. Они тоннами его выращивают, в свободное время—отпуска, отгулы разные берут, семьи вот привозят.

— И указаний не ждут, и обеспечивать их чем-либо не надо?

— Даже концертов не просят. Приехала самодеятельность, давайте, говорят, выступим перед вами, так они с поля ни шагу. Подвигались артисты такой некултурности, в нормальные трудовые бригады уехали.

— Вот что делают «живые деньги»!— смеюсь я.

— Жисть ломают!— смеется и Алёля, поворачиваясь ко мне и предлагая пива. Я отказываюсь— пиво не утоляет жажды, после его вязкой горечи еще больше хочется холодной воды или крепкого горячего чая.— Може, чего поградуснее желевате?— подмигивает мне Алёля.

— Не герой,— отвечаю,— чтоб градусы да при таких атмосферных градусах... Кстати, как у вас тут восприняли антиалкогольные постановления?

— Думаю, правильные постановления. Молодежь ограждать надо по всей строгости закона: за одну водку почти что стали работать. Даже семейные, вроде хорошие пока: домой с работы—бутылку, выпил за ужином—и на диван, к телевизору. А двор не обихожен, а жинка ругается... Дошло: поллитру не освоил—день, считает, пропал зазря. Это с одной стороны. С другой—перегибы замечаются. Представь, уважаемый, свадьба идет, люди там веселятся, гуляют, а за воротами милиция дежурит. Как кто вывалился на улицу выпимши—забирают, говорят, общественный порядок нарушаешь, штраф плати, хоть человек в полном здравомыслии. Одно непьющего полдня за компанию продержали, жалобу в газету писал. Или такой показательный случай: взял механизатор бутылку, сел пообедать—милиционер врывается, хватъ со стола винно-водочное изделие. Это порядок, уважаемый? И по конституции не полагается в дома равноправных граждан врваться. Правильно понимаю? Ну вот и трагедия чуть не разыгралась: ухватил мужик колун да на милиционера, а тот пистолет вынул... Ладно, женщины между ними стали, заругались, заголосили, народ собрался, уладили как-никак конфликт. А сколь других случаев, если порассказывать! Алкогольная проблема—сурьезная. Годами беспрепятственно пили, как же сразу-то можно остановить? Это ж не расстройство желудка, извиняюсь, чтоб порошками какими... А вообще ежли, по здравомыслию, правильные постановления, молодежь спасать надо. Народ поддержит, утомился и он от нетрезвой жизни, понимает—сила его убавилась. Только с умом бы все, неоскорбительно. Не то, уважаемый, добьемся чего-то другого, а это уже...

— Ума непостижимо!— подсказал я Алёле его излюбленное выражение, на что тот согласно кивнул и подгорячил кнутом своих меринков, едва двгавших таченку во время длинной речи хозяина. Обычно они сами догадывались, когда полагается надбавить шагу, но сейчас приподнялись и получили небольшой взрев, охотно-виновато перейдя на резвую рысь.

Слева и справа открылись помидорные деляны, буквально осыпанные мелкими переспелыми плодами, словно бы некий художник большущей кистью обрызгал их яркой киноварью; от делян наплывал приторный запах гнили, вероятно, еще

больше плодов лежало на земле под низкорослыми и плотными кустами.

— Специальный сорт,—сказал мой кучер-экскурсовод,—«слива» называется. Для консервов сажался, да, видать, не приняли консервщики, затоварились, должно. Так почти что каждый год.

— Погибнут помидоры?

— Уже, видишь, помидорный сок образовался?

Но видел я и другое: совершенно невозмутимо говорил об этом сельский человек, потомственный казак Алексей Иванович, живущий землей и от земли. Привык? Поустал душой, и теперь она ни о чем не болит?... Спрашиваю напрямую:

— Вы хоть сколько-нибудь чувствуете себя хозяином?

— Над лошадьми.

— Это хорошо. Но не мало?

— Специализация, уважаемый. Мне бы лошадей продержат да в законе утвердить, а то уйду на пенсию—пропадут. Значит, жизнь моя зазря кончится. Мне ведь дома, в частном владении, коня держать нельзя. Машину можно, коня—запрет. Почему, не скажешь?

— Не скажу. Но думаю—неумный запрет.

— То-то что. А это...—Алёля мотнул головой назад, где остались по обеим сторонам дороги помидорные деляны,—это мелкая забота. Там и убытку пустяк, ежли по-серьезному. Наше главное дело другое, посмотри вон туда.

Впереди неохватно простирались пшеничные поля: и в стерне кое-где, и вспаханные на пар, зябь и под озимые, со скирдами соломы у лесополос—ярко-желтое на зеленом,—и лишь слева, западан в увалы, еле виделся коричневым свечением подсолнечниковый массив. И все это в обнаженной открытости мрело, исходило горячим маревом и казалось до боли сердечной незащищенным под непостижимой бездной небес.

Я знал, что страда была трудная, на востоке края хлеба погорели, а здесь, в более устойчивой зоне, взяли только половину ожидаемого урожая. Пшеница, однако, ожидалась хорошей, пусть и суховатым выдалось лето, но перед самой жатвой упали на степь ливни, и... «зерно утекло, оскудело», как говорят теперь хлебопашцы. Редко такое случается, однако старики помнят—бывало: беда в другом—частыми стали всяческие напасти.

Алёля задумался, лошади опять сбились на неторопликий шаг, все просторнее свежело, и не хотелось тревожить явно притомившегося кучера. Но все же, словно бы рассуждая сам с собой—хочешь ответить, хочешь промолчи,—я говорю негромко:

— Как это понимать—«зерно утекло»?..

Он отозвался сразу и охотно:

— По своему разуму так понимаю. Зерно налилось, взяло из земли все возможные в сухость силы, а тут дожди, и ожила земля, потянула в себя обратно соки: мол, поделись, пшеничка, ежли хочешь произрастать на мене, в силе мене иметь. От бедности своей потянула, обиженности.

— Интересно. Но вряд ли научно.

— Мы на науку не посягаем, не напрыгиваем. А приезжал вот академик, спросил нас. Я ему ответил по своему воображению. Есть, говорит, в этом суждении о зерне рациональное зерно, но ежли без поэзии, то просто: пошли дожди, ожила корневая система и взяла себе часть энергии колосьев, которые не успели затвердеть. Недельку бы сушь постояла—и были б с урожаем.

— Как все сложно, тонко, непредсказуемо!
 — Живое,— убежденно подтверждает Алёля и, после некоторого молчания, нужного для неспешности серьезного разговора, говорит:—!ю живому ходим, живое режем, а не слышим, как земля стонет от нас.
 — Пыльные бури, говорят, утихли.
 — Так распахали все, гуляй, суховей. Вам, небось, показывали, по-за лесными полосами — валы снесенного мелкозема, мильны тонн. Ну, эти-то можно переправить обратно, хоть и накладно шибко, а те, что унеслись неизвестно куда, не вернешь.

— Теперь много говорят о безотвальной вспашке, слышали?
 — Слышал. Ничего не имеем против, ежели доказана полезность. Одно хорошо знаем: измучена земля техникой — пластаем, дробим, разрыхляем, умаинаем колесами... и опять по новому кругу. Гляньте,— Алёля повел рукой впереди себя,— расплаха от неба до неба и оставили на просушку. Ударь сейчас суховей — и поднимутся аж до космоса наши черноземы. А гумуса в них и без того всего ничего осталось, они и черноту прежнюю теряют.

Безотвальная, глядишь, выдувание остановит, эрозию тоже.
 Дошли, можно сказать, до самого краю... Похоже, как с нашим Егорлыком. Идешь по степи — ровно, птички поют, и... мать моя родная! — страшный обрыв, вода где-то далеко внизу бурлит. Постоишь в затемнении души да тихонько назад, чтоб не свалиться ненароком. И сваливались на всякой технике, особо подвыпившие да приезжие.

— Отчего же мы так?
 — Одним днем потому что... Завтра трава не расти. Взять да взять. Отдавать будто бы и не надо. А земля все помнит. Возьми ее в горсть, повороши, приглядишь: много чего она недополучила, а более всего — хозяйской ласки.

Сколько раз мне приходилось слышать подобное, вычитывать почти такие же слова в газетах и журналах? Не счесть. Однако я слушаю, искренне сопереживаю, ибо говорит крестьянин, самый что ни на есть рядовой, без видимых заслуг, званий — просто живущий на земле и от земли. Невероятно, но он сохранился, жив и жилист, рассуждает неспешно-разумно, и нет в нем нехорошей обиды, тем более зла, а значит, быть плодородию и хлебу. Только надо, всего-то и надо — помочь крестьянину стать хозяином на своей земле.

Едем вдоль канала с быстротекущей водой, местами грунтовые стенки размыты, подтоплены низинки, и лошади рывками вытаскивают тачанку из вязких колдобин.

— А на машине проедешь, скажи, уважаемый? — вновь заговаривает Алёля, не привыкший, вероятно, на своей кучерской работе долго молчать. — Это еще ладно. По осени, как дожди зачнут, моим меринкам отдыха почти что нету. Разве можно без коня в сельской местности? Ценят, понимают...

Смотрю на меринков. Молодой более горяч и резв, но неумел, боится кнута и все старается выслужиться перед хозяином, косит на него темный, влажный, в наивных белесых ресницах, фиолетово отсвечивающий глаз и невольно дергает дышло, а старый все сдерживает его — то чуть куснет, то положит морду ему на шею, успокаивая и пристыжая; чего, мол, зря взбрыкиваешь, не последний раз в упряжке! — и берет на себя основную тягу.

Во мне особое чувство к лошадям, казачье-крестьянское, наверное, хоть и вывезли меня из амурского села пяти лет от роду. Это в крови, пожалуй. Но так получилось — лошади были и на Севере, куда в начале тридцатых переехало наше семейство: лес из тайги доставляли волокушами, сплавные бревна на берег выкатывали, всяческую поклажу перевозили — все лошадьми. А нас, мальчишек, коноводами назначали. То сидя верхом правили мы упряжками, то под уздцы водили работающего коня. И осталось в неизбывной, грустно-радостной моей памяти: крутые от напряжения лошадиные шеи, лоснящиеся крупы, горячее, со всхрапом дыхание, запах пота, зеленой травы на лошадиных губах и осмысленность кротких, непроницаемо затаманных глаз... Потому, вероятно, я не могу окончательно стать «машинным» человеком, живя в городе среди засилья машин и управляя личным автомобилем.

— Нет,— говорю взволнованным,— лошадь будет жить! Человек от нее не откажется, не может отказаться, потому что «нас в люди вывезли кони» — именно так! И какая тяга к ним у детей? Подсознательная. Глазетки горят, ручонки тянутся... Дети помнят забытое взрослыми. И лошади возвратятся в города. Я видел на парижской улице прогулочный экипаж — такое «такси» дороже всех автомобильных, но люди садятся, едут, и столько радости в их глазах! А что может быть праздничнее свадьбы на тройке с колокольчиками? Все чаще мы видим подобные свадьбы. Лошади отработают свой овес. Так ведь, Алексей Иванович?

— А то ж. Я б исключительно свадебных рысаков держал, только б корма были. Кто б тогда сел на эти «Волги» в лентях, которые бензином воняют? И другое правильно — мало ли как повернется жизнь, а лошадь всегда поможет, ей бензину не надо. Вспомни войну. Вся техника на фронте оказалась. Как пахали-сеяли? Лошадками в основном. Бывало, и верхом не садиться, чтоб не утомлять...

Да, обширны, богаты прикавказские пространства, издревле обитаемые человеком. Где еще можно найти такие щедрые пастбища, такие вольные кочевья? Несчетные племена и народы прошли по этим открытым всем ветрам степям, обильно политы они кровью сражений, помечены пикетами насыпных курганов — могилами великих воинов. Столетия сменялись столетиями, буйно зеленели и отмирали травы, тучнела нетронутая степная земля: кочевники-скотоводы не вскапывали ее, не сеяли злаков. Но пришли иные времена, и новые люди несказанно обрадовались богатству этих степей, уже не зеленому — черноземному, и постепенно распахали «от неба до неба» бывшие пастбища: хлеб теперь кормит человека. И степи дают миллионы пудов хлеба. Сохрани же их плодородными, мой земляк. Ты умираешь, защищая эту землю, ты живи, оберегая ее от гибели.

— Наш Егорлык бунтует, слышите? — прерывает мои размышления в какой уже раз Алёля. — Как его плотной взнуздали — так и загудел. Степняк, волю жалеет. Въезжаем на мост через плотину. Ревет, пенится, кипит речная вода, падая с бетонной стены в бетонные берега. Морось кропит, освежает нам лица, и лошади тревожно всхрапывают; и приятен им запах воды, и пугает их грозный провал. Скатываемся с моста, поворачиваем вправо, на мягкую проселочную дорогу, и словно бы погружаемся в низкие, охватившие всю степь сумерки.

— Заканчиваем путь,— сказал Алёля.
 — Сколько же мы проехали?
 — Километров сорок будет.
 — Много. А кажется, еще больше. Прямо как в путешествии побывал!
 — На лошадях всегда так.

Затихает шум Егорлыка, растекшегося по полям и прудам, слышится, как сонно и настойчиво уговаривают друг дружку перепела: «Спать пора!..»

Мы умолкаем. Теперь, в конце нашего пути, надо помолчать, освободиться и от тревог, и от размышлений. Ибо не унесешь в себе тишины, простора и благодати, так щедро подаренных степью.

Алёля молчит, хмыкая и усмехаясь про себя, затем поворачивается ко мне и вопрошает:

— Разве я всех перекатаю на этих меринках? Ума непостижимо!

НОВОЕ ИМЯ

Кутлибека
РАХИМБАЕВА

Кутлибека Рахимбаева в своем стихотворении «Узбекистан. Весна...» пишет: «Отважный мак вбежал на кровлю и наперекор ветрам стоит улыбаясь...» (подстрочный перевод).

Каждый раз, когда я думаю о ней, вспоминаются эти строки. Помню, как мы с ней познакомились. Она не присылала свои первые стихи по почте, как другие начинающие поэтессы. А приехала из дальнего Ташаузского района и смело вошла в редакцию журнала «Саodat». Помню и стихи, которые тогда она мне оставила (сразу опубликованные в очередном номере журнала). Это были душевные строки о хлопкоробах, о молодухе, которой «показалось мало тепла солнца, и вторым солнцем она дарила хлопчатнику тепло своей души», о старом земледельце, «детство, молодость и старость которого остались на земле».

Я не зря приводила образ «отважного мака». Мысли К. Рахимбаевой — смелые, мировоззрение — активное, нужное и правдивое.

Когда она произносит слова «народ», «Родина», «земля» — это зов из глубины сердца. Она из тех, кто «любит ходить по земле босиком», чтобы лучше ощущать ее теплоту, любит землю, черную и плодородную...

ЗУЛЬФИЯ,
народная поэтесса Узбекистана

Поэзия

Алмазных молний огненный излом,
 Тюльпанов ясно-алых перезвоны,
 И облака на небе голубом —
 Поэзии естественное лоно.
 И бури нором резкий и крутой —
 Могучий дух, великое движенье
 Ломают постоянство и покой,
 Дают поэзии живое наполненье.
 В ней мятежи.
 Открой — и вспыхнут вновь,
 И явится волнение в странном гуле.
 Здесь слово создает иную новь,
 Что выше неба и грознее бури.
 Сродни ей звезды — дети высоты,
 И горы — собеседники природы,
 И родники зеркальной чистоты,
 И зеркала полуденного свода,
 Цветенье луга у строптивых рек,
 Чьи волны прекратили свой набег.
 В поэзии фантазия и жизнь
 Нетронутыми красками зажглись.
 Чужда поэзии незрячая душа,
 Ей не вместить могучего боренья.
 Так без мечты идет, едва дыша...
 Зачем ей небо иль стихотворенье?

Родина

Ночным огнем сияет звездный круг.
 Днем солнце раскаляет
 в небе топку.
 И зацветает радостно урюк,
 В парной земле ликуют
 корни хлопка.
 То дуют ветры, то дожди секут...
 Но тайна волшебства необъяснима.
 Я жизнь прожить
 хотела б только тут! —
 Жить в радости,
 мечтой неисполнимой.

На удивленье гневных черных туч
 Я отогрею солнце силой чувства:
 Зимой от холода дрожит
 небесный луч,
 И маленькое солнце смотрит грустно.
 И с крыльев журавлей
 весна на мир сойдет,
 Восторгствует мяты запах пряный,
 И почки приоткроют нежно рот,
 И улыбнется их расцвет румяный.
 К садам урюка хлынет свет дневной,
 Просеют солнце дивные решета,
 Лучи продолжат на земле работу,
 А я ушла от стороны родной.
 Виденьем родины душа напоена,
 Глаза цветут

на сельском нашем поле.
 Лишь только там душа живет на воле.
 Глазам достанет душу пить до дна.

Наши души жаждали общенья.
 Ночь хранила увлеченных нас.
 Вдруг буран с какой-то силой мщенья
 Уничтожил этот звездный час.
 Звезды сгнули в бурной канители.
 Ночь тонула в беспросветной мгле.
 Наши души говорить хотели
 Радостно о счастье на земле.
 Друг, пойдем. Есть время до рассвета,
 Не отступим от желанных мук.
 Радость в сердце — лучшая примета,
 Что и боль нас не оставит, друг.
 Сострадать и радоваться будем,
 В тесных стенах не поговорить
 О страстях, что мир сегодня людям
 Может, разбудив их, подарить.
 Эта ночь с бураном пух повенчана.
 Так войдем в ее густой прибой.
 Не бойся бури нынче женщина,
 Страх не породится и с тобой.
 Свет сердец пускай поспорит с тьмою.
 Ночь нас проверяет, не забудь!
 Лишь с опустошенной душою
 Страшно отправляться в лунный путь.

Последние слова Владимира Маяковского

Желанья не смирял рассудок здравый.
 По жилам ходит тяжкий труд земной.
 И солнце, что в груди горячей лавой,
 Хочу разлить меж небом и землей.
 Моих стремлений горизонт багровый,
 Счастливых дней отчаянный восход
 Приблизу к жаждущим

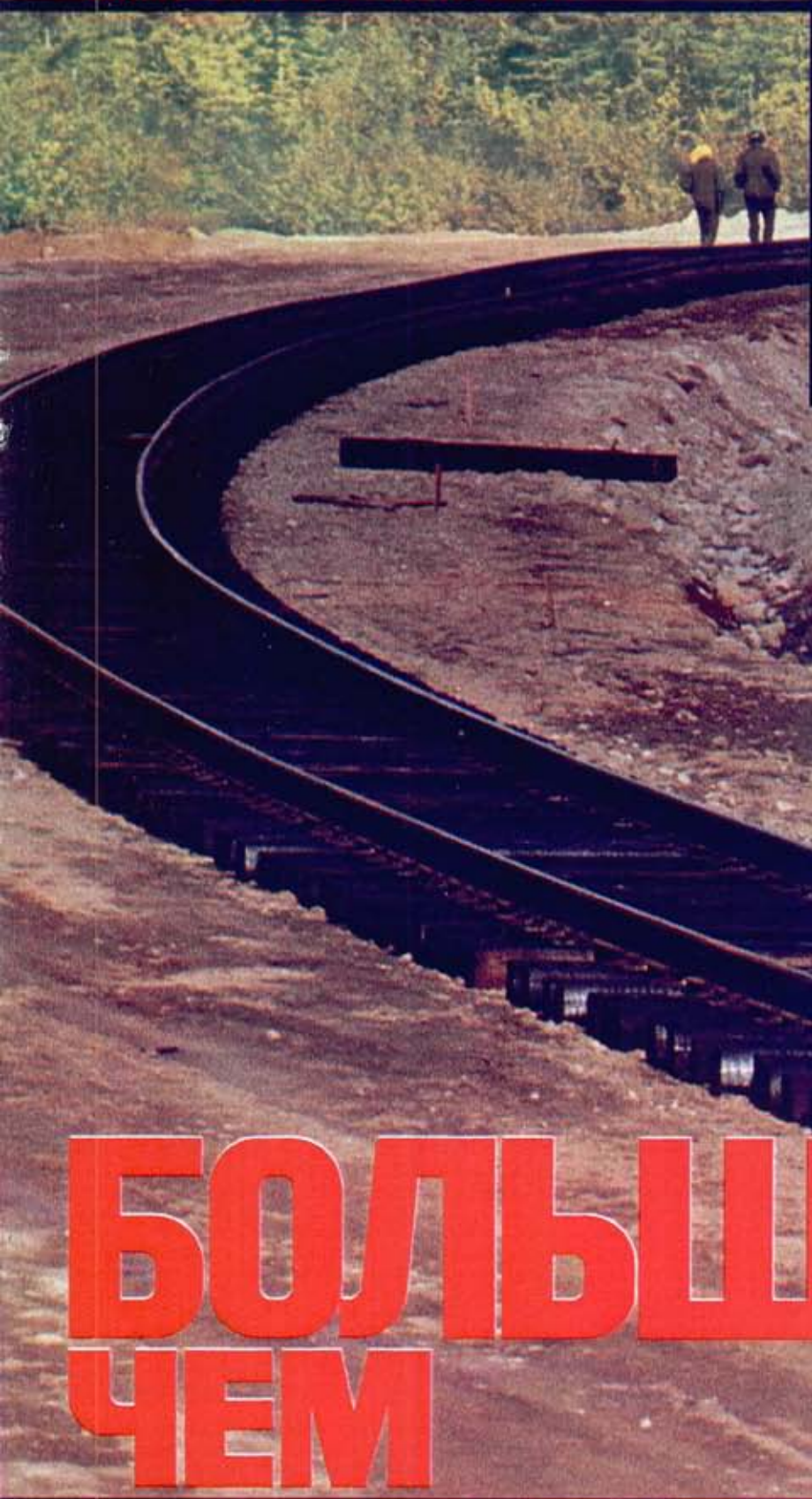
надежды новой,
 Когда их собственная вера подведет.
 А время обретает шаг чугунный.
 И, запалив из облаков костер,
 Врываюсь, несмиранный,
 в край подлунный,
 Где риск желаний крылья распростер.
 Но время не обгонись.

Эфемерно
 Намеренье его перебороть.
 Лишь сердце разрастается безмерно
 И заполняет суть мою и плоть.
 И ритм его ускорен до предела —
 Бунтует сердце, рвется из груди.
 Что ж, сердце,

ты простора захотело —
 Тебе освободенье!
 Выходи.

Перевела с узбекского
Наталья ДАРДЫКИНА.

БАМ СТРОИТСЯ, БАМ РАБОТАЕТ...

БОЛЬШЕ, ЧЕМ СДЕЛАНО

Фото Альберта ЛЕХМУСА

предстоит еще сделать на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Почему же ослабли интерес и внимание к ней?

Почти 12 последних лет тема строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали не сходила со страниц газет и журналов. Радио и телевидение ежедневно сообщали о делах на крупнейшей транспортной стройке. В октябре 1984 года на БАМе уложено «золотое звено», состоялась стыковка, открылось движение поездов на всем протяжении магистрали. Но значит ли это, что все главное на строительстве уже сделано и проблем здесь практически не осталось? Об этом специальный корреспондент «Смены» беседует с начальником Главбамстроя, заместителем министра транспортного строительства **Ефимом Владимировичем БАСИНЫМ.**

— Действительно, состоявшаяся полтора года назад стыковка главного пути БАМа стала поистине этапным, незабываемым событием. В то же время укладка «золотого звена» ознаменовала собой окончание лишь первого этапа строительства — безусловно, важного, но отнюдь не исчерпывающего. Если говорить языком цифр, то освоено немногим более половины капиталовложений, предусмотренных проектно-сметной документацией. Уже из этого ясно, насколько неправомерно отношение к БАМу как к стройке почти завершённой. Более того, предстоящая работа по трудоёмкости, необходимой инженерной подготовке и исполнению не менее сложна, чем та, что уже проделана, а в некоторых отношениях — даже еще сложнее. Что конкретно имею в виду? То, что на первом этапе выполнялись главным образом «валовые», высокомеханизированные работы по отсыпке земляного полотна, укладке пути, строительству мостов и так далее. При этом на объектах гражданского и промышленного строительства было выполнено лишь около 40 процентов общего объема работ. Все оставшееся необходимо выполнить в кратчайшие сроки — до конца нынешней пятилетки.

В чем тут сложность? Одна из главных задач теперь — создание материально-технической базы эксплуатационников. Объекты ее разнообразны, насыщены современным технологическим оборудованием, средствами автоматизации. Ведь наша цель — сделать БАМ образцовой железной дорогой, оснащенной на уровне самых последних мировых достижений. Но это подразумевает и другую важную задачу: создать все условия не только для эффективной работы железнодорожников и осветителей природных богатств зоны БАМа, но и для их быта, культурного отдыха. Не будет таких условий — не будет и достаточного количества квалифицированных кадров.

Организациям Главбамстроя предстоит построить в городах и поселках новой магистрали более 600 тысяч квадратных метров жилья, дошкольные учреждения на 2,5 тысячи мест, больницы на 400 коек, 19 торгово-общественных центров, объекты локомотивного и вагонного хозяйства, комплексно обустроить в общей сложности 15 станций.

Структура предстоящих работ, можно сказать, в корне отличается от всего того, что делалось здесь в течение последних лет. От всех участников требуется по-настоящему новый подход к организации строительства. Необходимы полная перестройка самой системы управления, резкое улучшение инженерной подготовки, усиление связей с заказчиком и эксплуатационниками, переквалификация кадров. Почему? Да потому, что, как ни эффективно, как ни впечатляюще выглядит гигантская работа, скажем, по укладке пути, она по сути своей проще, чем строительство того же локомотивного депо, или современного жилого дома, где и номенклатура необходимых материалов, и перечень профессий рабочих во много раз шире. Стоимость же работ здесь ниже, а значит, на первый план выступают более эффективная организация труда, инженерная подготовка, комплектация объектов.

— Ефим Владимирович, в прошлые годы, а точнее, с самого начала строительства Байкало-Амурской магистрали, огромную шефскую помощь оказывали БАМу строительные организации союзных и автономных республик, краев и областей РСФСР, Москвы и Ленинграда. В будущем, видимо, без такой помощи тоже не обойтись?

— Безусловно. И мы на нее очень рассчитываем. Более того, рассчитываем на значительное повышение роли шефских организаций в строительстве станционных поселков, городов БАМа. На отдельных участках доля выполняемых ими работ должна увеличиться вдвое. Могу с удовлетворением отметить, что шефы из Грузии, Азербайджана, Армении, закончив строительство «своих» станционных поселков, по собственной инициативе приступили к работам в других населенных пунктах БАМа. А вот некоторые наши помощники, как это ни печально, заметно снизили активность, ослабили внимание к нам, сочтя, видимо, что сделали уже достаточно.

Впрочем, подобное ослабление внимания к строительству магистрали наблюдается сегодня, к сожалению, не только со стороны шефов, но и со стороны ряда планирующих и снабженческих органов. Особенно ощутимо это в условиях, когда значительно возросла потребность в материалах и конструкциях расширившейся номенклатуры, когда ведется комплексная застройка, а следовательно, крайне важна своевременность поставок. Она не всегда обеспечивается, времени же на раскачку у нас нет: менее чем через пять лет БАМ должен быть сдан в промышленную эксплуатацию на всем протяжении.

— Какие из существующих проблем вы выделили бы как основные, требующие первоочередного решения?

— XXVII съезд КПСС нацелил всех нас на всестороннюю и глубокую работу по активизации человеческого фактора. Работа эта в условиях обживаемого нами региона имеет свою специфику. В свое время на БАМ приехал народ молодой. Все прошедшие годы строители жили напряженным ритмом стройки, отдавали все силы выполнению поставленных задач. Сегодня они стали старше, обзавелись семьями и, естественно, хотят жить нормальной, обустроенной жизнью. И мы тоже хотим, чтобы каждая семья на БАМе жила именно так. Ведь это означает закрепление кадров на многие годы. Люди полюбили эту землю, этот суровый край, хотели бы остаться здесь жить навсегда. На сегодняшний день в семьях строителей и эксплуатационников магистрали — более 60 тысяч детей. Думаю, это один из лучших показателей серьезного намерения их родителей связать с БАМом будущее. Но многим семьям все еще приходится жить во временных сборно-щитовых домах, не хватает и постоянных помещений для детских садов, школ. Условия же для организации досуга, культурного отдыха более чем скромны.

Мы намерены круто изменить стратегию стро-

ительства и уже в ближайшее время бросить главные силы на возведение жилья и объектов социально-культурного назначения. Впрочем, это уже не только намерения, но и практические действия. Так, например, только в первом квартале текущего года строители сдали в эксплуатацию 21,5 тысячи квадратных метров жилья.

Размышляя о наших строительных проблемах, а также о проблемах тех, кто приступает к реализации программы хозяйственного освоения зоны БАМа, хочу заострить внимание в первую очередь на необходимости создания в этом регионе собственной строительной индустрии. Сегодня ее как таковой здесь практически нет. А нужны комбинации крупнопанельного домостроения — для возведения жилья, школ, детских садов, нужны заводы по производству металлоконструкций.

Мощности местных предприятий, выпускающих кирпич, щебень, керамзит, тоже далеки от возросших потребностей стройки. Как это ни парадоксально, нет в зоне БАМа и соответствующих деревообрабатывающих предприятий. Издалека и по довольно сложной схеме поступают к нам изделия и конструкции из железобетона. Изготовители их находятся от нас порой за многие тысячи километров. И если в начальный период строительства БАМа такое положение можно было понять и принять, то сегодня уже пора иметь поставщиков поближе, ведь им предстоит обеспечивать развитие региона и после сдачи магистрали в эксплуатацию. Создание такой базы — одна из главных задач сегодня. Здесь уместно напомнить, что строительство железнодорожной магистрали хотя и важный, но лишь первый шаг в решении несравненно более масштабной задачи — промышленного освоения этого огромного и богатейшего региона страны.

Коснувшись вопроса о перспективе, хочу обратиться и к тем, кто осуществляет долгосрочное планирование хозяйственного освоения региона БАМа. Надо в числе первоочередных задач выделить создание транспортных схем для разработки месторождений зоны БАМа и сооружения территориально-производственных комплексов и промышленных узлов, чтобы мы имели возможность своевременно браться за эту работу. Без дорог — это аксиома — приступать к освоению нельзя, их так или иначе будут строить наши подразделения. Но нам бы хотелось свести к минимуму неоправданные и дорогостоящие срочные переброски целых коллективов.

Возьмем, к примеру, нынешнюю ситуацию в Чаре. Наши мехколонны, выполнившие там свою работу в полном объеме, теперь разбирают жилые дома, демонтируют производственные помещения и движутся на север, в сторону Якутска. А в это время где-то только еще заканчивается разработка проектно-сметной документации на строительство сначала автомобильной, а в недалеком будущем и железной дороги от станции Чара к Удоканскому месторождению меди. О нем известно давно, рядом проложены рельсы БАМа, и то, что придется приступать к его разработке, тоже ни для кого секретом не было. Но почему же тогда задание на строительство дороги мы получаем с таким опозданием? Неужели нельзя было выдать документацию в такие сроки, чтобы мы сразу после стыковки могли бросить силы на Удокан?

И таких примеров немало. Значит, думая о будущих территориально-производственных комплексах и промышленных узлах, нужно в первую очередь заботиться о производственной инфраструктуре. Из всего комплекса работ, которые предстоит выполнить строителям в этом регионе, уже сегодня необходимо выбрать приоритетные — те, которые определяют стратегию нашего наступления. Это до сих пор не сделано.

Немало острых проблем ставят перед нами и особо суровые природно-климатические условия, в которых работают и будут работать наши люди и техника. Причем условия эти с продвижением трассы Томто — Якутск на север еще более осложняются. Хоршей, выносливой техники мы пока имеем недостаточно. Краны, экскаваторы, бульдозеры, во-первых, недостаточно мощные, а во-вторых, имеют слишком узкие ограничения для работы при особо низких температурах. А ведь им предстоит действовать там, где морозы в 50–60 градусов — обычное дело. Почти вся техника, в том числе и зарубежная, за 12 лет работы на строительстве БАМа практически исчерпала свой ресурс, требует обновления и замены.

— О «школе БАМа» говорилось и писалось уже не раз. В основном ее прошли, так сказать, «чисто» транспортные строители. Но и сегодня, когда структура работ существенно изменилась, бамовский опыт, бамовская закалка требуются не в меньшей степени. Значит, многое в перспективе будет зависеть от того, удастся ли сохранить для выполнения новых работ в основном прежний, сложившийся коллектив?

— Именно так. Причем эта задача настолько же важна, насколько и сложна. Но прежде чем перейти к проблемам, хочу несколько слов сказать о самом коллективе бамовцев.

У бойцов первых ударных комсомольских отрядов, ярким образцом которых является отряд имени XVII съезда ВЛКСМ, в достатке было и энтузиазм, и энергии, и кипучей жажды деятельности. А вот опыта поначалу не хватало. Но у них было стремление его приобрести, всему научиться. Ветераны прошлых ударных строев взяли молодых под свою опеку, обучили строительным специальностям, передали секреты мастерства, стахановский запал в работе. И теперь бывших новичков знает вся страна.

Всего три примера. Бригадир треста «Ленабамстрой» Леонид Казаков — ныне секретарь ВЦСПС, известные каждому бамовцу бригадиры Владимир Степанищев и Александр Бондарь — сегодня заместители начальников строительного-монтажных поездов, лауреаты премии Ленинского комсомола. Все трое — Герои Социалистического Труда. Всего же в коллективе строителей магистрали трудятся более двадцати Героев Социалистического Труда. Более трех тысяч человек награждены орденами и медалями.

Сплав опыта и молодости дал значительные плоды, выдающиеся результаты, главный из которых — досрочное выполнение поставленной партией и правительством задачи открытия движения поездов по БАМу на всем протяжении. Хочется выразить благодарность Ленинскому комсомолу за то, что направил на строительство магистрали своих воспитанников, ставших патриотами БАМа на многие годы.

Естественно, что с таким коллективом мы хотели бы работать и впредь. Задача сегодня — сохранить наши замечательные кадры, продолжить и приумножить рожденные ими лучшие традиции.

Что мешает этому? Я уже говорил о «бытовых» сложностях закрепления кадров и мерах, принимаемых нами в целях стабилизации рабочих коллективов. Хотелось бы остановиться еще на одной стороне дела, которую трудно отразить в привычных показателях, в цифрах, но роль которой в закреплении кадров огромна. Речь идет о том, с чего начался наш разговор, — о снижении внимания, общественного интереса к БАМу. Да, к сожалению, это так. Забыли к нам дорогу известные театры, эстрадные артисты. А ведь когда-то в их среде считалось престижным побывать на гастролях у нас.

В своем выступлении на XXVII съезде КПСС наш делегат Г. С. Костенко отметила и значительное снижение внимания к строителям и эксплуатационникам БАМа со стороны различных министерств и ведомств. В последние годы почти полностью свернули шефскую работу организации Министерства культуры, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Госкомспорта, Госкомиздата, Госкино СССР, творческие союзы. Почти в 10 раз меньше выделяется нашим молодым передовикам путевок по линии «Спутника». Исключены из планов традиционные «поезда дружбы» бамовцев в социалистические страны. А ведь соревнование за право стать участниками таких поездов было мощным фактором в борьбе за досрочное выполнение задания партии и правительства, государственных планов.

За исключением ТАСС, АПН и газеты «Гудок» все издания ликвидировали свои корпункты на БАМе.

Вот только некоторые примеры неоправданного и чрезвычайно заметного ослабления внимания к строительству магистрали после укладки «золотого звена». Хотя, как я уже говорил, стоящие перед нами задачи требуют, напротив, его повышения. Пока же социальный престиж строителя БАМа неуклонно снижается.

— Ефим Владимирович, решив повести разговор о БАМе сегодня, мы практически говорим только о проблемах, о нерешенных вопросах...

— Это естественно. Скажу больше: мне даже несколько жаль, что в недалеком прошлом о БАМе говорили и писали излишне парадно, так сказать, под аккомпанемент фанфар. Да, нам есть чем гордиться, о чем рапортовать. Но сегодня БАМ — это работа, работа трудная, повседневная, более прозаическая, нежели романтическая... Вот построим все до конца, до последней мелочи, тогда и поговорим о достижениях, тогда и отпразднуем. Пока же разговор о проблемах, о недостатках наиболее нужный, наиболее полезный для БАМа. Так что наша беседа вполне отвечает поставленной задаче. Да и, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, само время требует как раз именно критического, беспокойного взгляда на то, что мы делаем, что предстоит сделать.

Беседу вел
Павел БОНДАРОВСКИЙ.

Что волнует молодых

Инициатива молодых вазовцев
отработать на объектах соцкультбыта

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

увлекает комсомольцев и молодежь

И ДЕЙСТВОВАТЬ!

Хорошее дело предложили вазовцы. Кто-то, может, скажет: зачем не своим делом заниматься? Но ведь объекты-то наши, нужные нам, молодым, так почему же не ускорить их строительство, не помочь с ремонтом? А то многие привыкли, что заботиться о них должен кто-то со стороны. Этим очень удобно оправдывать собственную пассивность. И нередко на комсомольских собраниях, когда заходит разговор о слабой активности ребят, в ответ слышатся «аргументы»: у нас, мол, того нет, этого нет, вот постройте нам зал, клуб, купите инвентарь, организуйте, а мы уж потом развернемся!.. Вот такая иждивенческая позиция.

Комитет комсомола нашего станкостроительного объединения поддержал инициативу вазовцев. Прикинули, что можем сделать мы сами.

В нашем жилом микрорайоне станкостроительное объединение — самое крупное предприятие, и потому мы считаем себя здесь хозяевами. Среди домов расположен небольшой спортивный комплекс «Юность»: хоккейная коробка, футбольное поле, волейбольная площадка. Хозяева-то мы хозяева, а вот стадион свой содержали не в лучшем виде. Все руки не доходили, ремонтом занимались от случая к случаю. Зальем зимой хоккейную коробку, и вроде дело сделано.

А в мае собрали комитет комсомола и решили: надо поработать на стадионе, чтобы приятно было заниматься там спортом. Ведь наши заводские соревнования в основном проводятся на «Юности». Решили отработать здесь четыре дня. Чтобы точно фиксировать время отработки (ведь обязательно только в выходные, можно и в будние дни — по несколько часов после работы), сделали для каждого комсомольца специальные табеля-зачетки.

Сейчас стадион в порядке. Продолжается первенство объединения по летним видам спорта. Зимой

будем проводить традиционный футбольный турнир на снегу.

В счет четырех дней поработали мы не только на стадионе «Юность». Так, например, комсомольцы литейного цеха предложили построить спортивную площадку прямо на территории завода — для волейбола и городков. Вышел в обед — размялся или после смены поиграл. Чем плохо? Очистили территорию от мусора и металлолома. Но аппетит, как говорится, приходит во время еды. Загорелись литейщики еще одной идеей — переоборудовать цеховой подвал в стрелковый тир. Пропадает же столько места! Сейчас работа идет полным ходом.

Оказывается, возможностей-то сколько вокруг, только сумей правильно ими распорядиться. А это очень важно — «на все сто» научиться использовать то, что имеешь. В свое время мы таким же образом вышли из трудного на первый взгляд положения, когда решили организовать заводскую дискотеку, а подходящего помещения не было. Подумали-подумали: а залы столовой на что? С тех пор проводим там вечера танцев, которые, кстати, пользуются большой популярностью у заводской молодежи.

Комсомольцы модельного цеха, отработав четыре выходных дня, соорудили в подвальном помещении зал атлетической гимнастики, а рядом с корпусом цеха — волейбольную площадку.

Сделанное за четыре выходных дня — только малая часть того, что предстоит сделать. Но мы знаем: все в наших руках, нужно не ждать приглашения, а действовать самим!..

Александр ЕЛИСЕЕВ,
инженер-программист,
член комитета ВЛКСМ Ивановского
станкостроительного
производственного объединения
имени 50-летия СССР

КОНКРЕТНО

То, что предлагают молодые тольяттинцы, актуально почти везде. Потому что редкий город полностью обеспечен всем тем, что мы называем соцкультурой: детскими учреждениями, спортивными сооружениями, предприятиями службы быта и так далее.

Прежде всего мы определили «точки», требующие особого внимания. Их оказалось четыре: стадион «Локомотив», детская площадка на Междуреченском лесоперевалочном комбинате, два парка культуры и отдыха. Выбор подсказала сама жизнь. Мы в общем-то и раньше видели, что стадион нуждается в реконструкции: разбитые дорожки, обветшалые трибуны... Немудрено, что стадион пустует в любое время года. Видеть-то видели, но... Наверное, нужен был какой-то первоначальный толчок, чтобы мы от разговоров перешли к делу и вплотную занялись реконструкцией стадиона. Такой толчок и дало нам предложение тольяттинцев.

В мае провели на стадионе два субботника. Пришли молодые железнодорожники, рабочие вагонного и локомотивного депо, ребята с других предприятий. Заасфальтировали дорожки, привели в порядок трибуны, другие сооружения стадиона. Мы не подсчитывали в рублях объем работ, выполненных участниками субботника. Нужно ли это в данном случае? Задачу видим в конечном результате: чтобы стадион превратился в популярное место для отдыха и занятий физкультурой и спортом.

Наши парки... До недавнего времени они представляли собой не очень-то приглядное место: были захламлены, запущены. Тоже, казалось, объекты не первостепенной важности. Уже после первого субботника, когда молодежь провела планировку парков, картина резко изменилась. А еще есть проекты игровых площадок, аттракционов. Их мы и должны соорудить в этом году.

Детскую площадку строим по проекту секретаря горкома комсомола Владимира Иващенко, он по образованию архитектор. Вот, кстати, и у комсомольского работника появилась возможность применить свои профессиональные знания. Будет у детворы оригинальная и красивая площадка для игр.

Занимаясь организацией субботников, мы видим: вот оно, то конкретное дело, которого часто не хватало комсомольцам. Вернее, дел-то хватало, но мы не всегда умели сконцентрировать силы на конкретных задачах, хватались за многое и... многое упускали из виду.

С другой стороны, не могу не сказать и о некоторых наших сомнениях. Получается, что сейчас мы исправляем чьи-то прошлые недоработки. Есть же люди, ответственные за тот же стадион, парк! Почему они довели их до плачевного вида? Конечно, спрашивать об этом надо было раньше, нынче приходится срочно исправлять положение. Но в будущем молодежь все-таки хотела бы заниматься не «аварийными» работами, а создавать свое, новое сверх того, что должно делаться в плановом порядке.

Виктор КАШЛИКОВ,
первый секретарь
Октябрьского ГК ВЛКСМ,
Куйбышевская область

**МЫ ОБРАЩАЕМСЯ
К КОМИТЕТАМ КОМСОМОЛА,
МОЛОДЕЖНЫМ РАБОЧИМ КОЛЛЕКТИВАМ,
КО ВСЕМ, КТО НЕ ОСТАЛСЯ
В СТОРОНЕ ОТ ПОЧИНА ВАЗОВЦЕВ:
НАПИШИТЕ НАМ,
КАК СКЛАДЫВАЮТСЯ ДЕЛА У ВАС.
ЕСТЬ ЛИ УСПЕХИ? ЧТО МЕШАЕТ?
ДАВАЙТЕ ДЕЙСТВОВАТЬ СООБЩА!**

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат
экономических наук

В Ферганской долине можно многие десятки километров ехать одной «улицей» — кишлаки без всякого разрыва переходят один в другой... Когда вечером вылетаешь из Душанбинского аэропорта и видишь в иллюминаторе Гиссарскую долину, то пятна и полосы света — кишлаки и дороги между ними — занимают, кажется, не меньше места, чем темные пятна — сельскохозяйственные угодья. Впрочем, тут я никакого открытия не делаю: известно, что в Средней Азии самая высокая по стране плотность

населения. Попробуем взглянуть на это обстоятельство с экономической, социальной точки зрения.

До сих пор народное хозяйство страны развивалось в условиях увеличения численности занятой в нем рабочей силы. В двенадцатой пятилетке этого прироста не будет.

Молодые люди начинают работу в среднем в двадцать лет, а пожилые прекращают ее примерно в шестьдесят. В десятой и одиннадцатой пятилетках численность населения страны в возрасте от 20 до 60 лет росла, хотя темпы роста и снижались. Теперь ситуация

резко меняется: в конце двенадцатой пятилетки людей этой возрастной группы будет даже меньше, чем в начале.

Как отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, «уже в нынешнем году нам предстоит обеспечить почти весь прирост национального дохода за счет повышения производительности труда...». Понятно, что это требует особо полного и рационального использования имеющихся трудовых ресурсов.

Во многих районах страны, как в городе, так и на селе, рабочей силы не хватает; простаивает промышленное оборудование, не проводятся вовремя сельскохозяйственные работы и т. д.

Однако есть и районы со значительным избытком трудовых ресурсов. Первое место среди них занимает Средняя Азия. Степень перенаселенности в здешних селах можно показать на достаточно наглядном примере. В начале 1985 года в Андижанской области Узбекистана на один квадратный километр приходилось 248 сельских жителей. Для сравнения: в Калининской области на такой же территории — менее шести человек (5,7), то есть в 43 раза меньше!

И контрасты продолжают обострять-

В ПОЛЬЗУ МОЛОДЫХ

Фото Сергея ВЕТРОВА

ся. Так, сельское население самой густонаселенной нашей республики, Таджикистана, всего за шесть лет после переписи 1979 года выросло на 21 процент; за те же годы число сельских жителей Калининской области уменьшилось на 13 процентов, Горьковской и Смоленской — на 14, Брянской и Рязанской — на 15, Орловской — на 16 процентов. Население среднеазиатской части страны будет увеличиваться и в нынешней пятилетке. В Таджикистане на смену каждой сотне достигших пенсионного возраста придет более трехсот человек, вступающих в рабочий возраст.

Есть мнение, что сельское население Средней Азии можно занять преимущественно в сельском хозяйстве: здесь много пригодных для орошения земель, и если подать сюда достаточно воды, «лишних» рабочих рук не будет. Это ошибка. При любом расширении сельского хозяйства Средней Азии с избытком хватит и уже имеющегося количества работников. А что касается конкретно Таджикистана, то тут и расширяться особенно некуда: 93 процента его территории занимают горы. Интенсивное поливное земледелие здесь может вестись только в тесных долинах, уже освоенных и до крайности перенаселенных.

Между тем именно Таджикистан остается самой «сельской» по составу населения союзной республикой: в его городах и поселках городского типа к началу 1985 года проживало всего 34 процента населения. Более того, с 1970 года эта доля снизилась: тогда горожане составляли 37 процентов населения Таджикистана. В целом по СССР городские жители составляют 65 процентов населения, и эта доля постоянно и быстро растет.

Если сельскую молодежь Средней Азии — и Таджикистана в особенности — занять в селе невозможно, то она должна, следовательно, переехать туда, где рабочие руки нужны. Но дело в

УМЕЛЫЕ РУКИ И ГОРЯЧИЕ СЕРДЦА МОЛОДЫХ... ИХ ЖДУТ УДАРНЫЕ СТРОЙКИ, ИХ ЖДУТ ЗАВОДЫ И ФАБРИКИ.

том, что как раз эта категория здешней молодежи очень неохотно покидает родные места. Для сравнения приведу такие цифры. В середине 70-х годов из каждой тысячи сельских жителей уходило в города 17 человек (в России, Белоруссии и Литве — по 24—25), а в Таджикистане, Узбекистане и Туркмении — всего по четыре. С тех пор положение в Средней Азии практически не изменилось.

Исследования показывают, что причин здесь много. Родные кишлаки привлекательней для молодежи, чем среднеазиатские города. Трое из каждых четырех выпускников средних школ предпочитают жить в селе, каждый пятый — в столице республики и только один из двадцати — в других городах, включая и областные центры. Сравнительно высокая притягательность столицы объясняется стремлением к продолжению образования. Именно в столицах находится подавляющее большинство вузов и значительная часть средних специальных учебных заведений. Однако сельская молодежь, окончив вуз или техникум, обычно возвращается домой независимо от полученной специальности.

Почему?

Во-первых, как считают исследователи, в селах Средней Азии более высокий уровень жизни, чем в ее городах. Во всяком случае, такого стимула, как повышение материального благосостояния при переезде в город, здесь нет.

Во-вторых, родители, как правило, активно препятствуют переезду детей в города (какой контраст с Черноземьем, где родители нередко «выпихивают» своих сыновей и дочерей в город!). Большинство родителей, отмечают социологи, стремятся удержать детей подле себя даже тогда, когда они вырастают и обзаводятся своими семьями. В местных условиях большие семьи более устойчивы, более выгодны экономически. Кроме того, здесь издавна было принято воспитывать детей в безоговорочном повиновении воле родителей, которые зачастую единолично решали и такие жизненно важные для молодежи проблемы, как выбор профессии, места жительства. Такие традиции проявляются и сейчас.

Далее. Материальное благосостояние жителей Средней Азии выше, чем в ряде других районов страны. Дело не только в доходах. Здесь значительно ниже расходы для обеспечения равного с другими районами уровня жизни.

Поэтому для коренного жителя Средней Азии выехать за ее пределы — значит ухудшить свое материальное положение, а кроме того, отказаться от традиционного уклада жизни и пройти трудную адаптацию в новых местах (климатическую, социально-психологическую и т. д.). Но ведь это только в среднем. А средние данные, как известно, складываются из крайних. Для многих молодых преимуществ переселения превысили бы его издержки. Да вот беда: сельская молодежь Средней Азии очень плохо подготовлена к переселениям. Она, отмечу это сразу, получает относительно слабую общеобразовательную подготовку, поэтому ей трудно конкурировать со школьниками из других мест на вступительных экзаменах в вузы и техникумы.

В последнее время из Таджикистана в ПТУ Российской Федерации и Украины направляют ежегодно по две-две с половиной тысячи юношей и девушек. Работники училищ отмечают: помимо низкого уровня общеобразовательной подготовки, у посланцев Таджикистана очень плохие знания русского языка.

Каковы же причины слабой школьной подготовки? Вероятно, главная и наиболее общая — ежегодное долговременное отвлечение школьников на сельскохозяйственные работы. По последним данным, более трети подростков школьного возраста работают на полях шесть и более месяцев в году. Кроме того, школьники много занимаются личным подсобным и домашним хозяйством. Та-

кие «дозы» труда, конечно же, отрицательно сказываются на качестве школьного обучения. А впоследствии и на усвоении профессиональных знаний.

Что касается русского языка, необходимого для межнационального общения, то молодежь слабо знает его по многим причинам. Среди преподавателей русского языка в сельских школах много людей со сравнительно невысоким образованием: они сами недостаточно знают язык и не всегда хорошо владеют методикой преподавания; отсутствует русская языковая среда и т. д.

В Средней Азии сельских школьников практически никто не ориентирует на городские профессии, городской образ жизни. Решающую роль в социально-профессиональной ориентации школьников играет семья. Под ее влиянием подросток, как правило, низко оценивает и город, и городские профессии, особенно промышленные и строительные. Узбеки составляют около половины населения городов Узбекистана, а их доля в промышленности — 36 процентов, в строительстве — 25. А под влиянием учителей (значительно более слабым, чем родительское) школьники чаще выбирают гуманитарные профессии и реже — инженеров и промышленных рабочих. Большинство выпускников сельских школ идут работать в сельское хозяйство, где и без того большой избыток рабочей силы.

Возможности переезда молодых людей в город ограничиваются еще и тем, что они не могут получить дома городские профессии. Не только вузы и техникумы, но и почти все ПТУ расположены в городах. Поэтому у подавляющего большинства молодых женщин нет профессиональной подготовки. Родители обычно не могут допустить, чтобы их дочь училась в городском ПТУ, живя в общепитии. Как бы мы ни отослались к этим социально-психологическим особенностям сельских жителей Средней Азии, с ними нельзя не считаться.

Интересно, что сельские девушки оценивают городские условия жизни значительно выше, чем юноши. В частности, они больше, чем мужчины, хотят жить в многоэтажных домах. Объяснение этому социологи видят в том, что в современном доме со всеми удобствами много легче вести домашнее хозяйство, которым в Средней Азии практически занимается только женщина.

Однако отсутствие городской специальности крайне затрудняет переезд в город. Жизнь наша устроена так, что молодой городской семье необходимы заработки обоих супругов. В городах Средней Азии доля неработающих женщин очень велика. Отсутствие второго заработка ставит городскую семью в худшее положение по сравнению с сельской, где можно многое получить в своем саду и огороде.

Для переезда в город, как нетрудно убедиться, очень нужна городская профессия. Но как ее получить? Выход, на мой взгляд, в том, что профтехучилища надо размещать непосредственно в кишлаках. Замечу, что среднеазиатский кишлак не среднерусская деревня. Часто в нем проживает пять — десять и более тысяч жителей. Знаю кишлак Костаков неподалеку от Ленибада, в котором десять средних школ, и в каждой из них — более тысячи учащихся. Кроме того, в Средней Азии много очень плотных сельских агломераций — скопления кишлаков, что позволяет при надобности учиться не в своем, а в соседнем селении.

Пока профессионально-техническое образование в среднеазиатском селе развито чрезвычайно слабо. Да не только в сельской местности — и в городах оно развито незначительно. Большинство рабочих получают профессиональную подготовку непосредственно на предприятиях (курсовое, бригадное и индивидуальное обучение), поэтому профессиональный уровень работников относительно низок.

Городские профтехучилища часто трудно укомплектовать, особенно по

«женским» профессиям. Так, скажем, при Душанбинском производственном объединении хлопчатобумажной промышленности существуют два ПТУ, в которых постоянный и большой набор учащихся. В ПТУ-28 при плане 300 человек обучается всего 120, причем лишь две трети девушек готовятся по специальности, нужной объединению. А вот небольшие филиалы этого объединения, расположенные в сельской местности, не знают недостатка в желающих обучаться и работать. Зато на головном предприятии (я посещаю его время от времени уже двадцать лет) всегда не хватает около тысячи рабочих. И это притом, что множество девушек фабрика ежедневно доставляет на работу своими автобусами из окружающих сельских районов перенаселенной Иссарской долины. Замечу еще, что подавляющее большинство работников этого мощного объединения не местных национальностей. Очень много ткачих, прядильщиц из Центральной России, Поволжья. Западной и даже Восточной Сибири — отовсюду, где есть родственные предприятия. А Душанбинское объединение все шлет и шлет своих вербовщиков в дальние края...

Почему же не идут на это предприятие местные женщины? В основном из-за трехсменной работы. В Средней Азии считается, что не дело работать женщинам по ночам. И это правильно.

А вот в городе Ура-Тюбе под Ленибадом никаких проблем с рабочей силой на большой фабрике верхнего трикотажа нет.

Как-то, пройдя по цехам этой фабрики, я был просто поражен: работают сплошь молоденькие узбечки и таджички. Почему? Да потому, что здесь **двухсменная**, а не трехсменная работа и смены начинаются и заканчиваются в удобное для работниц время. А почему сплошь такие юные? Мало мест в детских учреждениях. Выйдут замуж, заведут детей — приходится уходить. А желающих работать на фабрике больше чем нужно. И местное руководство давно и настойчиво предлагает построить здесь другую такую же фабрику или расширить существующую.

При громадном избытке трудовых ресурсов в Средней Азии очень не хватает квалифицированных рабочих. Но ведь это всего лишь проблема обучения. В 1984 году профессионально-технические училища Таджикистана выпустили 22,8 тысячи рабочих (чуть больше, чем ПТУ Латвии — 21,9 тысячи). Но сравним цифры с числом родившихся в республиках за 18 лет до того. В 1966 году в Латвии родилось 31,9 тысячи детей, а в Таджикистане — 91,8. Профтехобразование получили, следовательно, 69 процентов от числа рожденных в Латвии и только 25 процентов — в Таджикистане.

Разумеется, слабое развитие профтехобразования можно в некоторой степени компенсировать посылкой молодежи в ПТУ других республик, что Таджикистан в последнее время и делает. Какие это дает результаты?

В 1983 году сотрудники Таджикской Академии наук изучили первые результаты подготовки молодежи в ПТУ Горьковской и Ярославской областей, провели конкретное социологическое исследование. Были опрошены все оставшиеся здесь после окончания училища. Приведу некоторые данные по Ярославской области.

Только у 13 процентов опрошенных родители одобрили решение поехать учиться в Россию, а у 62 процентов были категорически против. Перед окончанием ПТУ многие желавшие остаться работать на базовых предприятиях вновь советовались с родителями. Половина родителей требовала возвращения, другие предоставили детям возможность решать самим.

В момент опроса 61 человек из ста считал, что правильно поступил, приехав учиться в российское ПТУ, а 13 процентов жалели, что не послушались советов родителей.

Мотивы решения остаются на базовом предприятии располагаются в таком порядке: содержательная, интересная работа; возможность дальнейшего профессионального роста; хорошая организация труда; общественная значимость такого решения; желание поступить в вуз или техникум; лучше освоить полученную специальность; высокий уровень заработной платы; создание семьи.

Авторы исследования пришли к выводу, что уровень профессиональной подготовки в ПТУ России выше, чем в Таджикистане, что у выпускников быстрее повышаются разряды, что для народного хозяйства республики желательнее возвращение выпускников не сразу после окончания ПТУ, а через полтора-два года работы на базовом предприятии, когда рабочий становится действительно квалифицированным. Несмотря на ряд трудностей и сложностей, вызванных главным образом плохой общеобразовательной подготовкой и недостаточным знанием русского языка, авторы приходят к такому итоговому выводу:

«Не вызывает никаких сомнений эффективность и необходимость дальнейшего развития такой формы подготовки кадров как одного из средств повышения территориальной и социальной мобильности молодежи Таджикистана, перераспределения трудовых ресурсов и укомплектования высококвалифицированными кадрами отраслей народного хозяйства республики».

Вместе с тем главной задачей остается подготовка рабочих кадров в самой республике, причем нужно всемерное приближение ПТУ к местам проживания возможных учащихся.

Суммируем кратко основные меры, которые необходимо, на наш взгляд, принимать для повышения миграционной подвижности сельской молодежи Средней Азии:

— резкое повышение уровня общеобразовательной подготовки, особенно по математике, физике, русскому языку;

— налаживание социальной и профессиональной ориентации школьников с возможно ранних лет, ориентация на город, городские профессии, городской образ жизни;

— профессиональная подготовка молодежи в местах ее проживания;

— экономическая и организационная помощь в переселении в города и другие районы;

— помощь в социально-психологической адаптации переселенцев к условиям жизни на новом месте.

Думаю, что комсомольские организации могут очень многое сделать для повышения миграционной мобильности молодежи.

Разумеется, речь у нас шла о тех местах, где имеются избытки трудовых ресурсов. В обширной Средней Азии тоже есть районы, где трудовых ресурсов не хватает, прежде всего на землях нового хозяйственного освоения. И сюда надо привлекать людей, создавать им хорошие условия для жизни и работы.

Другая сторона дела — создание достаточного количества рабочих мест в городах Средней Азии. Это дело союзных и республиканских организаций — госпланов, министерств и других.

Нужны ускоренные индустриализация и урбанизация Средней Азии, что позволит развивать ее народное хозяйство высокими темпами. Этому особенно способствует обилие трудовых ресурсов и большой их прирост. В Средней Азии нужно ускоренно развивать главным образом трудоемкие отрасли народного хозяйства — машиностроение, приборостроение, радиоэлектронику, легкую промышленность и т. д. Такое развитие будет приближать нас к достижению сбалансированности имеющихся и создаваемых рабочих мест с трудовыми ресурсами, что, в свою очередь, будет способствовать повышению темпов экономического и социального развития страны.

Ирада АБДУЛЛАЕВА

Дома, конечно, все обрадовались, когда именно в понедельник были наконец вывешены списки поступивших в институт и фамилия Кямила Саламова оказалась среди счастливиц.

В доме началась страшная суматоха: тетушка Сурейя обзванивала всех родных и знакомых, сообщая каждому все в самых детальных подробностях, бабушка Медина занялась на кухне стряпней, заранее зная, что к вечеру в доме обязательно соберутся гости, мама отправилась на базар, хотя это было и не к спеху, скорее всего ей хотелось выйти на люди, чтобы объявить неслыханную радость соседям и просто знакомым, живущим в их старом квартале.

Казалось, Кямиль принес в дом ту радость, которую все давно ждали, в которой даже нуждались, чтобы лишний раз доказать всему свету, что вот такто, уважаемые, и мы не лыком шиты, и наш сын теперь будет учиться в высшем

Кямиль нахмурился — уж очень не любил он всех этих разговоров, но мать остановила его легким прикосновением руки:

— Пусть повеселится, мальчик мой... Ведь это и ее счастливый день.

— Что там у вас за веселье? — закричала со своего балкона соседка, тетушка Аршалуйс.

— У нас большая радость, — перегнувшись через перила, закричала мать, — наш Кямиль поступил в институт...

— Ой, люди, слышали... — запиричала, кудахтая, словно курица на соседстве, тетушка Аршалуйс, созывая остальных соседей порадоваться за Кямиля.

Теперь уже со всех сторон и балконов неслось громкое:

— Счастья тебе, Кямиль! Поздравляем! Счастливчик! Радости тебе, Кямиль!... — гудел двор.

Зазвонил телефон. Кямиль снял трубку и услышал голос Лалы:

— А мне звонила Севиль... — вдруг

мечтам и свершениям... А я себе уже сказал: пойду на завод к дяде, Алексею Павловичу, а потом поступлю учиться на вечернее отделение, но не в этом году, а после армии!

— Господи! — Кямиля резанул заплаканный голос матери Сергея Софьи Павловны. — И это говорит мой сын! Который был не только в классе, во всей школе лучшим. На олимпиадах занимал только первые места, грамотами можно увешать стены... — Она еще говорила что-то обидное, выстраданное ею, матерью, и когда Сергею удалось наконец вырвать трубку, он только и смог сказать:

— Встретимся на нашем месте...

Обычным местом их встречи был небольшой скверик у старинной крепостной стены. Здесь было тихо и уютно, хотя совсем рядом проходила центральная магистраль.

Они поздоровались, как обычно, и рассмеялись, счастливчик и неудачник...

— Глупо все вышло, — начал Сергей. — Но я ее не виню. Мать все-таки!

— Ты бы видел мою! Радости полон дом!..

— Вот-вот... Как будто в этом все счастье...

— Ученье — свет! — засмеялся Кямиль.

— Ученье... — напустился Сергей. — Ты добился того, чего желал! А я теперь на завод...

це, крепко держась за перила, чтобы в темноте не споткнуться и не наделать шума. Неожиданно Кямилю показалось, что на их этаже теплится еле заметный огонек — то ли от свечи, то ли от керосиновой лампы, но когда он услышал приглушенные голоса, понял, что наверху у кого-то происходит тайное свидание.

— Слушай, давай уйдем, не будем мешать... — отозвался Сергей. Но Кямиль потащил его наверх, остановившись в пролете, когда голоса стали уже хорошо слышны. Удивительно, но один голос был знакомый, мамин голос. Голос другой женщины он слышал впервые.

— Он что, совсем с ума сошел? — ядовитым, совершенно необычным для себя тоном говорила мать. — Или с луны свалился? Ведь договорились же о цене твердо, раз и навсегда. А теперь? Что ты опять пришла с какими-то просьбами?!

— Нужна еще тысяча, и все. Уж тогда точно все... — горячо шептала женщина.

— Ты и в прошлый раз говорила: все, на этом все!

Видимо, мать хотела назвать какую-то сумму, но женщина вскрикнула:

— Ты, видно, с ума сошла, что вслух говоришь о таких вещах, о которых нужно забыть!

— Забыть?! Ишь ты... Забудешь те пять тысяч, которые мне пришлось с таким трудом наскрести! Продала старинной работы бабушкину цепь да еще

СОСТЯЗАНИЕ

учебном заведении, да не в каком-нибудь институтишке, куда принимают даже с троечками, а именно там, где самый большой конкурс, где во время приемных экзаменов идет настоящее состязание... И наш мальчик выдержал все, ничего не скажешь, светлая голова!..

Сам Кямиль был тоже, конечно, доволен, но все же чувства свои выражал не так бурно, как это делали старшие. Казалось, он даже чувствовал себя неловко от всех этих поцелуев, ахов и охов. Свою победу он воспринимал скорее как должное, ибо и в школе был среди успевающих, и дома перед экзаменами занимался не только по учебникам, а черпал самые свежие сведения из книг, журналов, справочников...

Пожалуй, больше всего ему было досадно, что не многим его одноклассникам посчастливилось быть принятыми в институт: кто срезался сразу же, на первом экзамене, кто прошел всю дистанцию, но не добрал баллов. И уж, конечно, обиднее всего ему было за Сережку Мамедова, который и математику, и физику знал куда лучше его самого, а вот, надо же, не поступил, недобрал всего одного крохотного балла.

— Не всем же дано быть студентами, — горячилась мать, когда сын поделился с ней своей горечью за лучшего друга. — Поэтому я так горжусь тобой! — И она даже прослезилась. А через секунду уже более спокойно добавила: — Утром носы и этим Халиловым, и этим Маликовым, всем утром!

— Утерли уже... — вмешалась бабушка Медина, перебиравшая рис для плова. — А теперь... — Ее лицо преобразилось, посветлело, — теперь будем свадьбу твою ждать. Ведь я еще и правников своих хочу понанчить... — Напевая, она поднялась с места и пошла на кухню, прищелкивая пальцами.

неожиданно сообщила девушка. Кямиль насторожился: Севиль — это сестра Сергея. — Скис совсем твой друг. Даже видеть никого не желает. Очень повлиял на него срыв. Ведь стопроцентно был уверен, что поступит. Да и репетиторы уверяли: твое место в институте. А получилось...

Кямилю было неприятно слышать эти слова. Надо же, «вернула» Сергея, чтобы позлить его, чтобы лишний раз подчеркнуть превосходство: дескать, ты у нас умный, ты сумел, а он вот...

— Ты позвонила мне, чтобы рассказать о Сергее?

— Просто... — Голос ее сник.

— Просто ничего не бывает, — тут же отозвался он. — Я понимаю, что срыв его случаен. Ты думаешь, он слабак? Он еще найдет себя в жизни. И обязательно поступит в вуз, но попозже, а пока...

— Ты говоришь как человек, которому одному хорошо, а до других ему и дела нет! — Лала бросила трубку.

Кямиль отошел от окна. Почему она обиделась? Что он сказал такого? Разве не верно: Серега — человек трудолюбивый, не сворачивающий с дороги ни при каких обстоятельствах, значит, он все равно добьется своего, и если не поступил на дневной, то можно еще сдавать экзамены на вечерний, в конце концов нельзя же из всего делать трагедию!

Кямиль набрал номер Сергея.

— Привет! — сказал он его сестре. — Позови своего брата. Где он там прячется? — бравурным голосом начал он.

— Хорошо, что ты позвонил: в доме траур, Серега прямо рвет и мечет...

Трубку, видимо, в этот момент взял Сергей:

— Слушай ты больше эту болтушку! «Рвет и мечет» знаешь из-за кого? Из-за моих родителей. Решили, что все, конец

— Хватит! — прервал его Кямиль. — Ты снова начинаешь давний наш разговор. Ты же видишь состояние своей матери. А я не мог, понимаешь, не мог провалиться. Для мамы это бы означало смерть... И прекратим этот разговор!

— Прекратим! — пожал его руку Сергей. — Каждому свое... Но, если бы я был человеком, от которого зависит поступление в институт, я бы сделал так, чтобы все поступающие имели стаж работы по специальности!

— Ладно, хватит философствовать, пойдем лучше к нам, — перебил его Кямиль. — У нас уже, наверное, гостей полно дом.

Когда они дошли до дома, у входа в который толпились соседи и просто любопытствующие, Кямиль, закатив глаза, прошептал:

— Дай сил мне, чтобы вынести еще одно нашествие!

— А давай пройдем через ваш «черный ход», — предложил Сергей. Они часто пользовались им, когда хотели незаметно от родительских глаз ускользнуть или, наоборот, проникнуть в дом.

Свернув в темный проем «черного хода», давно не освещаемый, юноши бесшумно стали подниматься по лестнице.

свое золотое кольцо. А ведь я могла это отдать в приданое моей Зулейхе...

— Зато в твоём доме теперь радость, — не сдавалась женщина. — Разве это не счастье: сын в институт поступил!

— За такие деньги и я бы поступила! — зло огрызнулась мать. — Слушай, а если я не отдам ему эту тысячу? Ведь Кямиль уже зачислен, зачетка и студенческий билет у него на руках...

— Ну и дура будешь! С первой же сессии за неуспеваемость вылетит!

Кямиль вцепился в руку Сергея. Значит, вся эта радость, все это счастье в доме липовое. Его поступление в институт просто-напросто куплено, как туфли в магазине, как торт или килограмм картофеля...

Страшно закружилась голова. Он дернулся, желая высвободиться из цепких рук друга.

— Молчи... — зашептал ему Сергей. — Потом разберешься...

Стыд начал приливать к его щекам, наваливаясь туманом на сознание. Вот сейчас он, не помня себя от гнева, в два прыжка взлетит наверх, посмотрит в глаза побелевшей от страха и стыда матери и скажет ей все, все...

Но он так и остался стоять на лестнице, еще ниже опустив голову, боясь посмотреть в глаза другу.

К ЧИТАТЕЛЯМ.

Публикуя эту историю в рубрике дискуссии, мы надеемся, что читатели поделятся своими соображениями о том, сможет ли Кямиль Саламов одолеть искушение пусть нечестным способом, но все-таки стать студентом, или же он найдет в себе те нравственные силы, которые помогут ему отступить, сойти, пока не поздно, со скользкого пути. Непростой шаг предстоит сделать юноше, и потому мы надеемся, что читатели помогут ему в этот сложный момент жизни.

Ждем ваших писем!

«Смена» уже рассказывала читателям о том, как используют вычислительную технику в школах (№ 17, 1985 год) и дома, в семье (№ 7, 1986 год). Тема сегодняшнего разговора — ЭВМ на вашем рабочем месте.

Персональная ЭВМ... Лет двадцать назад такое словосочетание звучало бы не менее нелепо, чем персональная ГЭС или персональная доменная печь. А сегодня во всем мире персональные компьютеры уже обгоняют по численности все прочие типы ЭВМ. Чтобы составить о персональном компьютере цельное впечатление, попробуем взглянуть на него глазами специалистов, тех, для кого он и создан. Нашими спутниками будут инженер, секретарь-делопроизводитель и закройщик — представители только трех профессий из многих, кому поможет в работе персональная ЭВМ.

Уточним: речь идет об инженере, чья профессия напрямую не связана с вычислительной техникой, — о строителе, металлурге, химике.

По определению члена-корреспондента АН СССР С. С. Лаврова, «персональный компьютер — это мой компьютер». Теперь не нужно куда идти, оформлять задание на расчет, перфорировать программу и данные, подолгу ждать результатов, заботиться о сохранности «своей» информации в вычислительном центре. Машина полностью в твоём распоряжении. Никто не поторопит тебя, если замещаешься, никто не заметит невольного промаха, никто не поставит в вину низкую загрузку. Эти на первый взгляд чисто психологические соображения быстро приобретают вполне производственный характер. Сокращение дистанции между ЭВМ и инженером, ликвидация посредников в диалоге «человек — машина» приводит к резкой интенсификации инженерного и научного труда.

Персональный компьютер впервые позволил инженеру стать подлинным хозяином ЭВМ. В перспективе контакт между ними станет еще более тесным. Компьютер заменит не только логарифмическую линейку и технический справочник, но и кульман, и перо, и бумагу.

Сразу после появления первых персональных компьютеров возник новый термин — «дружественное программное обеспечение». Сейчас в научно-технических публикациях он появляется уже без кавычек. Именно дружелюбность можно назвать основной чертой персонального компьютера. Означает это ориентацию на новичка, на неспециалиста, на действия по принципу «обучайся, работая» или даже «обучайся, играя». Раньше, когда каждая единица заложенной в ЭВМ информации и каждая секунда машинного времени были на строгом счету, главными лозунгами вычислительной техники являлись эффективность и экономия по отношению к машинным ресурсам. При этом такие соображения, как удобство для потре-

бителя, простота пользования, психологический комфорт, попросту не могли быть приняты в расчет. Хорошими языками программирования считались те, которые было удобно перевести — транслировать — на язык машины. Общение с человеком происходило при помощи цифровых кодов, значения которых приходилось расшифровывать по справочникам. Теперь положение радикально изменилось. Мы экономим уже не машинные, а человеческие ресурсы: внимание, силы, хорошее настроение.

Опыт показывает, что в дружественных условиях новичок способен освоить азы программирования за две недели, тогда как раньше на это требовалось в среднем полгода. А за полгода человек приобретает такую квалификацию, которую не всегда способен дать вузовский курс.

Персональный компьютер «АГАТ» по своим основным вычислительным ресурсам — быстрдействию и оперативной памяти — не уступает таким мощным и распространенным машинам, как СМ-4 и ЕС-1030, а кое в чем их и превосходит. Процессор «АГАТа» выполняет до 300 тысяч операций в секунду и состоит всего лишь из двух микросхем. При необходимости процессорную плату можно заменить. Это позволяет «АГАТу» «понимать» программы, написанные для других типов ЭВМ. Оперативная память «АГАТа» тоже построена на микросхемах. Популярны когда-то магнитные сердечники здесь не используются. Каждый двоичный разряд — бит — записывается с помощью конденсатора. Одна микросхема — пластинка с полпальца величиной — содержит 2 тысячи байт памяти (1 байт = 8 битам). На машину может быть установлено от одной до четырех плат памяти, то есть от 64 до 256 тысяч байт.

Персональная ЭВМ на рабочем месте секретаря участвует практически во всех выполняемых им функциях и успешно заменяет собой и пишущую машинку, и календарь, и архив, и картотеку, и если не телефон, то телефониста. Она берет на себя значительную часть работы человека, делает его труд более производительным и интересным.

Секретарь, получивший в свое распоряжение «АГАТ», не будет его сам программировать, по крайней мере на первых порах. Он воспользуется теми программами, которые поставляются вместе с машиной и служат для ввода, обработки и хранения текстовой информации. Самая употребительная из таких программ, пожалуй, «РЕДАКТОР ТЕКСТОВ».

Допустим, секретарю нужно подготовить шесть писем в различные организации. Содержание писем сходное — напоминание о переносе сроков поставок. Тексты отличаются лишь адресом, фамилией адресата, наименованием продукции да ссылкой на номер документа. Набираем текст на клавишах, оставляя свободное место там, где есть различия.

Коллаж Олега ГРАЧЕВА

Михаил КУЗНЕЦОВ

КОМПАЬЮТЕР

КОМПАЬЮТЕР

Обратим внимание: «АГАТ» в отличие от большинства отечественных ЭВМ имеет как заглавные, так и строчные буквы, так что шрифт ничем не отличается от обычной машинописи. Набранный текст, словно на листе бумаги, появляется перед нами на экране. Даже лучше, чем на бумаге, где каждая опечатка оставляет неопрятный след — зачеркнутые буквы. А тут мы, нажимая на клавиши со стрелками, перемещаем по экрану указатель к месту требуемого исправления, набираем нужные буквы — ошибки как не бывало.

Письмо готово. Осталось разыскать почтовый адрес каждого из предприятий и вспомнить, как зовут там заме-

стителю директора. И в этом деле нам поможет «АГАТ». Нужно лишь вставить конверт с надписью «КАТАЛОГ КОРРЕСПОНДЕНТОВ» в узкую прорезь на лицевой панели — накопитель на магнитных дисках.

Как бы велика ни была емкость оперативной памяти персонального компьютера, ему еще необходима и внешняя память для хранения множества разнообразных программ и данных. «АГАТ» работает с 13-сантиметровыми гибкими магнитными дисками емкостью в 125 тысяч байт каждый. Это почти сто страниц машинописного текста. Такие диски очень дешевы и занимают мало места: добрая сотня их умещается в обычный каталожный ящик. Найти нужный диск и установить его в накопитель — секундное дело. И вот уже в память нашего «АГАТа» переносятся требуемые адреса и фамилии.

Если секретарь уже освоился с машиной, он сообразит, что подготовка письма могла бы отнять еще меньше времени, если бы где-нибудь сохранялся его текст-заготовка. Но ведь не в последний раз пишется письмо такого содержания! Поэтому из ящика извлекается диск с надписью «ТЕКСТЫ СТАНДАРТНЫХ ПИСЕМ» и на него переносятся из оперативной памяти набранный ранее текст.

Теперь у нас есть все необходимое для наших шести писем. Как перенести их на бумагу? Можно было бы присоединить к «АГАТу» электрическую пишущую машинку-телетайп, но ее скорость — 10 знаков в секунду — нас уже не устраивает. Поэтому для «АГАТа» разработано специальное быстродействующее печатающее устройство — мозаичный принтер, который печатает любые символы с помощью тонких игл. Иглы на мгновение прижимаются электромагнитами к красящей ленте и оставляют на бумаге следы-точки; эти точки, как мозаика, составляют буквы и цифры. Размерами принтер существенно меньше пишущей машинки, а печатает почти 200 знаков в секунду. Все шесть писем заодно с адресами для наклейки на конверты будут отпечатаны быстрее, чем вы прочтете два абзаца.

Однако послать письмо — это полдела. Надо еще проконтролировать полу-

Дополнительная плата позволяет соединить «АГАТ» непосредственно с телефонной сетью. Подключив к нему еще и кассетный магнитофон, мы заставим его без нашего участия отвечать на телефонные звонки и записывать на ленту все, что говорят по телефону. А можно дать ему задание в условленное время вызвать нужный номер и «продиктовать» записанный заранее текст...

Закройщик

Как рождается красивая одежда? Это анализ существующих моделей плюс приспособление их ко вкусам и особенностям фигуры заказчика — то есть операции, графические по своей сути. Между тем обработка графической информации — одна из отличительных черт любого персонального компьютера. Цветной экран «АГАТа» способен воспроизводить любые фигуры в 16 различных цветах. Языки программирования персональных компьютеров наряду с арифметическими и текстовыми, содержат и графические предписания (типа: проведение отрезка, построение

дисконный накопитель большей емкости: легко подсчитать, что одноцветная «картинка» 256 × 256 точек (экран «АГАТа») требует 8 тысяч байт памяти. Модели из каталога можно вызывать в любом порядке, перемещать по экрану, раскрашивать произвольным образом, уменьшать, увеличивать, комбинировать.

При обслуживании заказчика подробные данные обмера его фигуры вводятся в машину. Каждая из вызванных на экран моделей автоматически преобра-

зуется к фигуре заказчика. Глядя на экран, можно визуально определить, какая модель, расцветка или их сочетание ему более всего подходят. После того, как выбор сделан, вызывается программа формирования выкройки. К «АГАТу» подключается координатный графопостроитель — прибор, действующий по принципу самописца и позво-

чение ответов. Когда ответ будет получен, мы его зарегистрируем и сделаем соответствующую отметку. Но ведь главное — это выявить неполученные ответы! И снова «АГАТ» приходит на помощь. Подготовив письма, мы берем диск под названием «ДНЕВНИК» и заносим на него сведения об их отправке и срок ожидаемого ответа, скажем, две недели. Больше от нас ничего не требуется: «АГАТ» ежедневно сам просматривает «ДНЕВНИК» и находит невыполненные на сегодня дела. Так что, если через две недели хоть одно из шести писем останется без ответа, «АГАТ» выдаст нам предупреждающее сообщение.

окружности, окраска области в заданный цвет и т. д.). С помощью «АГАТа» можно строить и подвижные изображения — настоящие мультипликационные фильмы.

Какую же пользу извлечет закройщик из «АГАТа»? С его помощью можно создать индивидуальную систему проектирования одежды, причем индивидуальную не только по отношению к заказчику, но и к мастеру: каждый закройщик будет сам конструировать свою систему в соответствии со своим вкусом и опытом. Информационную базу такой системы будет составлять графический каталог моделей. Возможно, для такого каталога к «АГАТу» придется подклю-

ющий чертить на бумаге любые кривые линии. Выкройки, вычерченные машиной на основании точных размеров фигуры заказчика, поступают далее в цех раскроя.

Как можно пополнять каталог моделей? Не придется ли для этого использовать традиционную миллиметровку и рассчитывать координаты? Нет, вместо этого машину можно снабдить устройством ввода графической информации — дигитайзером, напоминающим по устройству фототелеграф. Дигитайзер «просматривает» картинку — в данном случае силуэт модели — и передает машине координаты границ темных и светлых зон. Можно организовать централи-

зованное снабжение пошивочных ателье магнитными дисками или лентами с изображениями новых моделей. И, наконец, у закройщика всегда остается возможность самому сконструировать новую модель, сидя непосредственно за экраном «АГАТа» и формируя изображение с помощью «светового пера» или команд с клавиатуры.

Итак, наше первое знакомство с персональным компьютером окончено. Как видите, это и в самом деле машина для всех и каждого. Освоена ее массовый выпуск. Наша задача сегодня — получше подготовиться ко встрече с электронным помощником.

КУРИТЬ

В прошлом году «Смена» опубликовала две статьи — «Письмо курящей девушке» (№ 8) и «Как одолеть серого змия?» (№ 22). Печально, но факт: мало кто из читателей откликнулся на эти публикации, что уже само по себе настораживало, наводило на тревожные размышления. Неужели наше равнодушие к собственному здоровью и здоровью окружающих зашло так далеко? Или традиционные формы борьбы с курением потеряли силу? А может, верно и то, и другое?.. В поисках ответов на эти вопросы и родились письма, публикацию которых мы начинаем сегодня.

Письмо первое — ОБЫДЕННОЕ

Зачем люди курят? Один психиатр сказал: «Люди курят не столько потому, что хотят, сколько потому, что не могут бросить».

Не однажды специалисты пытались выявить мотивы начала. Один из зарубежных специалистов прочитал 316 сочинений, написанных школьниками на эту тему. Оказалось, ведущий мотив — «удовольствие и развлечение».

Далее, по мере того, как вырабатывается привычка, у курения появляется и «смысл». Многообразие «аргументов» и «обоснований» поразительно! Здесь и стремление к самоутверждению, и подражание, и любопытство, и нежелание выглядеть «белой вороной»...

Кто и что побуждает подростка к курению? Родители, старшие братья и сестры, сверстники, любимые киногерои. Кроме того, нравятся вкус табака, сам процесс закуривания, возможность «пускать кольца» и т. д. А тут еще утверждение взрослых: курение, мол, успокаивает нервы. И курят детишки, понятия не имея, каким именно образом воздействует табачный дым на нервную систему... Для девушек это «взрослое» желание похудеть, для юношей — «армейский перекур». Для тех и других пьянящее ощущение: «А я уже могу!»

Мой сын научился курить в пионерском лагере, где юный вожатый, не зная, как подступить к отряду, разбивал его на группки и, протягивая пачку сигарет, по-свойски говорил: «Закуривай, ребята!.. Ну, так кто же сегодня ночью лазил через окно и пугал девочек?»

Смешно? Скорее грустно.

Один из моих коллег писал, как, работая на заводе, он завидовал соседу, когда тот «законно» каждый час на пять минут уходил в курилку. Ходить туда просто так было бессмысленно, зато некурящего там встречали сочувственным предложением: «Закури, чего маешься». Закурил. Через много лет, когда болезнь легких вынудила идти к врачу, запаниковал... Недавно в редакцию пришло два письма.

«У меня в семье злостные курильщики — муж и сын. Муж уже совсем больной человек, у него весь набор легочно-сердечных заболеваний, никакие физические нагрузки не переносит, задыхается. Сын... также много курит, у него начинается такой же кашель, и я без горя не могу на него смотреть. И говорит: чем больше желание бросить, тем сильнее тяга. Помогите!

**ХРОМОВА А. П.,
г. Электросталь».**

«...Я погибаю, но бросить курить не могу. Прочитала уйму литературы о борьбе с курением и неоднократно пыталась бросить, но безрезультатно. Мне 32 года, имею двух детей-дошколят и вот чувствую, как с каждым днем теряю здоровье и дни жизни. Обследовалась: в сердце отклонения, в легких хронический бронхит, дыхания не хватает, часто болею простудными заболеваниями. Как ни стыдно признаться, не хватает силы воли бросить. Помогите, пожалуйста, ради моих детей.

г. Нефтекамск. Если будете печатать, не указывайте фамилию».

Всего лишь два письма... Что это? Крик одиночек? А сотни курильщиков стесняются написать? Впрочем, почему именно сотни, и сколько у нас курильщиков вообще?

Скажем откровенно, табачная статистика не балует нас точной и исчерпывающей информацией. Правда, известно, что **каждый из нас (среднестатистическая единица) выкуривает в год 1,55 килограмма табака.** Но если я не курю, значит, кто-то рядом выкуривает 3,1 килограмма. А если вы, читатель, тоже не курите, значит, кто-то третий выкуривает 4,5 килограмма! «Прогоняет» их через себя, через свой зачастую еще не окрепший организм.

Знаю, подобной статистикой молодых сегодня не запугаешь. Не случайно таблеткой нашумевшего препарата «Гамибазина», выпускаемого в виде жевательной резинки, заинтересовались в основном пожилые люди, которые начали уже класть валидол под язык. Вынудило, вот и заинтересовались!

Вообще все курильщики, на мой (некурящего) взгляд, делятся на три категории: первые — те, кого вообще «ничем не проймешь», вторые — кому не хватает убежденности в том, что курение и здоровье несовместимы, и третьи — те, кто все понимает, все знает и рад бы бросить, но болезнь зашла далеко, и одной силы воли уже недостаточно.

Впрочем, перед смертельной опасностью табака они все равны...

Письмо второе — ИНФОРМАЦИОННОЕ

Зарубежные врачи определили курение кратко и исчерпывающе: «Чума XX века». Обосновывая это определение, эксперты Всемирной организации здравоохранения утверждают:

- **смертность от болезней среди курящих на 30—80 процентов выше, чем среди некурящих;**
- **вероятность фатального исхода возрастает с увеличением количества выкуриваемых сигарет;**
- **смертность от болезней выше среди людей, начавших курить в молодом возрасте.**

Понимая, что столь общие положения вряд ли окажут достаточное влияние на курильщиков, врачи уточняют, какие именно болезни имеются в виду:

- **рак** (всевозможные формы), 95 процентов больных — курящие;
- **стенокардия** у курильщиков встречается в 13 раз чаще;
- **инфаркт миокарда** поражает курильщиков в 12 раз чаще, чем некурящих, особенно в период, когда их возраст приближается к 40 годам; из молодых лиц, поступивших в больницу в возрасте до 35 лет с инфарктом миокарда, 80 процентов курили со школьной скамьи (данные английских врачей);
- **язва желудка** обнаруживается у курильщиков в 10 раз чаще;
- **облитерирующий эндартериит** (часто с ампутацией ног), им страдает каждый седьмой курильщик;
- **рак почек** бывает у курильщиков в пять раз чаще;
- **туберкулез легких** в 95 случаях из 100 встречается у курильщиков...

Список болезней можно продолжить, но вряд ли он повлияет на курильщиков, пока они чувствуют себя здоровыми. Для таких приведем еще одну закономерность. У выкуривающих более 20 сигарет в день вероятность заболевания раком выше в 10—15 раз, чем у некурящих. Впрочем, в докладе главного медицинского инспектора США отмечено и увеличение внезапной смертности среди мужчин, куривших от 10 и более сигарет в день.

Прочитает наш курильщик и обрадуется: «Вот и прекрасно! Вот мне и ограничение! С сегодняшнего дня курю по девять сигарет...» Есть и такая теория: если, мол, «по чуть-чуть», то не вредно. Не напоминает ли это уже знакомую нам теорию «культурной выпивки»? Все пили понемногу и «культурно», а потом в стране появились тысячи алкоголиков, хотя никто из них не начинал пить водку стаканами... Кстати, жесточайший удар по организму наносит курение вместе с алкоголем.

Согласно статистике, в Японии курит 70,1 процента мужчин, во Франции — 55,9, в США — 39 процентов... В США в 1977 году вследствие курения умерло 300 тысяч человек. У восьми миллионов некурящих аме-

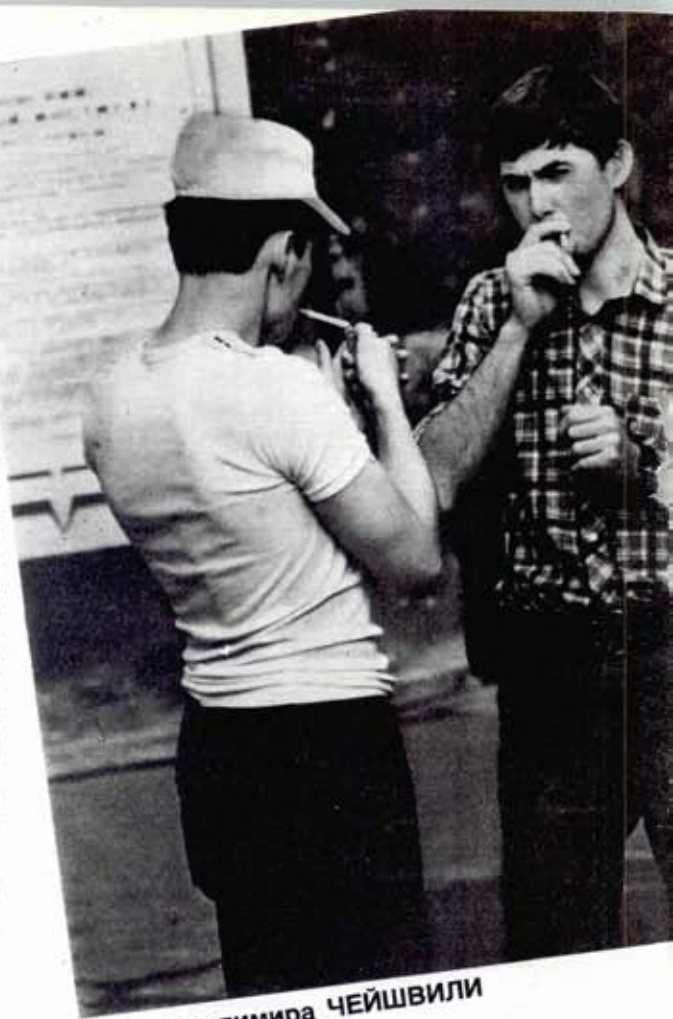

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

риканцев под воздействием табачного дыма появились симптомы заболеваний слизистых оболочек носа, бронхов и глаз.

В ФРГ число преждевременно умирающих курильщиков ежегодно достигает 50 тысяч. Никотин является непосредственной причиной 20 тысяч случаев вынужденной ампутации ног из-за длительного курения.

Наиболее убедительные факты (на них ссылаются большинство исследователей) получил американец Хэммонд. Обследовав 187 783 человека, он установил: на 100 тысяч человек (медицинская категория статистики) от рака из числа курящих менее одной пачки в день умирает 3,4, выкуривающих одну пачку — 57,6, свыше одной пачки — 157 человек.

Смерть одного некурящего на 46 смертей курильщиков!

И все же, несмотря ни на что, по данным Всемирной организации здравоохранения, в мире курит от 35 до 80 процентов взрослого населения.

Внутренне, убедительно, но... Не знаю, как других, но лично меня не слишком взволновали данные, опубликованные в одном из научных обзоров: «Ежегодно потребляется сигарет на одного человека: в Индии — 170, Сьерра-Леоне — 430, Пакистане — 760, Канаде — 3450...» Меня больше интересует ежегодное потребление сигарет в России, Эстонии, Армении, на Украине... Причем волнует не только количество сигарет, изготовленных и проданных у нас, но и число курящих людей в нашей стране.

Письмо третье — РАЗЪЯСНЯЮЩЕЕ

УСТАНОВЛЕНО: 85 процентов людей не представляют во всей полноте, насколько в действительности опасно курение.

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, для причисления того или иного вещества к наркотикам необходимо:

- а) чтобы оно вызывало состояние периодической или хронической интоксикации (отравления), опасное для индивида и общества, и периодическое импульсивное влечение к данному веществу;
- б) чтобы наблюдалась тенденция повышать дозу;
- в) чтобы возникла психическая, а иногда и физическая зависимость индивида от действия этого вещества.

По всему этому специалисты-медики давно уже утверждают: **пристрастие к курению табака соответствует понятию «наркомания»!**

Казалось бы, есть над чем задуматься. И все-таки, по данным той же Всемирной организации здравоохранения, число курильщиков увеличивается ежегодно на 3 процента.

От мировых «темпов» мы тут не отстаем. Для нашей страны 3 процента — это около 8 миллионов человек.

ДЕСЯТЬ ПИСЕМ О ТАБАКЕ

ШАДЫ ЖИЛТЬЯ?

Когда в помещении курят, в воздухе оказывается даже больше вредных для здоровья веществ, чем в том дыме, который вдыхают курильщики. Ученые приходят к выводу: «пассивное» курение представляет собой не меньшую опасность, чем само курение.

В ходе исследований, проведенных С. Тимофеевой и А. Прохоровым (НИИ профилактической кардиологии), в крови некурящих студентов и школьников найдены те же вещества, какие обнаружены в крови злостных курильщиков. Проблема не столь проста, как может показаться... Если подросток или студент не курит, но вынужден несколько лет жить в одной комнате с курящими, в патологических изменениях состояния организма можно не сомневаться.

УСТАНОВЛЕНО: если в помещении накурено, у некурящих снижается работоспособность, нарушается координация движений, уменьшается скорость принятия решений в стрессовых ситуациях. Курение в присутствии больных ишемической бо-

лезью сердца может спровоцировать у них приступ стенокардии.

Во имя чего должны страдать они? Обследование женщин, у которых мужья — заядлые курильщики, позволило заключить: риск развития рака легких у них в 2—3 раза выше, чем у женщин, чьи мужья не курят.

Во имя чего умирают они? Г. Миллером (США) доказано: жены курильщиков умирают на 4,1 года раньше среднестатистических сроков. Сейчас, правда, времена изменились и подобная опасность не в меньшей степени угрожает некурящим мужьям со стороны курящих жен.

Во имя чего самые близкие друг другу люди убивают друг друга?

«Когда работаю — курю особенно много». Кому не знакома эта расхожая фраза людей умственного труда? Да, никотин возбуждает центральную нервную систему. Это повышает артериальное давление и активизирует работу сердца. А в целом создает субъективное ощущение возросшей работоспособности, уменьшения усталости, обострения внимания. Такова первая реакция. Вторая — это спазм кровеносных сосудов курильщика, когда ухудшается кровоснабжение клеток мозга. Чтобы снова улучшить его, надо снова закуривать. Все это образует замкнутый круг: закурил — начал работать, потушил сигарету — ухудшилось кровоснабжение мозга, снизилась работоспособность, и рука сама тянется за новой сигаретой... Типичная схема воздействия наркотика.

УСТАНОВЛЕНО: курение, начатое в любом возрасте, отрицательно влияет на половую функцию мужчин. Никотиновая интоксикация в юном возрасте, когда формируется вся система, может стать одной из причин будущего бесплодия.

Подумайте! Пожалуйста, подумайте, курильщики! Слишком дорого обходится нам всем то, что для вас — до поры до времени — «приятная привычка».

Письмо четвертое — ТРЕВОЖНОЕ

Говорят, цифры текст не украшают. Но в нашем случае цифры не просто служат подкреплением мысли или информацией к размышлению, цифры кричат!

Распространенность курения среди школьников (обследовалось 3,5 тысячи человек в 20 городах страны) в 4-м классе — 0,3 процента. в 10-м классе — 45,6 процента мальчиков и 16,7 процента девочек.

Обследование одной из каунасских школ показало: в 5-м классе курят 8 процентов мальчиков и 0 процентов девочек, в 10-м классе — 59,1 процента мальчиков и 27,7 процента девочек.

В вышеупомянутом исследовании ЦНИИ санитарного просвещения названы города с повышенным уровнем распространенности курения среди школьников: Москва, Хабаровск, Липецк, Вильнюс — курят до 63,4 процента мальчиков и 16,7 процента девочек.

По данным НИИ профилактической кардиологии (1985 год), к моменту окончания школы в Москве курят 45 процентов мальчиков и 29 процентов девочек.

Если вспомнить, что в нашей стране свыше 44 миллионов школьников, поневоле задумаешься, чего

для них выпускается больше: учебников или сигарет?

Но у нас есть и ровесники школьников — учащиеся ПТУ. Согласно данным профессора Л. Антоновой, в профтехучилищах Москвы курят 68 процентов юношей и девушек.

Поднимаемся «этажом» выше — студенты. По данным Э. Малой (1979 год, обследовано 13 вузов), среди старшекурсников курильщики представлены следующим образом: мужчины — 90 процентов, женщины — 60.

Исследования последних лет показывают: основная масса курильщиков стали таковыми в возрасте до 20 лет. В 20—24 года курят 78,2 процента мужчин и 15,6 процента женщин.

Обследование, проведенное сотрудниками ЦНИИ профилактической кардиологии в одном из районов

Москвы, показало: среди взрослого населения курят 41,1 процента мужчин и 10,6 процента женщин. в возрастной группе 20—29 лет курит наибольшее число мужчин — 62 процента. Представим, что все они, сохранив эту привычку, будут курить и в 2000 году. Значит, у нас будет курить половина всего взрослого населения страны.

Мы планируем на перспективу значительное увеличение производительности труда. Следовательно, должны бороться с факторами, грозящими ее понизить. Мы ведь не можем представить, что принесет нам поколение курящих. Курили их еще не старые дедушки и бабушки, курят папы и мамы, всюю курят дети. Курят, передавая из поколения в поколение не только цвет волос и форму носа, но и внутреннее состояние и осложнения, о которых мы даже не подозреваем...

Раньше курили папиросы, которые только на треть заполнялись табаком. Сейчас бумажный мушкетер изъят, а табака добавили на две трети, и даже в сигарете с фильтром его больше, нежели в одной папиросе. Если довоенный курильщик выкуривал пачку папирос, сегодня его внук в день выкуривает как бы две пачки. И 378 миллиардов сигарет, выпускаемых у нас ежегодно, — это уже около триллиона папирос. И все это надо выкурить! И выкурят: как известно, в отличие от хлеба сигареты у нас в мусорный ящик не выбрасывают...

Упомянув об отечественных «достижениях», не забудем и о миллионах пачек в иностранной, весьма привлекательной упаковке. Только зачем они нам? Неужто своей отравы мало?!

А Минздрав все запрашивает новые ассигнования на строительство новых больниц. Но возраст умерших от болезней, связанных с курением, все равно снижается.

Что делать? Запретить? Изъять табак из продажи? Или снабдить сигаретные пачки специальными устрашающими надписями? Например: «Спасибо, дорогие родители, за мою смерть!» Кого такая надпись остановит? От одной сигареты никто не умер, а данные, что выкуривая сигарету отнимает 5,5 минуты жизни, мало кого останавливают. Тем более молодежь, школьников.

Я окончил школу в 1950 году. Время было послевоенное, но и тогда сверстник-курильщик воспринимался как отъявленный хулиган. Те времена давно прошли... Сейчас только и слышишь: «Пусть лучше я ему куплю, чем он будет окурки собирать». Не будем далеко ходить за примером. Вспомним фразу, сказанную матерью и женой: «Пусть лучше я ему сама бутылку дома поставлю, чем он будет в подворотне на троих соображать». Чем все это кончилось, нам уже известно.

«Пока гром не грянет, мужик не перекрестится» — это наши предки придумали, а мы и сегодня без устали доказываем, до чего ж они были правы. Только ведь не случайный гром гремит над нашими головами — ураган пронесся над всем человечеством. И многие на земном шаре уже спохватились. Да и мы — правда, робко, шепотом, — но уже называем курение антисоциальной привычкой. Называть-то называем, а что делаем, чтобы ее искоренить?

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ.

УСЛОВИЯ ИГРЫ

футбольный
Выпуск 15-й КЛУБ
«Надежда»

Сергей МИКУЛИК

Занятия были в разгаре, тренер, поставив ногу на мяч, объяснял очередное упражнение. Два десятка мальчишек стояли полукругом и внимательно слушали Александра Дмитриевича Пронина. Тут кто-то задал тренеру вопрос. И пока он отвечал, один из подростков, оказавшихся за спиной наставника, вдруг высоко подкинул лежавший поблизости мяч, ловко поймал его на грудь, опустил на ногу, секунду-другую задержал на носке, снова подбросил в воздух и снова поймал... Пронин скосил на него строгий взгляд, но не выдержал, улыбнулся, спрятав улыбку в густых усах.

В ленинградской специализированной детско-юношеской спортивной школе олимпийского резерва по футболу «Смена» два манежа размером 30 × 50 метров, просторный зал для общефизической подготовки, учебные

высоте. А как же те вольности на тренировках, о которых говорится в начале заметки?

— Организация не значит заорганизованность,— убежден Пронин, чья группа 1973 года рождения считается одной из самых перспективных в школе. — Пожалуй, у меня собраны сейчас самые талантливые 13-летние футболисты в городе. Так вот, моя задача — помочь им раскрыться. Как? Твержу им, что не боги горшки обжигают: «звезды» — обычные люди, только спали они в детстве с мячом под подушкой. Конкуренция за место в основном составе создавалась — отлично, пусть с детства привыкают ребята бороться, это умение им пригодится, и не только в футболе. А вольности мальчишеские лишь в самых крайних случаях пресекаю — когда это команде во вред, и самому мальчугану не на пользу.

Какие оценочные критерии применимы к работе детского тренера? С него ведь тоже требуют очки и медали. Да и в большой спорт попадает в лучшем случае один из сотни воспи-

ребит, не прошедших первый конкурсный отбор. Конкуре у нас, между прочим, 15 человек на место. Три первых года школьники обучаются по обычной программе плюс футбол. Потом образуем спецклассы. Футбольные. С ограниченным, естественно, количеством учеников. Вот и приходится расставаться с ребятами, получившими, так сказать, начальное футбольное образование. Делать это всегда тяжело и неприятно. Впрочем, расставание со «Сменой» вовсе не означает для них прощание с футболом. К тому же в десять лет не поздно заняться любым другим видом спорта, имея хорошую общую физическую подготовку.

15-летний Олег Саленко в свое время уверенно преодолел первый конкурсный барьер.

— Сначала прошел неплохую школу дворового футбола, и только потом решил подключиться к организованному. В семь лет верил, что с футболом у меня всерьез и надолго. Считаю такой путь возможным для каждого мальчишки. Жаль только, что сейчас

батики Елена Биспен — единственная в стране женщина, работающая тренером футбольной школы да еще владеющая уникальными методами тренировки — акробатическими. Вблизи от входа в зал, где занимается Елена Ростиславовна, висит стенд с изображением футболиста, наносящего удар по воротам через себя в падении — ребята всегда задерживаются перед ним в преддверии урока. Биспен дает им эти уроки. Тренер учит легкости, маневру, умению в совершенстве владеть своим телом.

Помню, как на предыгровой установке тренер «Смены» Андрей Григорьевич Дятлов требовал игры и только игры, ни словом не обмолвившись о желаемом результате, хотя матч был кубковый и лишь победа гарантировала выход в финал. И ребята поняли: победа придет, если не изменят они своему стилю.

«Свою» игру они тогда обрели не сразу, непривычным было чужое поле, но все-таки переломили матч в свою пользу. Дятлов такому успеху не слишком обрадовался и без конца тасовал состав (в детском футболе разрешены обратные замены — мудрое правило). Лишь в середине второго тайма ребята заиграли так, как он их учил — быстро, размашисто, результативно и красиво.

Обычно тренер сам набирает свою группу. С «дятловцами» же произошло иначе. Их «родной» тренер сразу после набора надолго заболел, и ребята почти год кочевали от одного наставника к другому. Когда Андрей Григорьевич принял группу, мальчишки уже успели отстать от футбольной программы. Но Дятлов не пал духом, в считанные месяцы он вывел группу в лидеры. Благодаря собственной настойчивости, труду, таланту и полному единению со своими подопечными.

Футбольные спецклассы — с 4-го по 10-й — созданы на базе 473-й школы. В дятловском восьмом «А» классный руководитель — Людмила Ивановна Паула, болельщица «Зенита»:

— Спецклассы, несомненно, оправдывают себя. Спорт учит ребят дорожить временем. Они сосредоточены на уроках, дисциплинированы, активны. В старших классах и речи нет о курении. Поскольку все у ребят общее — и учеба, и игра, — классы очень дружны.

Кроме детской команды, на попечении каждого тренера «Смены» еще одна — родительская. В воскресенье — день игры — трибуны полны с утра. Причем мам на них оказывается не меньше, чем пап. Посмотрев на «своих», они обязательно поболуют за старшеклассников, потом за юниоров...

На лето «Смена» выезжает в пионерский лагерь в Павловск. Там по вечерам после всех тренировок ребята сходятся на поляне и такое с мячом вытворяют!.. Тренеры эту поляну стороной обходят, чтобы не спугнуть юных виртуозов.

Конечно, и у «Смены» есть проблемы. Первая — единая спортивная форма. 700 ребят одеть непросто. Но этого требует престиж школы, единственной в своем роде. Правда, кое-кому из воспитанников школы удается надеть со временем форму команды мастеров. Только в составе «Зенита», чемпиона страны 1984 года, играло 9 (!) воспитанников «Смены».

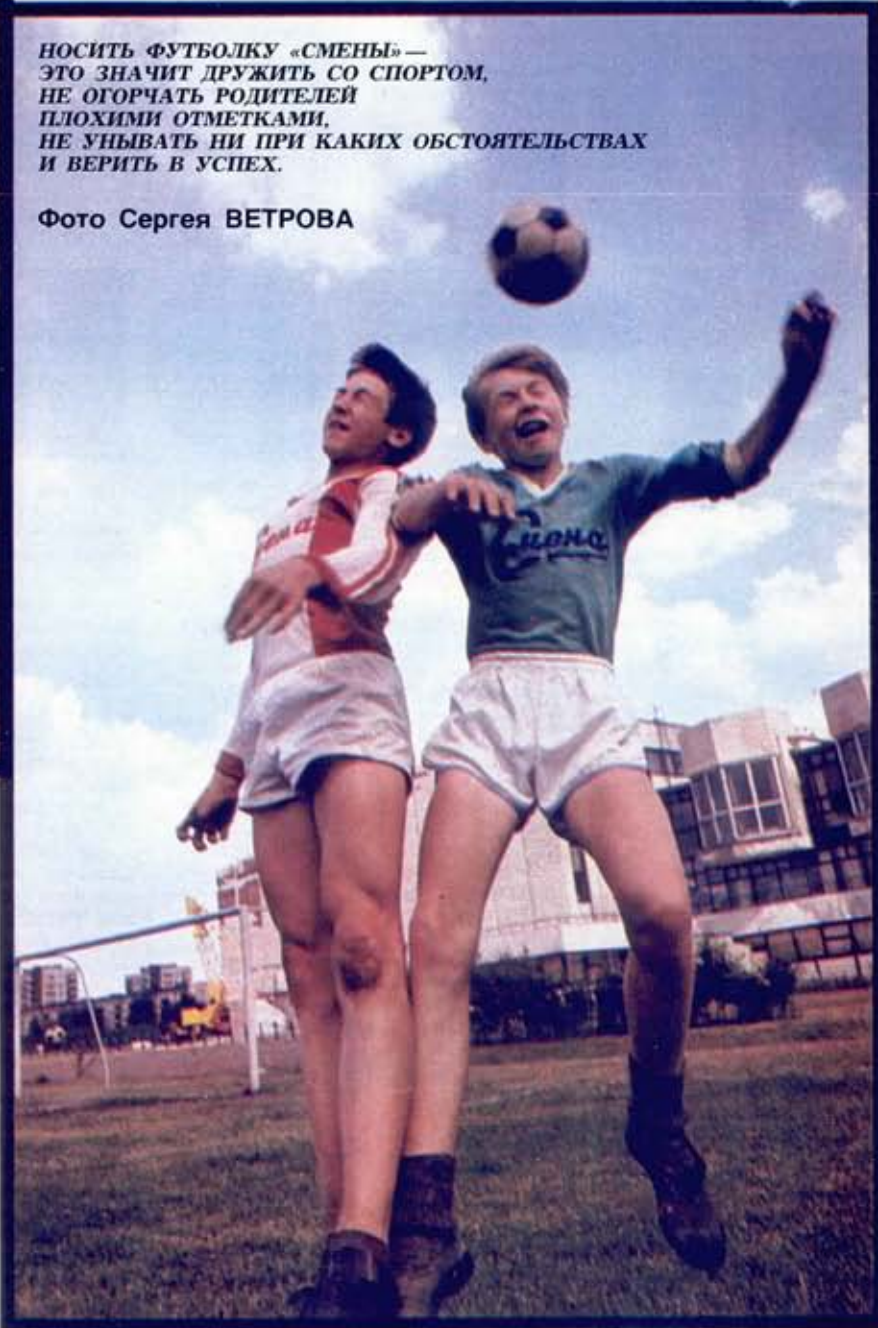
В кабинете Бесова бережно хранятся призы, медали и дипломы, завоеванные школой в жарких футбольных баталиях. Ветеран «музея» — выцветшая грамота за победу в кубке города, датированная 1957 годом. — Первая. Самая дорогая. С нее все началось.

Впрочем, ради ли свидетельств о футбольной доблести трудится «Смена»? Вряд ли. Есть итоги куда более важные — тысячи подростков, получивших в стенах школы нравственную закалку, научившихся стойкости, воле, дружбе.

НОСИТЬ ФУТБОЛКУ «СМЕНИ» — ЭТО ЗНАЧИТ ДРУЖИТЬ СО СПОРТОМ, НЕ ОГОРЧАТЬ РОДИТЕЛЕЙ ПЛОХИМИ ОТМЕТКАМИ, НЕ УНЫВАТЬ НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ И ВЕРИТЬ В УСПЕХ.

Фото Сергея ВЕТРОВА

кабинеты, кинозал, и все это под крышей. На улице — два футбольных поля, одно с трибунами. Весь этот чудесный комплекс отдан в распоряжение ленинградских мальчишек, влюбленных в футбол.

Футбольная школа «Смена» — предмет гордости ленинградских тренеров и спорторганизаторов. Как появился этот Дворец кожаного мяча на улице Верности?

— Начинать пришлось практически с нуля,— рассказывает директор «Смены» Дмитрий Николаевич Бесов, отдавший педагогической работе почти три десятка лет. — Мы долгие годы арендовали тесное помещение, пока не стало очевидным, что отделение футбола переросло районные рамки. Но школа без базы — все равно что бомбардир без мяча. Обратились в партийные, советские, комсомольские организации города. Постепенно дело сдвинулось с места. Пока комплекс обрел свой нынешний вид, всяко приходилось: и ругаться, и требовать, и поклоны бить. Но мы ни на секунду не забывали, для кого стараемся...

Тем, кому приходилось бывать в помещении, где одновременно занимаются более сотни детей, знают, что это такое. В «Смене» же тихо, и разве что удары по мячу слышны да негромкие тренерские реплики. Игровая, тренировочная дисциплина сменовцев на

танников. А не важнее ли, чтобы из стен школы выходили молодые люди, твердо знающие, чего они хотят добиться в жизни, и чтобы спорт стал верным их помощником в этом? Какой самый трудный момент в тренерской деятельности?

— Отчисление,— говорит завуч школы Сергей Петрович Корнилов. — Мы составляем сейчас 12 (!) групп начальной подготовки из числа

островков «дикого» футбола в городе остается все меньше.

«Смена» помогла Олегу осуществить мечту — пройти путь от игрока дворовой команды до лидера юношеской сборной страны.

В школе занятия носят комплексный характер: ребята близко знакомятся с легкой атлетикой, ходят в бассейн, занимаются акробатикой. Мастер спорта по гимнастике и акро-

В

те периоды общественной жизни, когда критическое начало, анализирующее жизнь, оценивающее ее, пересматривающее устои, становится принципом мышления, как быть критиком? Не долг ли ее и не прямая ли обязанность, не пренебрегая узкопрофессиональными интересами, взять инициативу на себя — инициативу прямого, открытого разговора о жизни и искусстве? Может быть, о жизни больше, чем об искусстве. И отнюдь не забывая о страсти, темпераменте и умении сопоставить жизнь и искусство без оговорок, экивоков, подмигиваний читателю. А пока иную статью можно написать, не выходя из библиотеки. Это и немудрено — за последние годы литературно-художественная критика стала «обслуживающим персоналом» искусства, в особенности искусства театрального.

Надо сказать, что положение театрального критика еще более трудно, чем критика литературного. Ведь его социальный авторитет несопоставим с удельным весом того, о ком он пишет. Средства массовой информации сделали актера театра «кино» или «телезвездой», в то время как «король репортеров» среди театральных критиков нет. Обязанность «воздействовать на искусство» приходит часто в противоречие с его возможностями. Сравни-

ства, в частности искусства театрального, не должна вызывать негодования в театральной среде. Если критика хочет и впрямь воздействовать на искусство, то без ощущения тесной связи с живой жизнью, протекающей за стенами театров, библиотек, редакционных кабинетов, научных учреждений, ни о каком воздействии и речи идти не может. И если мы хотим, чтобы в театральной среде тон задавали не театральные бобчинские, не дамы просто неприятные и дамы неприятные во всех отношениях, разносчики театральных сплетен и создатели фиктивных репутаций, нужны критики-публицисты.

Летом минувшего года я встретил знакомого лесника. Когда-то, встречая его в лесу в форме и при оружии, я добрый час толковал с ним. Тема была одна: собаки. Он знал всех собак в округе, их клички и повадки и не без юмора и словесной меткости делился наблюдениями. С каждой новой встречей он все чаще стал жаловаться на здоровье. Причину угадать было нетрудно — в любое время дня от него на весь лес разлило перегаром. Теперь он был без формы, по-прежнему жаловался на боли, еще сильнее на то, что его уволили с работы. Страшнее всего были глаза. Потухшие, остановившиеся, бессмысленные, в которых мелькали искорки, лишь когда зашла речь о прежней собаке. Не таким ли написал Буслая А. Дударев в пьесе «По-

фликти, спору быть не может, но зритель нуждается в витамине — «спектакль о молодежи» и готов получать его, даже когда срок годности лекарства явно истек. А давайте совершим экскурсию по театральной Москве и посмотрим, где мы встретим молодого героя.

Московский драматический театр на Малой Бронной. И. Дворецкий «Человек со стороны». Пьеса, отражающая ситуацию конца 60-х годов. Ее главному герою в жизни сегодня лет пятьдесят, и он, наверное, занимает должность заместителя министра или министра.

Театр имени Станиславского. А. Вампилов «Прощание в июне». Пьеса написана в начале шестидесятых годов. Сегодня ее герою под пятьдесят, он, наверное, сменил своего тестя на посту ректора.

МХАТ. А. Гельман «Заседание парткома». Пьеса отражает ситуацию середины семидесятых годов, бригадир Потапову сейчас под шестьдесят, он, наверное, стал партгором завода, его напарнику Жарикову — единственному молодому герою пьесы — сейчас под сорок, он стал бригадиром. Кто пришел ему на смену в жизни и в театре?

Театр имени Маяковского. В. Арро «Смотрите, кто пришел». Ситуация порождена действительно рубежа 80-х годов. Одному из персонажей, Льву Шабельникову, сейчас лет пятьдесят, и он уже не собирается писать диссертацию, а парикмахеру Кингу, его деловым партнерам, бармену и банщику лет по сорок, дачи они уже купили, торговые 70-е годы и тяга к красному дереву помогли им в этом.

Кстати, о даче.

Стоит появиться новому драматургу, и мы ищем литературные, а не жизненные истоки его творчества. Вампилов — от Чехова или Гоголя, а те, кто позже, — поствампиловские. Появляется В. Арро, и его родословная ведется от «Вишневого сада», а не от повседневных наблюдений.

ЖИЗНЬ ПО ОВЫЕ С

Борис ЛЮБИМОВ

те известность среднего актера, несколько раз снявшегося в кино, с «неизвестностью» самого уважаемого театрального критика. Любые нарекания, высказанные в адрес маститого режиссера, далеко не всегда бывают поддержаны коллективом, который за ним стоит. Так зачем создавать конфликтную ситуацию, когда овчинка явно не стоит выделки? Вот критика и сдавала год за годом позиции даже по отношению к создателям искусства. Еще «мягче» были суждения о жизни. Вернее, о ней мы просто старались забывать — «доходной оно и прелестней».

Вот и получалось, что попытка искренне высказать свое убеждение, что наш театр сейчас движется по инерции, что театральной среде засорена эгоизмом, тщеславием, что распадается бывшие коллективы — «Современник», Московский драматический театр на Малой Бронной, что театральный молодежь — актеры, режиссеры, драматурги, критики — зачастую не находят поддержки, выходит на авансцену тогда, когда перестает быть молодежью, что организационные и творческие принципы многих руководителей театров безнадежно устарели и морально сомнительны, вызвала достаточно агрессивную реакцию деятелей театра (вплоть до жалоб в руководящие инстанции) да и глухое раздражение коллег. И тех, и других понять можно, ведь слишком часто в последнее время старались скрыть, замолчать куда более тяжкие грехи, чем неудачный спектакль в прошлом хорошего режиссера.

А эта телефонная критика! Сколько блистательных рецензий, ярких памфлетов, острых фельетонов произнесено по телефону, и как же часто они отличались от того, что можно прочитать в газете и журнале. Так рождается профессиональный цинизм. Один из умнейших современных театральных критиков, узнав, что я иду на очередную премьеру, сказал: «Только не читай мою рецензию, я там все наоборот написал». Я-то не прочитал, а как быть тем, кто прочитал? Ведь всех читателей не предупредишь... Впрочем, не потому ли так мало читателей у театральных критиков?

Сейчас положение меняется. Если на XXVII съезде КПСС четко говорилось о том, что в нашей жизни 70-х — начала 80-х годов наряду с хорошим было и плохое, значит, и подобная оценка искус-

ств? И сколько же литров «бормотухи» нужно было выкачать из местных ларьков, где спиртное до лета 1985 года было основой выполнения государственного плана да еще и личного обогащения продавцов, поскольку продавалось оно чуть ли не круглосуточно!

«Кончилось то время, когда за водку можно было достать все!» — торжественно воскликнул недавно кто-то из местных активистов. Я бы сказал осторожнее. Социальная психология достаточно устойчива, она не меняется за несколько месяцев.

Недавно опубликованная повесть И. Васильева «Депутатский запрос», посвященная столкновению разных типов руководства, заканчивается знаменательной фразой: «Стремутка не сумеет управлять по-новому, Глыбин не хочет жить по-старому». Основной конфликт времени сформулирован предельно четко — сколько еще стремутки прочно сидят на своих достаточно ответственных местах, сколько еще «какбычегоневышлистов» из недавнего стихотворения Е. Евтушенко всеми отработанными демагогическими приемами будут стараться сводить к нулю любое начинание.

Отрадно, что лучшие спектакли последнего времени, такие, как «Серебряная свадьба» во МХАТе, «Говори» в Театре имени Ермоловой, «Статья» в ЦАТСа, «Диктатура совести» в Московском театре имени Ленинского комсомола, движимы стремлением трезво и откровенно смотреть правде в глаза, и без них куда как беднее была бы наша сцена. Ведь спектакли, всерьез говорящие о современности, идут десятилетиями, а парадные восторги, звучащие со сцены, умирают мгновенно. И не потому ли из спектаклей, поставленных к XXVI съезду КПСС московскими театрами, больше половины не дожило до XXVII съезда!

Вообще еще недавно многие театры предпочитали о современности впрямую не говорить. В особенности трудно обстоит дело с пьесами о молодежи и подростках. При всех несомненных достоинствах пьесы М. Роцина «Валентин и Валентина» все же потому она пятнадцатый год идет во МХАТе и, верно, доживет до тысячного спектакля, что заполняет собой чувствительную пустоту — отсутствие пьес о молодежи, о студенчестве, о молодых рабочих, о подростках. То, что за пятнадцать лет изменились быт, язык, поведение, сместились кон-

Все мы, критики, мастера «задорного цеха», время от времени переходящие в цех «задиристый», любим устанавливать писательскую родословную драматурга от недостатка жизненных впечатлений или из опасения поделиться ими. Куда проще по дороге домой из театра, из библиотеки, после очередного заседания сочинить очередное генеалогическое древо драматурга, чем указать на прямую связь его пьес с современной жизнью.

И если улучшение быта становится одной из политических задач времени, то изображение его, а значит, и знание не может быть вне профессиональных обязанностей не только драматурга, но и критика-публициста.

Перестройка сознания неминуемо должна скажаться на отношении к так называемой бытовой драме. Изображение в пьесе быта, а тем самым и бытовых неурядиц зачастую квалифицируется критикой как уход драматурга от социальных проблем. Отсюда невольно вытекает абсурдная мысль, что быт внесоциален. Словом, если драматург напишет пьесу о заводе, выпускающем автобусы, то он молодец, а если ему взбредет в голову зарисовать поведение людей в автобусе, его пьеса попадет в разряд сомнительных.

Я позволю себе описать эпизод, который сам наблюдал 14 августа 1985 года на станции Перхушково Белорусской железной дороги. Начну с того, что я сел в запоздалую электричку. Кому приходилось ездить в опоздавших электричках, тому и строчки Б. Пастернака про «горячую духоту вагона» покажутся лакировкой действительности. Но вот я на станции, до отхода автобуса всего двадцать минут. А тут еще через несколько минут подъезжает другая электричка, и появляется мой друг Гена. Совсем хорошо: с добрым знакомым скоротать двадцать минут — одно удовольствие. Но Гена меня насторожил. Оказывается, вчера в это время отменили три рейса, и люди, просидев час на августовском солнышке, штурмом брали автобус, — мол, не случится ли и сегодня такое. А Гена каждое утро встает в 5.30, чтобы успеть на первый рейс. Я думаю, любой читатель согласится, что тут и пятнадцать минут дороги после рабочего дня покажутся долгими. А кроме того, у Гены с собой был кефир, который он вез годовалой дочери Маринке. Опасения Гены подтвердились, одна за другой подъезжа-

ли электрички, один за другим отменялись рейсы автобуса, вместе с асфальтом накалялась атмосфера, тем более, что в десятке метров стоял автобус №30, а в нем сидел шофер. Шофер сидел, автобус стоял, а не ехал. И когда невнятный ропот пассажиров перешел в мощный хор протеста, в котором начали выделяться и истеричные нотки, шофер вдруг лихо подъехал к остановке и открыл двери автобуса. Как мы попали в автобус, сколько ссадин, отлетевших пуговиц, сколько душевных царапин и шрамов на нервной системе ежедневно получают люди, едущие с работы или на работу,— этого не опишешь. И если люди приезжают на работу раздраженные, опоздавшие, мятые, взъерошенные, то это, во-первых, не всегда только их вина, а во-вторых, далеко не личная, а острая социальная проблема.

И думал о том, что пьесу болгарского драматурга С. Стратиева «Автобус» в свое время недооценил. И вспоминал, как восхищала меня точность транспорта в пригородах Берлина. А почему у нас нельзя? Ведь все Маринки нашей страны имеют право на то, чтобы их папы приходили к ним радостными и спокойными, а не усталыми и измученными, тем более, что им предстоит еще не одно испытание. Их ждут переговоры с каким-нибудь Иванычем или Петровичем по поводу починки забора или крыши. И не в том беда, что Иваныч заломит цену несусветную, а в том, что его «команда» — «архаровцы», как прозвал эту новую породу людей В. Распутин в повести «Пожар». «Архаровец» сделает забор из уворованных государственных средств, да еще сделает скверно, так что через год придется звать Петровича «со товарищи», а те и вовсе напакосят да еще прихватят с собой что плохо лежит или висит.

А спустя неделю, 21 августа 1985 года, я съездил

некомсомольский, послепризывной. Хочется верить, что некоторые из них завели семью, может быть, у кого-нибудь появился ребенок. Но сочувственно-понимающего драматургического воспроизведения мира пятнадцати-восемнадцатилетних что-то давно не приходилось встречать. А этот мир едва ли не сложнее, чем мир сложившихся взрослых, он меняется очень быстро, и мы не успеваем за ним, отделяясь вечным «ну и молодежь пошла». По роду своих педагогических занятий каждые четыре года встречаюсь с новым курсом, я всякий раз оказываюсь поначалу (а иногда и до конца обучения) сбитым с толку, каждый раз приходится искать новые пути к очередному курсу, и, увы, иной раз так и не находишь. Самое простое и успокаивающее объяснение в таких случаях — плохой курс. Мол, ты-то прав, а они виноваты. Что ж, конечно, курс на курс и даже поколение на поколение не приходится. А все же когда встречаешься со стеной отчуждения, возникающей между преподавателем и курсом, чаще всего вину надо делить пополам, значит, что-то не сумели преодолеть в себе, что-то не разглядели друг в друге, а не в этом ли, в сущности, и состоит одна из сверхзадач жизни, если, конечно, видеть в жизни какие-то цели? Несложившиеся отношения на работе, разрушение семьи — и то, и другое чаще всего происходит в результате самоуверждения за счет близких. И на фоне распада тем ценнее и дороже прочные устои, традиции, возникающие в новом поколении. Одна из самых больших радостей минувшего лета — у шестерых недавних студентов родились дети, причем в одном случае это был второй ребенок, а в другом — родился третий ребенок! Может быть, через несколько лет афоризм из недавнего рассказа В. Астафьева «современно одетые, современно ододетые» стает анахронизмом? И кто знает, быть может, ближайшие годы дадут раскрыться этому

От Станиславского и Немировича-Данченко до Товстоногова и Ефремова, до Захарова и Стурова все крупнейшие отечественные режиссеры в сорок — сорок с небольшим становились мастерами первостепенными, а мы сейчас с радостью говорим о начинающих сорокалетних, восхищаемся их дебютами. С. Образцов в тридцать лет создал тот театр кукол, которым руководит более пятидесяти лет.

Выдающиеся научные открытия, как правило, совершались до сорока лет. Семенов и Колмогоров, Капица и Ландау были в эти годы академиками. Крупнейшая величина в области гуманитарных наук академик Лихачев в сорок пять лет возглавил сектор древнерусской литературы, был членом-корреспондентом АН СССР, лауреатом Государственной премии. Это факты, это реальность, это жизнь. Ей надо смотреть в глаза. И если сегодня мое поколение не может похвастаться ни такими писателями, ни такими режиссерами, ни такими учеными, ни такими государственными деятелями, то давайте, во-первых, честно признаемся в этом, а во-вторых, подумаем, что можно сделать, чтобы не было ситуации неподготовленной смены, чтобы помочь раскрыться тридцатилетним.

В романе Н. Думбадзе «Закон вечности» герой произносит такие слова: «К руководству начинают приходить люди моего поколения». Если вспомнить год рождения самого Думбадзе (1928) и сопоставить эту дату с датами рождения руководителей партии и государства, то можно подвигаться почти математически точной проницательности писателя. Не пытайтесь соревноваться с Н. Думбадзе в прозорливости, считаю возможным сказать, что теперь начинают приходить к руководству люди поколения, родившегося после войны.

Вот почему острота ситуации спектакля Театра имени Ленинского комсомола «Проводим эксперимент», поставленного весной 1984 года, оказалась за полтора года «снятой» теми изменениями, которые произошли за это время в реальной жизни. Эксперимент заключался в том, что главному герою, родившемуся в 1951-м, и его сверстникам на месяц (!) дали возможность руководить заводом. А что же здесь экспериментального? В ноябре 1985 года из краткой биографии одного из руководителей наше-

ТОРОПЫ РАМШЫ

километров за семь в деревню Уборы. Дивное по красоте место само по себе, оно еще украшено церковью конца XVII века. Редкий памятник, «нарышкинское» барокко, проезжающим по Рублево-Успенскому шоссе она хорошо видна и радует глаз. Едва ли не десять лет она реставрировалась, три года назад реставрация закончена, и если подъехать к ней, то можно узнать, что строил ее крепостной Яков Бухвостов, что она охраняется государством... Но как охраняется? Весь низ этой церкви давно распisan всеми кому не лень и кому не стыдно оставить после себя такую память. 21 августа появилась еще одна надпись: «Света, Алена (и ряд девичьих имен). Дружба навеки» (орфография Светы и Алены). А на следующий день я прочитал в газете «Советская культура» от 22 августа 1985 года статью о том, как грабили церкви, жгли редчайшие иконы. Нет, в церкви Спаса в Уборах грабить нечего, три года назад меня пустили внутрь — все пусто и голо. Но если памятником иконописи она уже не является, то ведь как явление архитектуры она и впрямь уникальна. Крепостной Яков Бухвостов не писал слов про вечность, может быть, он и вообще не умел писать, но построил если не на века, то, во всяком случае, на три века. Может быть, можно защитить его память от тех юных «умелиц», что не знают, ни как пишется слово «навеки», ни что это такое? Я почему-то и в их дружбу не верю. Ехал обратно и все пьесу «Вагончик» Н. Павловой вспоминал, где вчерашние подружки устраивают дику драку. А кстаа. Нет ли какой-то странности в том, что наиболее интересные пьесы последнего времени (крайне немногочисленные) посвящены трудновоспитуемым подросткам, находящимся на грани преступления или даже эту грань преступающим? Это не в упрек Н. Павловой, А. Аграновскому, Ю. Щекочихину, пришедшим в драматургию из журналистики, принесшим в театр свой опыт и дыхание жизни. Это скорее вопрос к профессиональным драматургам. Как живут те подростки, которые преступниками не становятся, идут на завод, на стройку, поступают в институт? Что они делают? Играют в «Жестокие игры»?

Театр имени Ленинского комсомола. А. Арбузов «Жестокие игры». Ситуация середины семидесятых годов. Сегодня персонажам около тридцати, возраст

пока еще «молчаливому» поколению двадцати-двадцатипятилетних, у которых законы нравственности, ума и воли достаточно прочны, и тогда уйдут в прошлое и другие проблемы, представшие ныне перед судом общественной совести?

...А знаете, в каких спектаклях недавнего времени можно увидеть молодых героев? В спектаклях о войне. Это они, «навеки девятнадцатилетние», кондратьевский «Сашка», дударевские «Рядовые», Алеша из киносценария Г. Чухрая... Не потому ли ушли с современной сцены молодые герои, что они не очень-то получали возможность обнаружить себя в жизни? Не случайно два спектакля Театра имени Ленинского комсомола — «Чинарский манифест» и «Проводим эксперимент», — посвященные проблеме молодого руководителя, откровенно ироничны и «экспериментальны». Откройте номера журналов последних лет, указывающие даты рождения своих авторов, и вы увидите, что даже сорокалетних можно перечесать по пальцам, тридцатилетних — единицы, а двадцатилетних я просто не встречал.

Присуждение в 1985 году Государственной премии СССР тридцатипятилетнему драматургу А. Дудареву — событие, которого не было столько лет, сколько прожил А. Дударев. Но вспомним, что в его годы у К. Симонова было шесть Государственных премий. Назовите мне тридцатилетнего поэта — лидера своего поколения (хотя одаренных достаточно много). А «Василия Теркина» знала вся страна, знала и за ее пределами.

А вот история советской драматургии. К тридцати пяти годам Булгаков написал «Дни Турбиных», Лавренев — «Разлом», Маяковский — «Клоп», Вс. Иванов — «Бронепоезд 14-69», Погодин — все свои производственные пьесы, Корнейчук — «Гибель эскадры» и «Платон Кречет», Арбузов — «Таня» и «Город на заре», Вампилов — все свои пьесы...

го государства можно было узнать, что он в 33 года стал главным инженером крупнейшего машиностроительного завода. И думаю, что это отнюдь не единственный пример.

И последнее. «Кибернетическое» мышление последних десятилетий слишком часто социальную драму сводит к драме управления. Борьба хорошего и плохого, нового и старого сводится к борьбе одного руководителя с другим. В кабинете крайкома (пьеса «Равняется четырем Франциям») идет горячий спор о том, как надо руководить людьми, но тем, кем надо руководить, на сцене не появляются. Пьеса «Заседание парткома». Но в реальной жизни было два заседания! Кроме парткома, собиралась еще и бригада рабочих, которая обсуждала ту же проблему. Их бы послушать!

Вы заметили, что чем реже мы можем повидаться и поговорить с иным руководителем в жизни, тем чаще мы его видим на экране и на сцене? В жизни мы имеем дело с продавцом, а не с директором магазина, с учителем, который учит наших детей, а не с директором школы, с лечащим врачом, а не с главврачом, с рабочими, делающими ремонт нашего дома, а не с прорабом, с таксистом, а не с директором автобазы, с рядовым преподавателем, а не с ректором. А на сцене сплошь руководящие должности, конфликтующие между собой, без опоры на подчиненных. И когда мы часто говорим о необходимости появления руководителя нового типа, мне кажется, надо добавлять: «и подчиненных нового типа» — и в жизни, и в искусстве.

В лучшие периоды истории отечественной критики она всегда шла не за искусством, а вместе с ним, не в стороне от жизни, а в самой ее гуще, сполна возвращая в жизнь и в искусство то, что от них получила. Этой обратной связью критика и сильна, в ней смысл и оправдание ее существования.

НАЧИНАЕТ

Началось с того, что молодые художники-модельеры, работающие в Специальном художественно-конструкторском бюро Минлегпрома РСФСР, решили установить прямую связь с потенциальными покупателями, выяснить, какой одежде те отдают предпочтение и почему. Ведь что греха таить, в магазинах до сих пор часто продаются вещи, так сказать, «универсальные», например, куртки, сшитые, независимо от возраста и пола тех, кому их предстоит носить. Именно такая псевдоуниверсальность оставляет за бортом запросы молодых. Клуб «Диалог», организованный модельерами СХКБ, и должен информировать художников, а также тех, кто одежду шьет и продает, о колебаниях потребительского спроса и, конечно же, формировать вкусы молодых покупателей.

Кто участвует в работе «Диалога»? Студенты, молодые рабочие московских предприятий, представители торговли и, разумеется, модельеры. Хозяева, то есть художники СХКБ, показывают гостям одежду, изготовленную на своей экспериментальной швейной фабрике «Березка». Желающим предлагается скомпоновать из нее костюм.

...В ответ на приглашение ведущего на подиум поднимаются две девушки-студентки. Пока присутствующие обсуждают направления моды недалекого будущего, девушки подбирают себе одежду по вкусу.

— Почему вы отдали предпочтение рисунку в клетку? — спрашивает ведущий, когда одна выбрала костюм, другая — платье.

— Нам кажется, такой рисунок останется в моде. И потом ткань очень мягкая, уютная...

Хочу подчеркнуть, что вопросы задавались не праздные, и между гостями и хозяевами шел настоящий диалог, из него становилось ясно, какой рисунок, силуэт, какие детали оформления, цвет, ткань предпочитают молодые. Кстати, обе девушки выбрали одежду из ткани «Подмосковье», выпускаемой одноименным объединением. Ведущие художники СХКБ часто обращаются к его продукции, вот и последняя коллекция наполовину создана из нее.

...Проводится в «Диалоге» и аукцион, который выявляет наиболее и наименее популярную одежду. Платье, которое, вероятно, никто не купит, оказалось всего одно — довольно блеклое, с серой, невзрачной отделкой. Но чтобы вообще не появлялись такие никому не нужные изделия, чтобы модельеры ясно представляли, что нравится и что не нравится покупателям, чего с нетерпением ждут они от промышленности, для этого нужен диалог.

Без понимания основных закономерностей молодежной моды трудно понять ее капризный характер. «Диалог» поможет в этом многим молодым.

**НОВЫЕ МОДЕЛИ
ВЫНОСЯТСЯ
НА СУД ЗРИТЕЛЕЙ —
УЧАСТНИКОВ «ДИАЛОГА».**

Марина КРАЙНЯЯ

Фото
Евгения СТЕЦКО

«ДИАЛОГ»

Артур ГАСПАРЯН,
слушатель
Высшей комсомольской школы

Мзыкальные «волны» с самых разных широт всколыхнули на рубеже 70—80-х годов мировую популярную музыку, увязшую, как казалось, в беспросветном кризисе. Как одуванчики весной, появлялись группы, следовавшие новым музыкальным концепциям. Прежние рокеры-музыканты, остерегаясь оказаться «вне игры», молниеносно отрекались от того, что еще недавно, по их же словам, представляло «жизненный и творческий смысл», и, кто как мог, влезали на гребни «новых волн».

Все объяснимо — платил и заказывал музыку шоу-бизнес.

Но был и другой отсчет. Именно рубеж двух десятилетий — один из самых плодотворных этапов развития советской рок-музыки. Апофеозом стал фестиваль «Тбилиси-80», представивший пеструю палитру отечественной рок-музыки: от московской «Машины времени» до ленинградского «Аквари-

Подвластность западной музыки законам коммерции зачастую обесценивает и нивелирует даже оригинальные находки и идеи. Не успел «ню уэй» набрать свой «девятый вал», уже заговорили о новом кризисе. И его первыми симптомами стали такие сенсации, как «Дюран, Дюран...» и Майкл Джексон. К счастью, советская музыкальная культура свободна от издержек коммерциализации искусства. Движущей силой развития выступает потребность объективного творческого процесса, закономерного поиска новых выразительных средств.

Думаю, понятие «новая московская волна» в главном определяет содержательная сторона песен и музыки. Часто приходится сталкиваться с поверхностными оценками: раз слышен рваный ритм регги — значит «новая волна». Ничего подобного! В песне А. Макаревича «Туман» тоже прослушиваются ритмы регги, но никому в голову не приходит «наградить» «Машину времени» термином «новая волна». Какая уж тут новая — группе под двадцать лет.

Каждое поколение несет в мир свое неповторимое и особенное. Молодежь первой половины 80-х не исключение, а «новая московская волна» — одна из музыкальных иллюстраций поколения. Радости, разочарования, победы этого поколения стали лейтмотивом песен. Исполнить их искренне, что в

наруживаешь и остроту взгляда, и неординарность мышления авторов текстов.

Группа «Центр» вызывает жаркие споры. Стилистику группы можно охарактеризовать определением «спокойная», даже «камерная». В ее основе — традиции бит-музыки и рок-н-ролла, но не громких. Кстати, одно из пристрастий «новой волны» — ретро-ностальгия. У «Центра» она достигла апогея: в специально подготовленной программе исполнялись первые отважные бит-эксперименты 60-х годов Н. Богословского, М. Блантера, А. Бабаджаняна, Е. Птичкина. Вновь зазвучали в «центровской» трактовке «Последняя электричка», «Черный кот», «Текстильный городок» и другие.

Но лицо «Центра» — это его самостоятельные программы, в которых музыку и тексты пишут члены коллектива. Среди них большинство произведений принадлежит руководителю Василию Шумову. На мой взгляд, эти произведения интереснее и серьезнее в сравнении с программой, о которой шла речь выше. Музыкальное мышление В. Шумова лаконичное, выразительное. Кажется, что столь милье сердцу «центровцев» бит-формы усечены до предела, в них оставлено самое рациональное, помноженное на своеобразные мелодические конструкции.

К сожалению, погоня за пресловутым «валом» не обошла стороной и песенное творчество. Иначе нам не пришлось бы столько сокрушаться по поводу песен-штампов, наводнивших теле- и радиоэфир, опасно оккупировавших звуковые дорожки грампластинок. И будет очень полезно, когда, наконец, наряду с розовой «Синей птицей» или поблекшими «Голубыми гитарами» посетителям музыкальных магазинов будут предложены альбомы «Машины времени», «Динамика», «Круга» и хотя бы один долгоиграющий сборник групп «новой московской волны» с «Вектором», «Центром», «Браво»...

«Браво» — группа, которая уже сейчас могла бы получить право на запись сольного макси-сингла. Она явный лидер не только рок-лаборатории, но и молодежной музыки вообще. Концерты группы, перед какой бы аудиторией они ни проходили — старшеклассниками, пришедшими на новогодний бал, посетителями рок-лаборатории или слушателями Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, — сопровождаются неизменным успехом. После концерта в ВКШ, например, по просьбе зрителей даже пришлось устроить импровизированную пресс-конференцию. Отзывы на выступле-

РОК-МУЗЫКА

ПРОГНОЗ НА ЗАВТРА

КЛУБ «Музыка с тобой»

ума», от тбилисского «Блица» до таллинского «Магнетик Бэнд». Перспективы виделись широкими. И вдруг...

То, что случилось в последующие три года, трудно охарактеризовать однозначно. Авторы некоторых публикаций употребляют слово «кризис». Думаю, сказать так — значит не сказать ничего. Ибо в результате стечения обстоятельств рок-музыканты с их творческими проблемами, удачами и провалами, находками и потерями оказались, не желая того, в центре бесплодных в большинстве своем споров, суть которых, за редчайшим исключением, была однозначна: «Кому это нужно?!» Не упустили тогда своих шансов приверженцы порочного администрирования, решившие одним махом поставить все на «свои» места. В результате дров наломали немало. За завалами уже не было видно и самих музыкантов. Поэтому анализ творчества любой рок-группы того периода должен учитывать внешние факторы самой музыки, вроде не касающиеся, но на творческий процесс влияющие. Действительно, трудно сказать, как сложилась бы, скажем, судьба ансамбля «Аракс», если бы записанный в конце 1980 года альбом «Колокол тревоги» все-таки дошел до прилавков магазинов, а не остался пылиться на архивных полках фирмы «Мелодия». И кто знает, пришлось ли бы нам вообще говорить о таких качествах, ставших чуть ли не целью направлением, как неверие и пессимизм в текстах песен, если бы группы, о которых шла речь, видели четкую перспективу и заинтересованное участие в своей судьбе. Например, сотрудники музыкальной редакции Болгарского радио именно в хорошей организации работы с молодежными ансамблями видят главный фактор, определяющий социальный оптимизм болгарских рок-групп. Фактор, заметим, ценный...

Словом, объективные и субъективные сложности стали для многих рок-музыкантов в начале 80-х тормозом на творческом пути. Первые признаки оживления пришли на 1983 год. Мы вплотную подходим к определению, ставшему популярным: «Новая московская волна». И не случайно вначале я вспоминал о перипетиях мировой поп-музыки. Если проводить формальные параллели, то признаки общей тенденции очевидны, — тот же всплеск после топтания и тушковых ситуаций. Но есть и глубокие различия между новой волной московского рока и аналогами зарубежного происхождения.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПОЧЕРК ГРУППЫ «БРАВО» ЯРКО И СВОЕОБРАЗЕН. ЭТОТ КОЛЛЕКТИВ — ОДИН ИЗ ЯВНЫХ ЛИДЕРОВ В МОСКОВСКОЙ РОК-ЛАБОРАТОРИИ.

Фото Александра АСТАФЬЕВА

лучших традициях рок-музыки, могли лишь те, кому эти проблемы близки и понятны, кто не хочет фальшивить и лгать своим же сверстникам.

Кто же представляет «новую московскую волну»? Вот они: «Центр», «Браво», «Вектор»... Нет, конечно же, это только часть. За последние два-три года появилось много коллективов. С ноября 1985 года почти сорок из них объединены в Московскую рок-лабораторию, творческое объединение, подобное ленинградскому рок-клубу.

Из перечисленных трех групп «Вектор», правда, формально не относится к рок-лаборатории — надежды ансамбля связаны с профессиональной сценой. Но без упоминания об этом коллективе наш разговор будет неполным. Хотя группа молодая — ей нет и года, у нее не очень большая практика концертных выступлений, — тем не менее она уже привлекла внимание, получив приглашение от филармонии. Музыка ансамбля, что называется, в самом центре споров, а стиль этот — брейк — неотделим от танца, поэтому концертное выступление задумано в виде яркого танцевально-музыкального зрелища, в котором музыка, слово, мизансцена являются неразрывным целым. Брейк — спектакль «Вектора» — сопровождается веселыми, остроумными песенками, в которых об-

ние группы были самыми доброжелательными. Это — свидетельство того, что песни затронули какие-то очень важные струны в душах, что песни актуальны.

Музыкальный почерк «Браво» ярок и своеобразен. Помимо традиционного бита, нас знакомят с ритмами почти забытого фокстрота, напоминают оригинальную стилистику танца твист или классического рок-н-ролла 50-х годов. Группа использует синтетические формы, не имеющие практически никаких аналогов, что дает полное основание говорить о стиле «Браво». Участники «Браво» не просто талантливые музыканты. Они артисты. И настоящая звезда здесь — вокалистка Ивана Андере.

Как видим, на содержательном «базисе» «новой волны», о котором уже было сказано, возведена музыкальная «надстройка» из самых многообразных стилей и течений. Конечно, говоря о песнях новых групп, я имел в виду лучшие. В творчестве многих молодежных коллективов до сих пор изобилует безвкусица, вычурность, поверхностность. А искренность часто подменяется позой искренности. Но вряд ли этой «позой» нужно подрывать доверие молодежной аудитории — завоевать его, как показывает практика, дело нелегкое.

ЧЕРНЫЕ СЛЕДЫ

Александр КАРМЕН

Нацистские военные преступники в Латинской Америке... Что привело их туда? Чем они занимались и занимаются?

Кое с кем из вчерашних нацистов довелось встретиться автору этих очерков.

О сенью 1943 года к человечеству был обращен один из важных документов антифашистской коалиции: «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства». В декларации были такие слова: «...Те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за... зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы... Пусть те, кто еще не обогрел своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие».

Два года спустя открылся Нюрнбергский процесс, судивший главных немецких военных преступников. Главваря третьего рейха был вынесен приговор. Международный трибунал объявил преступными такие порождения гитлеризма, как гестапо и СС, положил начало поиску и наказанию нацистских палачей.

Однако уже в те дни, когда в Нюрнберге шли судебные заседания по делу нацистских главварей, за спиной Международного трибунала началась грязная возня по спасению военных преступников «второго эшелона». Американская разведка, Ватикан и созданные самими гитлеровцами организации готовили и устраивали им побег «на край света». Несколько тысяч нацистских недобитков укрылись в странах Латинской Америки. Многие из них, избежавшие благодаря своим покровителям справедливо возмездия, живут там по сей день. Некоторые были обнаружены, пойманы и судимы. Но другие...

Только сенсация?

— Сеньор Альтман?
Невысокий, коренастый человек в безупречном голубом костюме резко, как в детской игре «замри», остановил-

ся, повернув голову в мою сторону. Он только что встал из-за столика кафе-терия, где сидел вместе с приятелями за чашкой лучшего во всем Ла-Пасе кофе, еще был во власти приятной застойной беседы. Вынесенная из-за стола улыбка еще цеплялась за уголки рта, но мгновенно заострившиеся глаза уже превратили ее в застывшую гримасу.

— Слушаю вас,— сказал фашист.— Чем могу быть полезен?..

Моя встреча с гауптштурмфюрером СС «лионским палачом» Клаусом Барби (эту фамилию точнее писать на немецкий манер — Барби, а не Барбье, как часто еще пишут в нашей печати) произошла весной 1979-го, почти за четыре года до журналистского бума, вызванного высылкой Барби из Боливии, отправкой его во Францию и возобновлением там его дела.

За годы моей работы в Латинской Америке бумов таких, правда, не столь мощных, было несколько.

Под крылышком у Пиночета

Первый был связан с появлением на службе у Пиночета бывшего начальника технического отдела РСХА* оберштурмбаннфюрера СС Вальтера Рауффа. Руководитель программы внедрения «душегубок» в систему массового уничтожения людей пригодился чилийскому диктатору в его войне против собственного народа. Сам по себе Рауфф не был «сенсацией». Он преспокойно и открыто жил в Чили с начала 50-х годов, имел недвижимость, занимался бизнесом. И лишь «возрождение» при Пиночете вытало его имя на страничке печати.

О нем вспомнят вновь лишь в 1984 году. Сначала в связи с появлением в Сантьяго известной французской «охотницы за нацистами» Беаты Кларсфельд. Она прилетела в Чили потребовать его выдачи правосудию и вновь привлечь внимание мировой общественности к факту укрывательства эсэсовца. Поддержанная чилийскими единомышленниками и родственниками жертв пиночетовской охраны, Кларсфельд сначала стучалась в двери правительственных и юридических учреждений. Безуспешно. Не получив ответа, она совместно с родственниками жертв диктатуры принимала участие в уличных демонстрациях. Их жестоко разогнала полиция, Беату дважды арестовывали.

Последние упоминания имени Рауффа вскоре вслед за драматическими событиями, вызванными деятельностью Беаты Кларсфельд в Сантьяго, возникли уже в связи со смертью нациста.

* «Reichssicherheitshauptamt» — служба безопасности в нацистской Германии.

Пиночет все-таки не выдал своего протеже и компаньона по массовым репрессиям, дал ему умереть своей смертью. Похороны создателя «газавенов» превратились в омерзительный фарс. На кладбище, как на шабаш оборотней, слетелись типы, одетые в эсэсовские черные плащи. Над открытой могилой раздавался перезвон гитлеровских орденов и медалей, в нацистском приветствии вскидывались руки, произносились клятвы «продолжать дело».

Похождения трупа

Возвращаясь к 70-м годам, можно вспомнить другую «сенсацию». Она возникла в ноябре 1977 года, местом действия стал Парагвай. Ночью в одном из моргов Асунсьона случилось ЧП — пропал находившийся там с середины августа труп. Его хранили в надежде на появление родственников или близких умершего. Но те не спешили объявляться. По крайней мере при свете дня. Явился ночью, выкрали труп и исчезли вместе с ним.

Согласно документам, покойником был Федерико Бернардо Вегнер, 67-летний аргентинский коммерсант, торговавший деревом. На самом же деле им оказался один из бывших главварей штурмовиков, Эдуард Рошман. За зверства на земле Латвии и массовые убийства, в которых он сам нередко принимал личное участие, его прозвали «рижским мясником». 40 тысяч загубленных жизней более тридцати лет ждали отмщения. Но палач скрылся.

2 октября 1948 года с фальшивыми документами на имя Фрица Вегнера он спустился с трапа теплохода, прибывшего из Генуи на причал Буэнос-Айреса. Где-то пристроился, обзавелся счетом в банке. Через год на счет пришел первый перевод в 50 тысяч долларов. За ним последовали и другие: тайная «Организация бывших служащих СС» (сокращенно — ODESSA) раскрыла над ним свой защитный зонтик. На ее деньги Рошман вместе с компаньоном основывает торговую фирму, занимается весьма прибыльным экспортом ценных пород дерева. В 1955 году он покидает Аргентину. Его видят в ФРГ, в Каире. Но вот трибунал города Гамбурга, занимавшийся делами бывших гитлеровцев, признает его виновным в «преднамеренных жестоких убийствах по мотивам расовой ненависти» и начинает международный розыск преступника. Кольцо вокруг Рошмана стало сжиматься. Опасаясь ареста, он возвращается в Аргентину, но его обнаруживают и здесь. Возникает реальная возможность выдачи его в руки гамбургского трибунала. И тогда он решает бежать в Парагвай — самое надежное пристанище всех человеческих отбросов такого сорта, от бывших нацистов до экс-диктаторов типа Сомосы.

У Рошмана все было рассчитано до малейших деталей. 5 июля в 8 часов вечера на международной автобусной станции Буэнос-Айреса он сел в автобус компании «Интернациональ». На следу-

ющий день в 3 часа сошел в Асунсьоне, явился в ближайший бар «Пес-Мар». Поджидавший его хозяин бара, китаец, указал, где ему временно остановиться. Рошман поселился в тихом, чистеньком пансиончике. Соседи в нем души не чаяли: «Любезный, скромный, правда, чересчур сосредоточенный человек, любил читать, почти куда-то не выходил». Так бы он и жил, ожидая дальнейших указаний по своему жизнеустройству, если бы не произошло непредвиденное: 24 июля его нашли без сознания. Чуткие, отзывчивые соседи доставили его в госпиталь. Диагноз: острое легочное заболевание. 10 августа у него случился тяжелый инфаркт, и вскоре наступила смерть. Документы покойника отданы в полицию, и вскоре личность умершего была установлена.

Три месяца находился труп Рошмана в морге, пока, как мы уже рассказали, под покровом ночи группа неизвестных не выкрала его. Кем они были и зачем понадобилось им похищать труп, так и не установлено по сей день.

Гены нацизма

Следующий всплеск «нацистская тема» дала в Латинской Америке летом 1978 года. В начале июня здешнюю печать обошли два снимка. На одном — скуластый, густоволосый, волевой, уверенный в себе молодой человек. На другом — сморщенный, как высушенный грецкий орех, седой старик. Вспышка репортерского блика словно пригвоздила его к стене, застала врасплох. По времени снимки разделены 37 годами.

Но, как известно, есть такие явления и события, над которыми время не властно. И память людей, словно рентгеном просветив снимок старика, помогла разглядеть под маской лет того, кто принес горе, страдания и смерть многим тысячам людей. Старик оказался Густавом Францем Вагнером, оберштурмфюрером СС (эсэсовский номер 276962). В лагерях смерти Трельбинка и Собибор он служил заместителем начальника гауптштурмфюрера СС Франца-Пауля Штангля. Сам Штангль был пойман в Бразилии еще в 1967 году.

Бывший узник лагеря Собибор Станислав Шмайслер, ранее выступавший свидетелем по делу Штангля, узнал Вагнера на снимке, сделанном ночью 23 апреля в бразильском городке Итайтиа, что находится километрах в 130 от Рио-де-Жанейро. Там, в ресторане отеля «Тилл», состоялось собрание неонацистов и их духовных вождей — «ветеранов» типа Вагнера. Отмечали очередную годовщину со дня рождения Гитлера. Как нередко бывает на подобных сходках, и эта закончилась потасовкой. Вмешалась полиция, появились журналисты, фотографы. Тогда-то и был сделан первый снимок старика. Шмайслеру старик показался знакомым. Но поскольку прямых улик против человека, изображенного на снимке, у него не было, он пошел на хитрость: опубликовал в печати снимок другого, но очень похожего на Вагнера человека, назвал его именем искомого палача и сопроводил эту публикацию рассказом всего, что ему известно о Вагнере.

И тут случилось неожиданное. 30 мая Вагнер сам явился в федеральную полицию города Сан-Паулу и категорически опроверг все появившиеся о нем в печати «измышления». Он утверждал, что фото не его и он сам не имеет никакого отношения ни к «тому» Вагнеру, ни к потасовке в отеле «Тилл». Но, на его беду, в полицию срочно вызвали Шмайслера. Он-то и поставил точку над «i». Поняв, что проиграл, Вагнер рассвирепел. «Мы собирались убить тебя еще тогда, когда ты донес на Штангля,— бросил он Шмайслеру на очной ставке.— Тогда мы, к сожалению, оставили тебя в живых. Теперь же мои друзья тебя уничтожат. Ты заплатишь за все».

Оказавшись в тюрьме, Вагнер сначала четырежды пытался покончить с

собой, изображал сумасшедшего. Потом, узнав о пришедших в Бразилию запросах на его выдачу, стал настойчиво проситься в ФРГ. По опыту многих военных преступников он знал, что в Западной Германии длительное наказание ему не грозит. Однако опасения Вагнера вскоре были рассеяны самой бразильской Фемидой. 21 сентября 1979 года она отклонила запрос ФРГ, и вскоре палач Собибора и Треблинки оказался на свободе.

Год спустя, 4 октября 1980 года, его нашли в доме с ножом в сердце.

Скорее всего это была очередная, на сей раз «успешная», попытка самоубийства. Основание утверждать это дает, во-первых, то, что Вагнер, по мнению тюремных врачей, был психически неуравновешенным, и факт его разоблачения перед всем миром как изверга и палача мог сыграть свою роль. Во-вторых, к такому заключению приводит фраза, брошенная Вагнером в тюрьме. «Мы находимся здесь (в Латинской Америке.— А. К.),— сказал он журналистам,— чтобы возродиться, передать наши гены и затем спокойно умереть. Я уже созрел для третьей фазы».

В этой фразе, как видим, заключен и другой смысл. Беглые нацисты, как бы законспирированы они ни были, никогда не сидели сложа руки. Они постоянно и небезуспешно «передавали свои гены», свой зловещий опыт тем юнцам, что праздновали вместе с Вагнером день рождения фюрера в отеле «Тилл». «Старики» отравляли нацистским ядом еще не сформировавшиеся души, готовили себе смену. И, конечно же, Вагнер не был единственным «передатчиком» генов нацизма, а его обожатели из Итатийи не единственными его последышами. Эта ядовитая поросль устраивала погромы накануне и во время фашистского переворота в Чили, она уничтожала патриотов и демократов на улицах аргентинских и уругвайских городов, она вершит ныне белый террор в Гватемале и Сальвадоре, не раз бесчинствовала на улицах Ла-Паса в Боливии.

Свершится ли правосудие?

Теперь мы подошли к Барби. Был ли он «сенсацией»? И да, и нет. Нет, потому что к его существованию — безнаказанному и вольготному — «привыкли». Да, потому что такое его существование, подобно пребыванию Рауффа в Чили, уже само по себе было непростительной аномалией и вызовом всей мировой общественности.

Он жил под крыльшком боливийских диктаторов и, как выяснилось, под покровительством ЦРУ США, не очень опасаясь ни за свою жизнь, ни за свое будущее. Нервничал он только тогда, когда в Боливии терпел крушение очередной диктатор и вновь возникали ходатайства о его депортации во Францию. Но штормы стихали; и он, огражденный решением Верховного суда Боливии от 6 декабря 1974 года, отказавшего Франции удовлетворить ее требование о выдаче «палача Лиона», продолжал припеваючи жить и творить черные дела.

Впервые, как уже говорилось, я увидел его в начале 1979 года, как раз вскоре после очередной и безуспешной попытки Франции добиться справедливости. Мои коллеги, работавшие в отделениях западных телеграфных агентств в Лиме и выезжавшие в командировки в Боливию, рассказывали, что в те дни Барби сознательно и нарочито вертелся перед глазами чуть ли не всех иностранных журналистов, нагло демонстрируя им свое безоблачное благополучие. Так, видимо, было и в случае со мной.

Будучи в Ла-Пасе, я не пытался встретиться с ним: сроки командировки ограничены, а дел много. Но в разговорах в редакциях ла-пасских газет и с отдельными официальными лицами я не раз высказывал интерес к его присутствию в Боливии. Кто знает, может быть,

дошли до него эти разговоры? Теперь не проверишь, да и нужды в этом никогда не возникало. Однако сейчас я твердо уверен, что в ночь, когда улетал в Лиму и, приехав в аэропорт, увидел там Барби, он знал, кто я такой и откуда.

Вот как все было. Ночной аэропорт почти пуст. Немногочисленные пассажиры у всех на виду. У стойки оформления багажа я вдруг почувствовал какую-то странную неловкость. Оглянулся. Сзади, шагах в десяти, стоял человек. Наверное, я обернулся слишком быстро, и он не успел отвести свои впившиеся в меня, как дула пистолетов, глаза. Это меня удивило: с чего бы? Наши взгляды сошлись. Коллега-боливец, улыбнувшись, шепнул на ухо: «А ты, однако, важная персона. Сам Альтман тебя провожает. Ну, жди сюрпризов».

Альтман отвел глаза и как ни в чем не бывало продолжил разговор со стоявшим рядом с ним молодцеватым, подтянутым человеком со спортивной сумкой на плече. Мне назвали его имя — Альваро де Кастро, ближайшее доверенное лицо эсэсовца, его телохранитель и заодно сотрудник боливийской контрразведки.

Я отшутился: «Конечно, разве мог Альтман пропустить такое событие, как мой отъезд!» Предупреждение же коллеги насчет возможных «сюрпризов» я попросту пропустил мимо ушей. Вспомнил о нем чуть позже, когда стал проходить чистилище паспортного контроля. А пока, сдав багаж, в ожидании отлета отошел к широким окнам, выходящим на летное поле.

Самолет запаздывал, и, экономя электроэнергию, аэродромные службы погасили все огни. Ярко освещенный зал аэропорта хорошо отражался в ставших зеркальными стеклах. Фигура Альтмана тоже была отлично видна. Вот он прошелся взад-вперед со своим приятелем, вот оставил его и медленной походкой стал приближаться к окнам, остановившись рядом со мной и молча уставился в темноту.

Неожиданно на летном поле вспыхнули огни посадочной полосы. Они зловеще заляпали в глазах Альтмана дьявольским светом. «Как в печах крематориев», — захотелось мне записать в блокнот.

Объявили посадку. Мне не раз приходилось летать по разным странам Латинской Америки и довелось насмотреться на всякое. Где-то мой паспорт вызывал добрую улыбку, где-то его попросту забирали и минут на двадцать уносили в специальную комнату для перефотографирования всех страниц, где-то подолгу выясняли обстоятельства получения въездных виз и т. д., и т. п. Здесь все было до нелепости грубо и глупо. Паспорт крутили в руках, как нечто доселе невиданное, листали и перелистывали, подолгу разглядывали все штампы и печати, а их к тому времени накопилось немало. Я терпеливо ждал, изредка интересуясь, не могу ли чем помочь. В ответ получал лишь молчаливый и ледяной взгляд.

Потом настала очередь таможенников. Перекопали все личные вещи, заставили повернуть все карманы, даже пластмассовую зажигалку и объективы от фотоаппарата просмотрели на свет, трижды прогоняли сквозь раму электромагнитного обнаружения скрытого металла. При этом хоть и дотошные, но явно чувствовавшие неловкость от разыгрываемого спектакля служащие то и дело вопросительно поглядывали за мою спину, где в отдалении, словно рок, маячил хозяин летного поля.

По прилете в Лиму я обнаружил, что замки моего чемодана взломаны и все вещи и бумаги переворочаны так, будто их всухомятку пропустили сквозь стиральную машину.

— Все очень просто, — прокомментировал мой рассказ о приключении в аэропорту тогдашний корреспондент агентства Франс Пресс в Лиме Альберт Брун. — Барби хотел показать тебе, что он, во-первых, неуязвим и спокоен, и, во-вторых, что он по-прежнему всемо-

гущ, в частности среди иммиграционно-таможенных служб. Они ведь в подчинении МВД, и, значит, он по-прежнему там фигура...

Альберт Брун знал, что говорил. Более 35 лет проработавший корреспондентом Франс Пресс в Латинской Америке, он в начале 70-х годов вместе с женой Николь Боннэ открыл мировой общественности местопребывание Барби в Лиме и Ла-Пасе. Однако, признаюсь, тогда я не придавал большого значения словам Альберта о случае со мной. В самом деле, кто я такой, чтобы Барби разыгрывал со мной эту комедию? Но прошло всего два месяца, и, вновь оказавшись в Ла-Пасе, я получил подтверждение словам Бруна.

Редакция направила меня в Боливию для освещения работы съезда Коммунистической молодежи. Съезд завершился, и я пошел в агентство тогда еще существовавшей авиакомпании «Брэннифф» оформлять билет на ночной рейс. Операция заняла минут десять. Я вышел на улицу, посмотрел на часы. Помню, было восемь минут двенадцатого. Все дела по программе моего пребывания в Ла-Пасе были уже переданы. Чем заняться? И тут вспомнил: мне говорили, что Барби имеет привычку в 11 часов утра пить кофе в кафетерии местного клуба «Ла-Пас». До него от агентства «Брэннифф» было не больше трех кварталов. И я пошел к «Ла-Пасу».

Утро было по-высокогорному прохладным. Из открывающихся дверей кафетерия вырывались клубы пара, дивно пахнущего замечательным кофе. Я вошел, протер тотчас запотевшие стекла очков, огляделся и увидел его. Барби сидел в конце зала за двумя сдвинутыми столиками в компании нескольких человек. Слева от него — все тот же Альваро де Кастро. Их шляпы — все как на подбор тирольского типа — висели на крючках, протянувшихся вдоль запотевших окон. «Посиделки» были в разгаре. Все было доволны и веселы, говорили и смеялись громко. Чувствовали себя как дома.

Я присел за столик, заказав маленькую чашку кофе. Ее тотчас принесли. Быстро выпил. В висках застучало: на высоте около четырех тысяч метров пить с привычкой такой крепкий кофе опрометчиво.

Барби не думал уходить. Я заказал еще чашку, на этот раз больше, чтобы растянуть ее надолго. Принесли. Не спеша выпил. Все без изменения. Только голова совсем кругом пошла. На четвертой моей чашке Барби поднялся и не торопясь пошел к выходу. Тут-то я и обратился к нему с той фразой, с которой начал этот рассказ.

— Слушаю вас, — сказал фашист. — Чем могу быть полезен?

Улыбка исчезла. Осталось напряженное внимание. Следовавший за Альтманом как тень Альваро де Кастро тоже остановился, как-то по-кошачьи настороженный, будто готовый к прыжку.

— Я журналист, — отвечаю. — Хотел бы побеседовать с вами.

Альтман впился в меня задремавшимся по встрече в аэропорту взглядом.

— Ваше лицо мне знакомо. Мы где-то встречались?

— Два месяца назад в аэропорту.

— Да-да, что-то припоминаю. Ну, конечно же! — Он наставил на меня, как пистолет, свой указательный палец. — Вы русский.

— У вас отличная память.

Барби многозначительно переглянулся с приятелем.

— Спасибо, не жалуюсь. Вот только фамилию вашу не припомню.

Я назвал ее. Он удовлетворенно кивнул и снова перебрался взглядом с телохранителем. Тот был невозмутим, только глаза, казалось, буравили меня насквозь.

— Так о чем же вы хотите со мной беседовать? — сбросив напряжение и перейдя на вальяжный тон, спросил Альтман.

— О разном. О вашем прошлом, например, о настоящем, о том, как вы

смотрите на попытки Франции добиться вашей выдачи.

Переступая с ноги на ногу, Альтман молча смотрел на меня. Его выцветшие глаза стали, как тогда в аэропорту, плоскими и пустыми. Так бывает, когда человек, отключившись от разговора, уносится очень далеко. Пауза неловко затягивалась.

— Вы мне так и не ответили...

— Ах, да, — встрепенулся Альтман, — «побеседовать»...

Он как-то странно вытаращил ставшие невинно-растерянными глаза, склонил голову и, разделяя слово на слоги, почти шепотом доверительно произнес: — Не могу.

— Почему же? Вы чего-нибудь боитесь? — стараясь подстроиться под его тон, удивился я.

— Боюсь, — ухмыльнулся Альтман. — К сожалению, ваш брат журналист нечист на руку. Представляешь, — он повернулся к своему приятелю, — все, что бы я им ни рассказывал, они изолгали, исказили и обратили против меня. Разве так поступают? Вот с тех пор я и зарекаюсь — никаких интервью.

— А вам не кажется, что настало время написать о вас правду? У нас журналистика честная, мы вымыслими не занимаемся.

— Даже если бы я вам поверил, у нас все равно ничего не получилось. Есть еще одно препятствие: у меня имеется договоренность с властями этой страны не давать интервью, которые могли бы нанести ей вред.

— Так не говорите того, что может нанести вред Боливии. Разве это так сложно?

Тогда, растянув рот в ледяной улыбке, он сказал:

— Возвращайтесь, пишите о Боливии, о ее красотах, а меня оставьте в покое на старости лет.

Лицо Альтмана слегка дрогнуло и похолодело след за улыбкой.

— Я пошутил, — сухо и тихо, с легкой хрипотцой сказал фашист. — Не такие уж мы старики.

— И все же я позволю себе один вопрос: скажите, сеньор Барби, кошмары по ночам вас не мучают?

— Не волнуйтесь, — бросил он сквозь зубы. — Я сплю спокойно. Аста нунка! (В прямом переводе: до никогда.)

Альтман резко повернулся и ушел. Черной тенью скользнул след за ним и его телохранитель.

От того, что он не удостоил меня интервью, я не расстроился. В самом деле, чего-либо нового от него вряд ли можно было услышать. Разве что обычное фанфаронство которое он в те дни демонстрировал направо и налево. А между тем как раз тогда он и готовил одно из своих самых опасных злодеяний в Боливии: вместе с реакционными генералами заканчивал приготовления к военному перевороту.

Переворот произошел 17 июля 1980 года, и на время Барби снова стал «сенсацией». Члены его организации белого террора, так называемые «женихи смерти», в поте лица и по локти в крови потрудились на ниве борьбы с патриотами. Но после падения режима диктатора Гарсии Меса, последнего из его покровителей, Барби притих. Прошло немного времени, и из ФРГ последовал запрос о его выдаче. Франция тоже возобновила интерес к его персоне. Вскоре к власти в Боливии пришло демократическое правительство Силеса Суасо, которое, сославшись на незаконность получения Альтманом — Барби боливийского гражданства (оно было предоставлено ему 5 октября 1957 года на основании выданных американской разведкой фальшивых документов), выслало его из страны. Его посадили в военный самолет, вывезли в Кайену и там передали в руки французских властей.

Как бы ни закончился процесс над ним, Суд народов и сама История уже вынесли ему свой приговор:

— Виновен!

Окончание следует.

Агата КРИСТИ

— Ее любили в отеле?
 — О да. Но ей не хватало тонкости. Она чувствовала себя увереннее со старыми джентльменами, а не с молодежью.
 — Дружок у нее был?
 Молодая женщина понимающе взглянула на Мэлчетта.
 — Не в том смысле, как вы думаете. То есть насколько мне известно. Она не открывала своих секретов.
 Мэлчетт не был уверен, что моральные устои самой Джози так уж тверды. Однако ограничился нейтральным вопросом:
 — Когда в последний раз вы видели вашу кузину?
 — Вчера вечером. Обычно они танцуют с Реймондом два танца: один — в половине одиннадцатого, второй — в полночь ровно. После первого я видела, как Руби попеременно вальсировала с двумя молодыми людьми — постояльцами отеля. Я сидела за бриджем, но между карточным салоном и залом стеклян-

— Этот господин — калека. Его легко вывести из равновесия.
 Мэлчетт перевел разговор на другое.
 — А кто тот молодой человек, с которым вы в последний раз видели свою кузину в танцевальном зале?
 — Его зовут Бартлетт. Он приехал в отель дней десять назад.
 — Они подружились?
 — Не так чтобы очень. По крайней мере не берусь этого утверждать. — В ее тоне опять проскользнуло раздражение.
 — А что он сам говорит?
 — Что Руби после танца поднялась к себе, чтобы поудриться.
 — И тогда же переделалась?
 — Вероятно.
 — Это последнее, что вы узнали? Затем она...
 — Исчезла! — докончила Джози. — Да.
 — Не имела ли мисс Кин знакомых в Сент-Мэри-Мид или окрестностях?
 — Понятия не имею. Вполне возможно. В «Маджестике» бывают клиенты и из ближних мест. Я никогда ни о чем не расспрашиваю, если мне не говорят.
 — Ваша кузина никогда не упоминала о Госсингтоне?
 — Госсингтоне? — удивленно повторила Джози.
 — О замке Госсингтон.
 Она казалась заинтересованной.

— Уж, конечно, подобного она не ожидала!
 — У нее в голове одни цветочные выставки, а муж заброшен, — осуждающе сказала мисс Хартнелл. — За мужчиной надо смотреть в оба. Ежесекундно! — свирепо закончила она.
 — Известное дело! Но какой страх, а?
 — Меня интересует мнение Джейн Марпл. Наверняка у нее кто-нибудь на подозрении. Она ведь дока по части загадок!
 — Джейн Марпл отправилась в Госсингтон.
 — Как? Спозаранку?
 — Представьте, еще до завтрака.
 — Вот как? Но, право, она слишком сует повсюду свой нос. Это неприлично.
 — Миссис Бэнтри прислала за нею машину.
 — Подумай только! Очень странно.
 Наступило короткое молчание, во время которого обе переваривали новость.
 — А кто убитая? — спросила мисс Хартнелл.
 — Ну... особа, которая навещает Бэзилу Блэйку.
 — Белобрысая? С вытравленными лохмами? — Мисс Хартнелл отстала от моды и не видела разницы между подцветленными перекисью и платиновыми волосами. — Та, что валяется почти нагишом на лужайке?
 — Да, дорогая. Ее нашли задушенной в замке на ковре.
 — Невероятно... в Госсингтоне...
 Мисс Везерби кивнула очень многозначительно.
 — Выходит, полковник Бэнтри... тоже?

ПРОИЩЕШЕСТВИЕ В СТАРОМ ЗАМКЕ

ная стена, мне было все хорошо видно. Едва пробил полночь, как пришел обеспокоенный Реймонд: Руби опаздывала к выступлению. Я была взбешена, уверяю вас! Эти девочки падали на всякие глупости, а потом их выставляют за дверь. Вместе с Реймондом мы поднялись в комнату Руби. Ее там не было. Видимо, она переделалась: розовое платье с оборкой из газа, в котором она танцевала, свешивалось с кресла. Обыкновенно она не меняла наряда весь вечер, кроме среды, когда устраивался большой ночной бал. Я ума не могла приложить, куда она девалась. Попросили оркестр повторить фокстрот, но Руби по-прежнему не было. Пришлось мне танцевать с Реймондом обязательный номер. Мы напрасно прождали ее до двух часов ночи. Я внутренне вся кипела.
 Даже сейчас голос ее гневно зазвенел. Мэлчетт подумал, что она что-то недоговаривает.
 — Значит, — сказал он, — когда утром обнаружилось, что Руби не вернулась и постель ее не разобрана, вы заявили в полицию об ее исчезновении?
 Слэк сообщил ему по телефону, что все обстояло не так, но ему захотелось проверить Джозефину Тёрнер.
 Она отозвалась без малейшего колебания:
 — Нет, в полицию звонила не я.
 — Почему же, мисс Тёрнер?
 Глядя на Мэлчетта открытым взглядом, она сказала:
 — Но и вы не сделали бы этого. На моем месте.
 — Вот как?
 — Я обязана думать прежде всего о собственном положении... Разве директор будет доволен, если возникнет скандал и появится полиция? Впрочем, мне не приходило в голову, что с Руби случилось несчастье. Я предположила, что она загуляла с каким-то приятелем и скоро возвратится. Готовилась хорошо отругать ее. Это все легкомыслие ее восемнадцати лет!
 Мэлчетт сделал вид, что копается в своих записях.
 — Действительно. В полицию заявил некто Джефферсон... обитатель отеля, вероятно?
 Джозефина Тёрнер коротко подтвердила:
 — Да.
 — Интересно, кто надомнил его? — спросил главный констебль.
 Джозефина нервно разглаживала кант на жакете. Подозрение, что она что-то утаивает, снова мелькнуло у полковника Мэлчетта.
 Она сказала угрюмо:

— Впервые слышу это название.
 — Дело в том, что ее труп найден там, — объяснил полковник Мэлчетт.
 — Замок Госсингтон, — медленно повторила Джози. — Звучит так необычно!
 Мэлчетт подумал: «Необычно — самое подходящее слово». А вслух спросил:
 — С полковником Бэнтри или с его женой вы знакомы?
 — Нет.
 — А с неким Бэзилем Блэйком?
 Джози слегка наморщила лоб.
 — Смутно вспоминаю, что слышала это имя. Но ничего больше.
 Вездесущий инспектор Слэк подсунил шефу листок из записной книжки, где второпях карандашом было начерпано: «На прошлой неделе полковник Бэнтри ужинал в «Маджестике»».
 Мэлчетт оторвал глаза от записки и встретил взгляд инспектора. Полковник слегка покраснел. Слэк был, безусловно, расторопным и добросовестным офицером, хотя главный констебль мало ценил его. Приходилось принять молчаливый вызов: по сути, инспектор обвинял его в желании обелить приятеля, вообще выгораживать людей своего круга. Он обернулся к Джози:
 — Мисс Тёрнер, я вынужден просить вас поехать со мною в замок Госсингтон.
 Джози еле слышно проронила слова согласия. Мэлчетт уже не слушал. Он твердо и холодно смотрел на Слэка.

Мисс Везерби кивнула вторично. Новая пауза для осмысленного смакования подробностей.
 — Скверная распутица! — в праведном гневе воскликнула мисс Хартнелл.
 — Но так обманывать жену!
 — Однако мистер Бэнтри мужчина любезный и порядочный.
 — В тихом омуте черти водятся. Любимое выражение Джейн Марпл. — вернула мисс Везерби.

12

Миссис Прайс Ридли узнала новость с большим опозданием. Особняк богатой вдовы располагался рядом с домом священника. Известие выпалила ее служанка Клара.
 — Повторите отдельно, Клара. Мертвая женщина обнаружена перед камином у Бэнтри?
 — Да, мэм. И, говорят, у нее совсем голая спина!
 — Хватит, Клара. Без глупых подробностей.
 — Слушаюсь, мэм. Сначала подозревали, что это блондинка, которая приезжает с мистером Блэйком на уик-энд в дом мистера Букера. Но теперь оказывается совсем другая. Сын торговца рыбой говорит, что не ожидал такого от полковника Бэнтри, ведь тот по воскресеньям собирает церковные пожертвования!
 — Мир полон зла, — наставительно заметила миссис Ридли. — Запомните это, Клара.
 — Обязательно, мэм. Мама не позволила бы мне служить в доме, где есть мужчина.
 — Превосходно, Клара, — одобрила хозяйка.
 Священник жил в двух шагах, и миссис Ридли застала его в рабочем кабинете. Этот пожилой человек мало интересовался деревенскими слухами.
 — Бесчеловечное преступление! — зальхавшись, объявила миссис Ридли прямо с порога. — Мне необходимо знать ваше мнение, дорогой пастор!
 Пастор Клемент спросил с беспокойством:
 — Что произошло?
 — Как что?! — У гостей был драматический тон. — Гнусный скандал! Особа дурного поведения... задушена и лежит возле камина у полковника Бэнтри!
 Пастор широко раскрыл глаза.
 — Но... вы вполне здоровы?
 — Естественно, это не укладывается у вас в голове. Я и сама поначалу не поверила. Нет, каков лицемер? Так ловко носить маску!
 Миссис Ридли еще долго предавалась бы возмущению, если бы пастор не вставил с кротостью:
 — Но я не вижу здесь ничего, что порочит репутацию полковника Бэнтри!
 — Вы живете вдали от мирской суеты, дорогой

11

Давно деревенька Сент-Мэри-Мид не жила в таком переполохе.
 Сенсацию принесла мисс Везерби, старая дева с желтым цветом лица и утиным носом. Первым делом она постучалась к своей соседке мисс Хартнелл.
 — Тысяча извинений, что побеспокоила так рано. Вы слышали?
 — О чем? — басом спросила мисс Хартнелл.
 Она была известна настырностью, с которой поучала бедняков, обходя их дома, хотя те всеми силами старались уклониться от ее общества.
 — Ну, разумеется, о трупе молодой женщины. Ее нашли сегодня утром в библиотеке полковника Бэнтри.
 — В библиотеке Бэнтри?
 — Именно так. Ну, не кошмар ли это?
 — О, несчастная его жена! — с упоением воскликнула мисс Хартнелл.

Продолжение. Начало в № 12.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

пастор. А вот послушайте, что я вам расскажу. В прошлый или позапрошлый вторник — впрочем, какая разница? — я села в ранний лондонский поезд, и полковник Бэнтри ехал со мною в одном купе. Он всю дорогу прятался за газетой, словно боялся, что я заговорю с ним. Определенно его что-то заботило! Пастор понимающе кивнул.

— На вокзале Пэддингтон мы распрощались. Он предложил посадить меня в такси, но мне больше подходил автобус. Тогда он взял такси сам...

Торжествующая миссис Ридли выдержала паузу. Добрый пастор по-прежнему ничего не понимал.

— Нужны ли еще доказательства? — провозгласила гостья, покидая его.

13

Миссис Бэнтри и мисс Марпл расположились в будуаре замка Госсингтон.

— Знаете, дорогая, — заметила миссис Бэнтри, — у меня как-то отлегло от сердца, когда труп из библиотеки увезли. Мертвое тело в доме, брр!

— Отлично понимаю, милая, ваше состояние, — поддакнула мисс Марпл.

— Пока не испытаешь сама, объяснить это невозможно. У вашего соседа, помните, лежал в доме покойник, но ведь это совсем другое! Боюсь, Артур возненавидит теперь библиотеку. А мы так мило коротали там вечера. Куда вы, Джейн? — встревожилась она, видя, что мисс Марпл бросила взгляд на часы и поднялась.

— Право, мне пора. Пользы от меня маловато.

— О нет, не спешите, пожалуйста! Конечно, фотографирование закончено, отпечатки пальцев сняты, полиция сделала первые выводы. Но что-то подсказывает мне, что сюрпризы впереди. Не время вам уезжать.

За стеной раздался звонок, хозяйка вышла к телефону и вернулась очень оживленной.

— Ну вот. Я не ошиблась. Полковник Мэлчетт предупредил, что везет кухню этой несчастной.

— Зачем?

— Видимо, для того, чтобы показать ей место преступления.

— Полагаю, есть и другая причина.

— Какая же?

— Свести ее с полковником Бэнтри.

— Проверить, узнает ли она его? Но тогда... выходит, Артур на подозрении? — едва выговорила миссис Бэнтри.

— Простая формальность, — успокоила ее старая дама.

— С какой стати вмешивать Артура в эту историю?! Мисс Марпл промолчала, и миссис Бэнтри взглянула на нее весьма недовольно.

— Прошу вас даже в мыслях не ставить моего мужа на одну доску с теми отвратительными старикашками, которые берут на содержание горничных. Артур на это неспособен.

— Ну что вы! Разумеется.

— Он не прочь побалагурить с хорошенькими девушками, которые приходят к нам играть в теннис, но чисто по-отечески. Не вижу в этом ничего дурного. Почему бы ему отказывать себе в столь невинном удовольствии? Это нечто вроде моих цветов, — нервически заключила миссис Бэнтри.

— Не горячитесь, Долли, — с примирительной улыбкой произнесла мисс Марпл.

— И не собираюсь. Хотя, естественно, все это меня тревожит. Артура тоже. Раздражают шмыгающие по всему дому полицейские. Единственный способ для Артура успокоиться — это пойти на скотный двор. Вид наших милых свинок умиротворяет... А вот и полицейская машина.

Автомобиль затормозил у подъезда. Вошел полковник Мэлчетт в сопровождении безукоризненно одетой молодой женщины.

— Разрешите представить: мисс Тёрнер, миссис Бэнтри. Это кузина м-м... пострадавшей.

— Здравствуйте, мисс Тёрнер, — произнесла хозяйка дома, протягивая руку. — Представляю, как вы огорчены этой драмой?

Джозефина ответила с искренней простотой:

— Да, мадам. Я до сих пор не верю, словно попала в ужасный сон.

Миссис Бэнтри представила ей мисс Марпл. Мэлчетт мимоходом бросил:

— А где же ваш уважаемый супруг, мадам?

— Отправился на ферму. Я его жду.

— Вот как! — пробормотал Мэлчетт, неприятно удивленный.

Миссис Бэнтри обратилась к Джози:

— Вас проведет к месту преступления? Или вы не очень к этому стремитесь?

Подумав секунду, Джози вздохнула:

— Ах, лучше уж сразу.

Миссис Бэнтри отвела ее в библиотеку. Мисс Марпл и полковник Мэлчетт шли следом.

— Она лежала вот здесь, на ковре, — миссис Бэнтри указала пальцем.

— О! — Джози вздрогнула. Вид у нее был растерянный. — Я думала... думаю... Нет, я просто ничего не понимаю!

— Мы тоже, — вставила миссис Бэнтри.

— Не соберусь с мыслями... и в таком доме, — наморщив лоб, Джози умолкла.

Мисс Марпл сочувственно кивнула.

— Это-то и спущает тайну, — как бы про себя пробормотала она.

— Ну-с, мисс Марпл, — вмешался с шутливой усмешкой Мэлчетт, — держу пари, что у вас возникло какое-то предположение?

— Пожалуй, — согласилась старая дама. — Надеюсь, оно удовлетворит и вас. Видите ли, наша новая учительница мисс Мартин однажды заводила стенные часы, а из них выскочила лягушка!

Джозефина Тёрнер казалась ошарашенной. В дверях она шепнула миссис Бэнтри:

— Старушка вполне нормальна?

— Вполне! — возмутилась та.

— Прошу прощения. Мне почудилось, будто за лягушку она приняла меня.

В этот момент появился полковник Бэнтри, и Мэлчетт, здороваясь, внимательно следил за Джозефиной Тёрнер, когда знакомил их. Лицо Джози не выразило ни малейших чувств. Мэлчетт вздохнул с облегчением, мысленно обругав Слэка за его намеки.

Джози со всеми подробностями повторила рассказ об исчезновении Руби Кин, в основном для миссис Бэнтри, которая расспрашивала ее, сгорая от любопытства.

— Сколько вы пережили волнений, дитя мое!

— О, я была скорее рассержена, чем обеспокоена. Ведь сначала я ничего не знала.

— Но тем не менее вы обратились в полицию, — вмешалась мисс Марпл. — Не преждевременно ли?

Джози поспешила ответить.

— В полицию звонила не я. Это мистер Джефферсон.

— Джефферсон? — переспросила миссис Бэнтри.

— Да. Постоялец «Маджестика». Инвалид.

— Случайно не Конвей Джефферсон? Я его близко знала. Он из наших старых друзей. Артур, послушай же! Конвей Джефферсон живет в «Маджестике», и это он сообщил в полицию. Какое совпадение!

— Мистер Джефферсон прошлым летом тоже приезжал в «Маджестик», — добавила Джози.

— Подумать только! А мы ничего не знали. Боже, как давно я его не видела! — Она повернулась к Джози: — Как он себя чувствует сейчас?

Джози подумала секунду:

— Кажется, хорошо... Вернее, вполне хорошо, несмотря на увечья. У него жизнерадостный характер и всегда наготове острое словечко, чтобы пошутить.

— Его семья с ним?

— Вы имеете в виду мистера Гэскелла, молодую миссис Джефферсон и Пита? Да, они при нем.

В тоне Джозефины явственно почувствовалась скованность при этом перечислении.

Миссис Бэнтри невинно спросила:

— Не правда ли, милейшие люди? Я говорю о зятю и невестке.

Джози неопределенно отозвалась:

— Да... я... мы... о, разумеется!

14

— Вы не находите этот ответ несколько странным?—спросила миссис Бэнтри у мисс Марпл, когда обе смотрели в окно вслед отъезжающему полицейскому автомобилю.—Что-то тут не так!

Старая дама охотно подхватила:

— Да, да! Наверняка. У меня нет ни тени сомнения. Она переменялась, когда заговорили о Джефферсонах. А до этого держалась естественно.

— Ну, и каково ваше мнение, Джейн?

— Милая, вы ведь знакомы с этими людьми. Что-то, относящееся к ним, волнует молодую женщину. А вспомните, что она сказала вам относительно исчезновения кузины? Что она была рассержена. Она и в самом деле казалась раздраженной. Деталь, которая заслуживает внимания. У меня возникло ощущение... возможно, я ошибаюсь... смерть кузины вызвала только такую реакцию. Она ее не любила, в этом я уверена. И не испытывает особенного горя. Зато всякое упоминание о Руби Кин ей положительно неприятно. Закономерен вопрос: почему?

— А вот мы это и разумаем!—заявила миссис Бэнтри.—Отправимся в Дейнмут и снимем номера в отеле «Маджестик». Да, Джейн, вы непременно поедете тоже. Необходимо рассеяться после всех этих событий, перемена обстановки пойдет нам на пользу. Я познакомлю вас с Конвеем Джефферсоном. Это прекраснейший человек... такой... притягательный. Его история печальна. Взрослые сын и дочь, которых он нежно любил, подолгу гостили у отца, хотя имели свои семьи. И с женой он жил душа в душу, тоже очень милая женщина. Однажды, когда они возвращались с юга Франции, самолет потерпел аварию, и все погибли, кроме Конвея: пилот, миссис Джефферсон, Розамунда и Фрэнк. У Конвея были раздроблены обе ноги, их пришлось ампутировать. Он держался с большим мужеством. Такой жизнерадостный, энергичный мужчина—и калека. Притом ни одной жалобы. Его невестка, вдова Фрэнка, живет вместе с ним. У нее сын от первого брака. Мальчика зовут Пит Кармоди. Муж Розамунды Марк Гэскелл тоже не оставляет тестя. Все это так трагично!

— Сегодня перед нами другая трагедия,—напомнила мисс Марпл.

— Да, но к Джефферсону-то она касательства не имеет.

— Посмотрим,—задумчиво произнесла мисс Марпл.—Ведь полицию поставил на ноги не кто иной, как Джефферсон?

— Действительно, Джейн, совпадение неожиданное!

15

Перед полковником Мэлчеттом стоял трясущийся человек—мистер Прескотт, директор «Маджестика». Тут же находился Харпер, начальник полиции графства Глен, и инспектор Слэк с надутым видом: его сердило, что главный констебль взял расследование полностью на себя.

Харпер пытался хоть немного приободрить хнычущего Прескотта. Но полковник Мэлчетт держался сурово.

— Перестаньте ахать и охать,—сказал он.—Девушка мертва. Задушена. Радуйтесь хотя бы, что преступление совершено не в ваших стенах. Следствие проводим мы, и репутация отеля не пострадает. Но мне нужны факты и сведения. Можете не беспокоиться, сохранение тайны гарантируем. Так что соберитесь с мыслями, не заставляйте нас терять время и отвечайте на вопросы правдиво. Что вам известно об убитой?

— Ничего. Абсолютно ничего! Ее привела Джози. И она...

— Как давно Джози служит у вас?

— Два года... нет, собственно, три...

— Вы относитесь к ней с симпатией?

— Видите ли... она неглупа, ведет себя осмотрительно. Клиентам нравится ее обращение. Она миглом уладит любые ссоры: ведь бридж—очень азартная игра.

Мэлчетт согласился. Его жена увлекалась бриджем и была во время игры крайне обидчива.

Мистер Прескотт продолжал:

— Джози—отличный работник. Ей удается успешно посредничать между клиентами и администрацией. Она любезна со всеми и одновременно тверда.

Мэлчетт снова отметил про себя, что поначалу, несмотря на миловидность и изящество, она показала ему достаточно ординарной.

— Она положительно незаменима в отеле,—расстроенно добавил мистер Прескотт.—Зачем, спрашивается, ей понадобилось прыгать по камням, когда существует удобный пляж? Купайся на здоровье. Нет, растянула связки... Это же ущерб отелю! Я плачу ей за то, чтобы она танцевала, играла с клиентами в бридж и развлекала постояльцев, а не ломала ноги на скалах! Танцовщица обязана быть осмотрительной. Это недобросовестно по отношению к отелю и ко мне лично!

Чтобы сдержать поток директорских обид, Мэлчетт спросил:

— Тогда-то она и предложила вместо себя эту девушку, свою кузину?

Мистер Прескотт мрачно подтвердил:

— Совершенно верно. Замена оказалась мне приемлемой. Разумеется, платить я ей не собирался. Она работала за стол и жилье, а жалованье они делили между собой. До появления ее в «Маджестике» я вообще не знал Руби Кин.

— Она справлялась с работой?

— Вполне. Упрекнуть мне ее было не в чем. Правда, по молодости лет она перебарщивала в косметике... Впрочем, воспитана неплохо и поведения приличного. Танцевала изящно, всем нравилась.

— Она была красива?

Распухшее, посиневшее лицо убитой не позволило Мэлчетту сделать собственный вывод.

Прескотт подумал.

— Ничего особенного. Личико лисье. Если бы не обилие грима, она не бросалась бы так в глаза. Умела подать себя.

— За нею многие ухаживали?

— Вот к чему вы клоните!—почти возмущился директор.—Я ничего не замечал. Два-три юнца нахлещивали любезности. Но дальше этого не шло. Убийцы среди них нет. Что касается пожилых клиентов, то Руби умела привлечь их симпатии детским видом и беззаботной болтовней.

Начальник полиции Харпер уронил меланхолически:

— Например, симпатии мистера Джефферсона?

— Его я и имел в виду. В обществе этого господина и его семьи она проводила большую часть времени. Иногда мистер Джефферсон брал ее в автомобильные прогулки. Он любит молодежь и очень доброжелателен. Прошу понять правильно: мистер Джефферсон—калека, передвигается только в кресле на колесах. Но ему приятно окружать себя молодыми людьми, наблюдать, как они играют в теннис, ныряют... Время от времени он устраивает для них вечеринки в отеле. Да, он обожает юные лица и не испытывает зависти или горечи, как можно было бы предположить. У него счастливый характер, и он полон обаяния.

— Выделял ли он особо Руби Кин?

— Думаю, его развлекала болтовня с нею.

— А как семья? Одобряла дружбу с маленькой танцовщицей?

— Они тоже прекрасно к ней относились.

— И он заявил в полицию об ее исчезновении, не так ли?—спросил Харпер, будто бы даже с укоризной.

Директор занял оборонительную позицию.

— Не вижу ничего странного! Мистер Джефферсон, очень обеспокоенный, появился в моем кабинете: девушка не вернулась ночью в отель, она не исполнила свой второй танец. У него было одно объяснение: поехала с кем-нибудь ненадолго покататься и попала в аварию. Следовало немедленно сообщить в полицию, чтобы начали поиски. Он так волновался, что почти сорвал трубку с рычага и тотчас вызвал участок.

— Не переговорив с мисс Тёрнер?

— Джози это не понравилось бы. Она не хотела лишнего шума. Но ведь она не могла запретить?

— Я думаю,—сказал Мэлчетт,—что следует допросить мистера Джефферсона. Согласно, Харпер?

Начальник полиции одобрил это намерение. Мистер Прескотт провел трех полицейских до фешенебельных апартаментов мистера Джефферсона. Комнаты выходили окнами на море.

— Недурно устроился, черт побери! Он что, богач, этот Джефферсон?—спросил Мэлчетт.

— Тратит деньги, не жалея: лучшие комнаты, специальное меню, дорогие вина... словом, все первоклассное.

Мистер Прескотт деликатно постучал, и женский голос отозвался:

— Войдите!

Директор в сопровождении полицейских переступил порог. Женщина, сидевшая у окна, повернула голову. Директор отеля сказал:

— Извините за беспокойство, миссис Джефферсон, но эти господа—из полиции, и они хотят поговорить с мистером Джефферсоном.—Он представил:—Полковник Мэлчетт. Начальник полиции графства Харпер... Э-э... инспектор Слэк.

Миссис Джефферсон слегка кивнула. «Малоинтересна»,—подумал полковник Мэлчетт, но, едва она улыбнулась и заговорила, переменял мнение. Голос

звучал мелодично, а в карих глазах цвета спелого ореха светился ум. Скромное платье очень шло ей. Она казалась не старше тридцати пяти лет.

— Мой свекор прилег отдохнуть,—сказала она.—Он измучен, происшедшее стало для него ударом. Врач прописал ему снотворное. Когда он проснется, уверена, он вас примет. Если до тех пор могу быть чем-то полезна... Присядьте, господа.

Мистер Прескотт чувствовал себя как на иголках.

— Если я больше не нужен...

Он почувствовал облегчение, когда ему разрешили уйти. Едва закрылись двери, обстановка стала более непринужденной. Аделаида Джефферсон обладала свойством распространять вокруг себя спокойствие и теплоту. Не будучи болтливой, она умела поддержать оживленную беседу. С первых слов она взяла верный тон.

— Эта история всех нас взволновала. Вы, наверно, знаете, что мы часто виделись с несчастной девушкой? Ее смерть не укладывается в сознании. Особенно потрясен мой свекор. Он очень привязался к Руби.

— Если не ошибаюсь, он и обратился в полицию?—Мэлчетт хотел видеть реакцию молодой женщины.

По ее лицу прошла тень... Неудовольствия? Тревоги? Он не разобрал. Лишь почувствовал, как она внутренне напряглась, прежде чем ответить.

— Увечье приводит к тому, что он бывает вспыльчив и легко теряет душевное равновесие. Мы пытались убедить его, что причина отсутствия девушки скорее всего очень проста и она будет довольна, если вмешать полицию. Но он упрям.—Она слабо махнула рукой.—И, видите, оказался прав!

— А вы близко знали Руби Кин, миссис Джефферсон?

Она задумалась.

— Затрудняюсь ответить. Свекру приятно видеть вокруг себя юные лица. Руби казалась ему олицетворением современной девушки. Ее суждения забавляли его. Она часто проводила с ним свободное время, и он катал ее в автомобиле.

Мэлчетт подумал: «Она обошла вопрос. А наверно-ка знает многое».

— Вы не согласитесь, миссис Джефферсон, подробно припомните все, что происходило вчера вечером?

— Охотно. Но боюсь, что ничего нового не прибавлю. После ужина Руби присоединилась к нам в гостиной в начале танцевального вечера. Мы ждали Марка, собирались играть в бридж... Марк Гэскелл был женат на дочери мистера Джефферсона, вы, видимо, знаете? Так вот, он заканчивал какое-то важное письмо. Четвертой предполагалась Джози, она тоже еще не пришла.

— Джози часто составляла вам компанию?

— Постоянно. Прекрасно играет, и ее общество нам нравится. Мой свекор—страстный игрок. Он охотно приглашал Джози, а не кого-то постороннего. Правда, ей не всегда удавалось вырваться, так как она обязана играть с любыми постояльцами, но она старалась всеми силами.—Слабая улыбка мелькнула во взгляде.—Такому выгодному клиенту, как мой свекор, администрация разрешала оказывать предпочтение.

— А вам самой Джози нравится?

— Да. Ей никогда не изменяет хорошее настроение. Она любит свою работу и не жалеет для нее сил. Не особенно умна, конечно, но зато лишена претензий. В тонкости ей не откажешь. К тому же держится очень естественно...

— Продолжайте, миссис Джефферсон.

— Как я сказала, Джози собирала партнеров для бриджа, а Марк заканчивал деловую переписку. Так что Руби задержалась с нами немного дольше обычного. Когда наконец пришла Джози, Руби поспешила на свой первый танец с Реймондом—это платный танцор и теннисист в отеле. Потом вернулась ненадолго, как раз когда пришел Марк. Но вскоре ее пригласил на танец один молодой человек, а у нас началась партия.—Она прервала себя и беспомощно махнула рукой.—Это все, что я знаю, господа. В какой-то момент я еще видела танцующую Руби сквозь стеклянную стену, но потом углубилась в карты и не смотрела по сторонам. Примерно в полночь заглянул Реймонд и спросил с недовольным видом у Джози, где Руби. Та, разумеется, пыталась замаять его вопрос...

— Почему «разумеется», миссис Джефферсон?—перебил своим тягучим голосом Харпер.

— Но, право...—Она замешкалась, и это удивило Мэлчетта.

Молодая женщина созналась с милой простотой:

— Джози не хотела, чтобы на опоздание кузины обратили внимание. Она считала себя ответственной за нее. Поэтому сказала, что Руби еще в начале вечера жаловалась на мигрень и, возможно, поднялась в свою комнату. Не думаю, чтобы это было правдой, Джози просто придумала первое попавшееся оправдание. Реймонд пошел позвонить Руби, но вернулся еще более рассерженным: ему никто не ответил. Чтобы его утихомирить, Джози пришлось

самой танцевать с ним вместо Руби. Ей, бедняжке, потребовалось мужество, потому что нога еще болела. После танца она вновь вернулась к карточному столу да еще успокаивала мистера Джефферсона, который начал тревожиться. Мы еле уговорили его пойти спать, убеждая, что Руби, вероятно, поехала кататься и у машины по дороге спустило колесо. Он ушел раздосадованный, но сегодня утром положительно не находил себе места.—Она смолкла и вздохнула.—Остальное вам известно.

— Благодарю вас, миссис Джефферсон. Позвольте еще один вопрос: вы кого-нибудь подозреваете в совершении этого преступления?

— Она не медлила ни секунды:
— Абсолютно никого.

Мэлчетт настаивал:

— Девушка никогда не открывала вам своих секретов? Скажем, не рассказывала ли о каком-нибудь ревнивном поклоннике? О человеке, которого она побаивалась? Или о ком-то, кто ей мил?

На каждый вопрос Аделаида отрицательно качала головой. Больше из нее ничего не удалось выжать.

Начальник полиции предложил встретиться пока с молодым Джорджем Бартлеттом. А позже они возвратятся к мистеру Джефферсону. Ушли с тем, что миссис Аделаида сообщит, как только свекор проснется.

— Вот женщина, полная очарования,—восхитился полковник, прикрыв за собою дверь.

— Совершенно очаровательна!—подтвердил Харпер.

16

Джордж Бартлетт оказался долговязым тощим юнцом с выпирающим кадыком. Он дрожал и заикался. Добиться от него связного, членораздельного рассказа оказалось сложно.

— Не правда ли... ужас какой-то... В воскресных газетах читаешь... но чтобы чуть не на твоих глазах... такие преступления...

— К сожалению, они происходят,—вставил терпеливо начальник полиции.

— О, конечно... но это кажется мне невероятным! Всего в нескольких километрах отсюда, не так ли? В каком-то деревянном доме... Вот мерзкое, должно быть, местечко! Громкий скандал в этой дыре, правда ведь?

Полковник Мэлчетт рискнул прервать его излишняя.

— Вы хорошо знали покойную, мистер Бартлетт? Джордж Бартлетт впал в растерянность.

— О, н-н-нет, не очень, совсем мало, господин полковник. Можно сказать, чуть-чуть. Один или два раза мы танцевали... ну, прогулялись как-то днем... играли в теннис...

— Кажется, вчера вечером вы были последним, кто ее видел?

— Вот уж не знаю. Хотя может быть. Не правда ли, в пору рехнуться? Она была в полном порядке, когда мы разошлись.

— В котором часу, мистер Бартлетт?

— Дело в том... да... э-э-э... я танцевал с нею в начале вечера. Сейчас все объясню. Это было сразу после ее обязательного выступления с этим платным плясуном. Что-то около половины одиннадцатого, а то и в одиннадцать... точно не скажу.

— Пусть это вас не беспокоит. Мы уточним время сами. Просто изложите факты.

— Ну, мы танцевали, знаете. Я вообще-то не так уж хорошо танцую...

— Это к делу не относится, мистер Бартлетт.

Джордж Бартлетт бросил на полковника обеспокоенный взгляд и пробормотал:

— Нет... м-м-м... разумеется... я только хочу сказать, что мы кружились и кружились, я что-то говорил, но Руби была не в настроении, даже зевала. Ну, я понял, что она скучает, поблагодарил ее и... она ушла. Вот и все.

— Куда она ушла?

— Поднялась наверх.

— Она вам не говорила, что торопится на свидание или собралась прокатиться в авто?

— Нет.—Он грустно добавил:—Она меня просто оставила, знаете.

— А как она себя держала? Не нервничала? Или была чем-то озабочена?

Джордж погрузился в раздумья.

— Ей надоело, раз она зевала. Больше ничего.

— А что делали вы сами?—спросил главный констебль.

— А?

— Что делали после ее ухода?

Тот уставился на него, разинув рот.

— Сейчас, сейчас... Что же я делал?

— Вот мы и ждем ответа.

— Скорее всего, ничего. Дьявольски трудно вспомнить. Не удивлюсь, если отправился в бар пропустить стаканчик.

— Так вы пошли туда или нет?

— Совершенно верно! Спустился глотнуть капельку. Хотя нет! Это было не тогда. Пожалуй, сначала

выглянул на улицу подышать воздухом. Для сентября необыкновенно теплые вечера. На улице очень приятно. Да, теперь ясно вспоминаю. Немного прошелся по свежему воздуху, затем заглянул в бар и вернулся в танцевальный зал. Я заметил, что... как ее? Джози, что ли? ...танцевала с этим типом, теннисным тренером. У нее вроде болит нога уже несколько дней...

— То есть вы вернулись в отель в полночь? Не хотите же вы убедить нас, будто прогуливались, как вы говорите, больше часа и притом один?

— Но я ведь заходил в бар. Я... я, видите ли, размышлял.

Полковник Мэлчетт принял его заявление с недоверием.

— О чем именно?

— Ну, не помню. О многом.

— У вас есть машина, мистер Бартлетт?

— Да, есть.

— Где она находится? В гараже отеля?

— Нет, просто во дворе. Я собирался проехаться, понимаете?

— Может, и проехали?

— Нет-нет, уверяю вас!

— А мисс Кин, случайно, не взяли с собою?

— Ах нет! Вот еще! Могу поклясться, что вовсе ее не возил. Провалиться мне на этом месте!

— Спасибо, мистер Бартлетт. В настоящий момент у меня нет к вам больше вопросов. В настоящий момент,—повторил Мэлчетт с ударением.

Бартлетт с выражением глуповатого испуга смотрел ему вслед.

— Невероятный кретин,—процедил Мэлчетт.—Что вы о нем думаете, Харпер?

— Думаю, что другого такого легко не сыщешь,—ответил Харпер, пожимая плечами.

17

Ночной сторож, как и бармен, мало помог полиции. Первый припомнил, что звонил в комнату мисс Кин сразу после полуночи, но ему не ответили. Он не заметил мистера Бартлетта ни когда тот выходил из отеля, ни когда возвратился. Ночь стояла теплая, многие дамы и господа прогуливались. Пройти можно в боковые двери, а не только через главный вход. Однако он уверен, что мисс Кин в главный вход не проходила. Спускаясь со второго этажа, где расположена ее комната, она могла свернуть на террасу и проскользнуть незамеченной. Двери замыкают не раньше двух часов ночи, когда танцы уже заканчиваются.

Что касается бармена, то он видел мистера Бартлетта; в середине вечера тот грустно сидел, уткнувшись взглядом в стену. В баре всегда толкотня, бармен его видел, но не мог точно сказать, в котором часу.

За дверями бара полицейских офицеров подстерегал девятилетний мальчуган. Срывающимся от восторга голосом он спросил:

— Вы вправду детективы? А я Пит Кармоди. Это мой дедушка начал разыскивать Руби. Вы из Скотланд-Ярда? Вы ведь не станете делать мне выговор, что я вам надоедаю?

Полковник Мэлчетт собрался на него рывкнуться, но Харпер поспешно вмешался и заговорил с мальчиком дружески:

— Отнюдь, мой юный друг. Вижу, вас это дело тоже заинтересовало?

— Ах да! Вы читаете книжки про сыщиков? Я их обожаю. Покупаю все подряд. У меня есть автографы Дороти Сайерс, Агаты Кристи, Диксона Карра и Х.-К. Бейли. Об этом убийстве тоже сообщат в газетах?

— Разумеется. Газеты в него так и вцепятся.

— Понимаете, на следующей неделе я возвращаюсь в школу. Вот здорово, когда я расскажу всем, что был с нею знаком, даже очень хорошо знаком!

— И какого вы о ней мнения?

Пит честно задумался.

— Скажите по правде, она мне не больно нравилась. Вид у нее был просто как у дурочки. Маме и дяде она тоже не очень симпатична. Одному дедушке. Кстати, он приглашает вас. Эдуард уже пошел вас разыскивать.

Начальник полиции настойчиво повторил:

— Значит, ваша мама и дядя Марк недолюбливали Руби? Почему же?

— Почему я знаю? Она липла к нам. А они злились, что дедушка так носится с ней. Думаю,—выпалил Пит,—они даже рады, что она умерла!

Харпер смотрел на него задумчиво.

— Вы слышали... как они это говорили?

— Ну, не совсем. Дядя Марк проворчал: «Наконец мы от нее избавились». Мама ответила: «Да, но каким ужасным образом!» Тогда дядя Марк сказал, что нечего притворяться.

Полицейские переглянулись. В этот момент к ним подошел гладко выбритый человек в синей ливрее.

— Извините, господа, я лакей мистера Джефферсона. Он проснулся и согласен вас принять.

Они вновь проследовали в апартаменты Конвея Джефферсона. В гостиной Аделаида о чем-то

говорила с высоким человеком, который нервно шагнул из угла в угол. Он резко обернулся к вошедшим.

— А, рад, что встретил вас. Мой тесть все время справляется, когда вы придете. Пожалуйста, не волнуйте его без особой нужды. Он очень нездоров. Просто чудо, что это убийство не доконало и его!

— Разве он так слаб? Нам это в голову не приходило.

— Он сам не знает о своем состоянии,—сказал Марк Гэскелл.—Больное сердце, понимаете? Врач советовал Аделаиде следить, чтобы ничто не тревожило его. Дал понять, что смерть может наступить мгновенно. Не так ли, Адди?

Миссис Джефферсон подтвердила, но добавила, что пока он стойко перенес испытание.

— Несомненно, полицейское расследование не лучший режим для сердечника. Поверьте, мы проявим максимум такта.—Говоря это, Мэлчетт не спускал глаз с Гэскелла. Люди с профилем хищной птицы не вызывали в нем симпатии. Они принадлежат к породе дерзких смельчаков, которые привыкли потакать лишь собственным желаниям. Хотя женщины от них без ума!

«Этому субъекту нельзя доверять,—подумал полковник.—Муки совести ему несвойственны, он не остановится ни перед чем».

18

Инвалидное кресло Конвея Джефферсона стояло вблизи окна, выходящего к морю. С первого мгновения ощущалась притягательность этой незаурядной личности. Слово катастрофа, превратившая его в калеку, привела к тому, что вся жизненная сила сосредоточилась в интеллекте. Лицо, обрамленное седыми рыжеватыми волосами, было красиво. Резкие черты выражали энергию, глаза ярко голубели. Ни малейшего намёка на расслабленность или недомогание. Глубокие морщины проложило лишь страдание, но он не привык жаловаться на судьбу—принимал ее удары и стремился выстоять.

— Считаю за честь знакомство с вами,—обратился он к Мэлчетту.—Ведь вы главный констебль графства Рэдфорд? А вы начальник местной полиции? Присядьте, господа. Сигары на столике возле вас.

Полицейские офицеры поблагодарили, рассаживаясь.

— Если меня правильно проинформировали, вы проявляли участие к погибшей, мистер Джефферсон?—сказал Мэлчетт.

Грустная усмешка скользнула по лицу Конвея Джефферсона.

— Вам, конечно, наговорили с три короба. Хотя никаких тайн из своего расположения я не делал. Что по этому поводу сообщили мой зять и моя невестка?—Он внимательно обвел их взглядом.

Мэлчетт ответил с откровенностью:

— По мнению миссис Джефферсон, болтовня с маленькой протеей развлекала вас. А мистер Гэскелл успел перекинуться с нами пока лишь парой слов.

Джефферсон по-прежнему улыбался.

— Адди—сама сдержанность. Марк высказался бы более решительно. Но лучше уж я сам изложу факты и поясню свои побуждения. Начну с великой драмы моей жизни. Восемь лет назад в авиационной катастрофе я потерял жену, дочь и сына. С тех пор мое существование похоже на дерево с обрубленными ветвями. И не только благодаря увечью. Я слишком любил свою семью, дышал ею. Нет слов, невестка и зять внимательны ко мне, но я понял... особенно в последнее время, что им нужно жить собственной жизнью. В сущности, я безгранично одинок. У меня тяга к молодым лицам, они утешают меня. Мелькала даже мысль взять на воспитание какого-нибудь ребенка... За прошедший месяц я очень привязался к этой несчастной девочке. Руби была так простосердечна, так искренна. Она рассказала мне о себе, о том, как ютилась с семьей почти в трущобах, как ей приходилось переносить многие испытания. Хотя ее никто не учил танцам, она оказалась очень способной, и труппа пантомимы приняла ее. Как все это было далеко от моей обеспеченной жизни! Она не жаловалась, повседневная борьба была ее естественной средой. Мужественная малютка! Судьба ее не баловала. Но ничто не могло погасить ее очарования. Конечно, она не получила светского воспитания, однако вульгарности в ней, слава богу, тоже не было. Она становилась мне все более дорога, пока я не принял решение официально удочерить ее. Вот вам объяснение моего интереса к Руби Кин и безумной тревоги, когда она так таинственно исчезла.

Продолжение следует.

Перевели с английского
Галина КОСТИНА и Лидия ОБУХОВА.

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

«ЗНАЙ СВОЮ РОДИНУ»

Итоги первого тура

из Сочи, В. Николаева из Великих Лук Псковской области, С. Ремзина из Петрозаводска, Л. Суркова из села Санники Хабаровского края, В. Тарабурин из пос. Печенга Мурманской области, семья Трефиловых из пос. Северный Коммунар Пермской области, В. Уржумцев из Магнитогорска, семья Хорольских из Горловки Донецкой области, Л. Чернова из Светогорска Ленинградской области, Н. Чернуха из пос. Видяево Мурманской области, А. Юдин из Сафонова Смоленской области.

Сердечно поздравляем победителей и благодарим всех участников нашего конкурса.

А теперь ответы на вопросы первого тура, напечатанные в № 2 «Смены».

1. Известно, что первым образ В.И. Ленина на киноэкране создал в фильме «Октябрь» токарь Путиловского (ныне Кировского) завода Василий Николаевич Никандров. А в какой пьесе он сыграл роль вождя революции? Какой театр ее поставил? Чем интересна была афиша к этому спектаклю?

— В пьесе «1917 год», поставленной Московским Малым театром. Афиши на спектакль писали: «Артист Ольховский играет роль рабочего, а рабочий Никандров — роль Ленина».

2. Кто и когда провозгласил лозунги: «Пролетарий, на воздушном коня!» и «Комсомолец — на самолет!»?

— Первый лозунг предложил еще в 1921 году М. В. Фрунзе. Лозунг «Комсомолец — на самолет!» провозгласил IX Всесоюзный съезд ВЛКСМ после взволнованной речи с его трибуны летчика Г. Ф. Байдукова (январь 1931 г.).

3. Герою Советского Союза вручают орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». А как медаль называлась первоначально и до какого дня?

— Медаль до 16 октября 1939 года называлась «Герой Советского Союза».

4. С какой республики, по чьей инициативе и когда началось образование Российской Федерации?

— Первым национальным государственным образованием в составе Российской Федерации была Башкирская Советская Социалистическая Республика, созданная по инициативе В.И. Ленина в марте 1919 года.

5. Поэму «Медный всадник» А. С. Пушкина знают все. Какой писатель и в каком произведении ввел в русскую литературу тему Медного всадника первым?

— Революционный писатель XVIII века А. Н. Радищев в «Письме другу, жителюствующему в Тобольске...» на второй день после открытия монумента Петру I.

6. Подвиг моряка-тихоокеанца Михаила Паникахи, «сталинградского Данко», повторил в Сталинграде казахский батыр, имя которого однополчане начертали на стенах рейхстага. Назовите героя и расскажите о его подвиге.

— Герой Советского Союза Карсыбай Спатаев. Когда немецкие танки разбили минометную батарею, заряжающий К. Спатаев взял мину и пополз навстречу ближайшему танку. Машина остановилась и стала пятиться. Тогда герой поднялся, подбежал к танку и с силой ударил головкой мины по гусенице. Танк развернулся и застыл.

7. В экспозиции Мемориала обороны Одессы стоит танк системы «НИ». Что означает это название?

— Танки системы «НИ» — самодельные. Их создавали в осажденной Одессе на основе гусеничных тракторов ЧТЗ-5. Даже в боях одесситам не изменяло чувство юмора, ведь «НИ» расшифровывается как «на испуг!». Правда, сражались самодельные танки по-настоящему. Например, у хутора Дальницкий они ворвались в стан врага, взяли на буксир 24 вражеских пушки и доставили их к своим.

8. Директор Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардт надевал на палец своим воспитанникам кольцо как символ их неразрывной связи с лицеем и друг с другом. Из какого металла были кольца и почему именно из него?

— Кольца были железными, Е. А. Энгельгардта вдохновил пример Древнего Рима, где железное обручальное кольцо служило знаком неразрывного союза.

9. Эта песня была написана для советского кинофильма, снятого в 1932 году. Через четыре года она звучала во французском фильме о рабочих «Жизнь принадлежит нам». И наконец мелодия ее стала основой первого гимна ООН. Назовите песню и ее авторов.

Наша самая редакция!
Взволнованные писатели работы вчерашнего конкурса имени... Конкурс значительно расширил наши знания о Родине. Поняли, что в нашей жизни турал-будуи империи верени.

Наши из удачной работы на все вопросы, но мы не только находили и новые интересные тура. Ответы нам казались всей нашей. Почти все свободное время посвящаем чтению. Книжки конкурсов и наши сын-внучатам. В детской библиотеке он нашей отделе на 3 вопроса (1, 3, 4). Наши младшие дети боятся Марина и 4-летний Виктор от- рашивать боты поспешными и не отвле- каи маму от книг. Я вспоминаю, что среди нас художников, потому наша работа оформилась тем образом.

Вопросы интересные вопросы мы читали 1, 2, 3, 4.

С историческим подходом к конкурсу. Фильм в смысле, как и у Маркса, стали нашими любимыми фильмами ради- тим.

С уважением семья Трифиловых: Вадим, Татьяна, Анастасия, Александр, Сергей, Марина, Владислав.

Уважаемая редакция!

Восклицая ответы на вопросы тура конкурса эрудитов «Знай свою Родину».

Отвечая на вопросы конкурса получила огромное удовольствие и сердечно благодарю редакцию за предоставленную возможность принять участие в интересном конкурсе.

С уважением,

Евгения Федорова,
инженер химик-технолог.

340008, г. Донецк,

ул. Интернациональная, 27, кв. 16.

25. III. 1986 г.

Итак, закончилось, образно говоря, первое путешествие читателей в мир знаний, предоставленное конкурсом эрудитов. «Путешествие,— пишет семья Кузнецовых из Сочи,— увлекательное, полезное, полное всевозможных приключений, открытий, счастливых мгновений. Историю,— продолжают Кузнецовы,— мы обязаны знать хорошо. Историю Родины, народа, а значит, и свою личную историю. Мы выражаем редакции искреннюю благодарность за стремление приобщить многие тысячи людей к биографии нашей страны. Тем более что в процессе обработки информации получается цепная реакция. Взять, например, вопрос о первом памятнике в честь победы русской армии в Отечественной войне 1812 года. Мало того, что при поисках ответа на этот вопрос мы достаточно полно изучили историю этой войны, но у нас появилась масса знаний по архитектуре, литературе, искусству и даже географии. Кстати, этот вопрос интересен тем, что учит размышлять, сопоставлять, спорить».

Подобных писем на этот раз пришло очень много. Два из них, Е. Елифановой из Донецка и семьи Трефиловых из поселка Северный Коммунар Пермской области, мы воспроизводим полностью. Нельзя не упомянуть и о многих письмах, в которых говорится, что наш традиционный конкурс помогает в работе учителям, пионервожатым, библиотекарям, пропагандистам.

Изучив письма, жюри обнаружило, что самыми интересными в общей совокупности читатели назвали... 14 вопросов. Не повезло только 14-му вопросу, который многие назвали малоинтересным. Что касается правильности ответов, то здесь самым несчастливым оказался восьмой вопрос. Раскусить этот трудный орешек сумела лишь читательница Н. Авилова из Белгорода.

К сожалению, жюри вынуждено признать, что далеко не все участники конкурса выполнили условие, по которому домашняя работа должна состоять из двух частей: коротких и точных ответов на вопросы в том порядке, как они заданы, и — отдельно от них — комментариев к ответам. Большинство таких работ были исключены из конкурса.

Двенадцать участников первого тура, сумевших правильно ответить на 12 и больше вопросов и интересно прокомментировать ответы, жюри наградило книгами. Это Н. Авилова из Белгорода, Ю. Бабин из Донецка, Л. и М. Бакиевы из Ашхабада, Л. Велигорская из Новороссийска, А. Замятина из села Мужы Ямало-Ненецкого национального округа, Т. Квашнина из г. Горького, В. Козлов из Ленинграда, П. Молодцов из Златоуста Челябинской области, В. Новокщенин из Евпатории, В. Салтыков из пос. Игрим Тюменской области, Н. Симакова из пос. Южный Алтайского края, Э. Фрицлер из села Ново-Петровское Московской области. Все они награждены, кроме того, дипломами «Смены». Дипломами награждены также Л. Батаева из Бийска Алтайского края, З. Бестужева из Томска, Ю. Бородовский из Ленинграда, В. Власенко из Хабаровска, М. Гордиевская из Сыктывкара, О. Дамдинжапова из села Дульдурга Читинской области, С. Журба из села Подгорное Львовской области, семья Кузнецовых

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 20.05.86. Подписано к печати 02.06.86. А 01979. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1628. Заказ № 3011. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Итоги первого задания

«Спасибо за конкурс!», «Сделайте его постоянным!», «Исключительно полезная игра!», «Изучил всего Лермонтова и прочитал много литературы о нем и его творчестве», «Теперь уж наверняка отличу ямб от хоря...», «Такие книги пришлось в руках держать по стихосложению — 1919, 1925 года издания, еще и алфавит не измененный — интересно, увлекательно!», «...в моей домашней библиотеке (ПОЗОР!) нет Лермонтова...», «Я перечитала его все стихи даже вслух, драмы, поэмы, прозу, причем некоторые произведения впервые. Спасибо вам, что вы натолкнули меня на такую интересную работу», «Я не подсчитывала, сколько часов провела над книгами и думами, но это были часы работы и нежности, да, я не оговорила, нежности к литературе и поэту, перед которым готовы преклонить колени не только русские люди, но и все, кому дорог талант истинный» — эти дословные выдержки из некоторых писем достаточно красноречиво характеризуют конкурс кроссвордистов, и первое задание в частности.

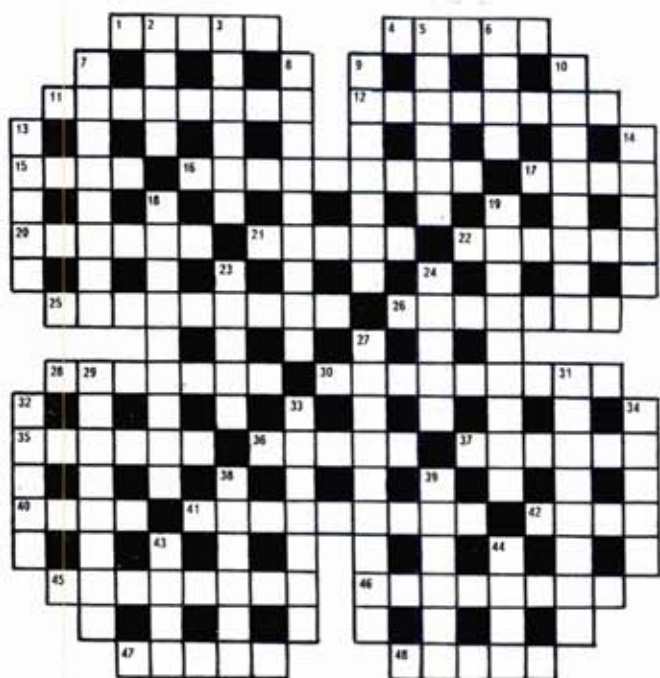
Результаты превзошли все ожидания устроителей конкурса, которые рассчитывали, что лучшие работы «потянут» на 118—120 очков. На самом деле только двое из победителей набрали по 118 очков, а все остальные — по 122 и больше. Радует, что многие участники старались интересно, нетрафаретно определять загаданные слова.

Но при изучении домашних работ у жюри были и огорчения. В некоторых кроссвордах загаданы прилагательные, наречия, существительные в разных падежах. Часть работ составлена практически из одних имен собственных. Разумеется, все такие работы жюри не учитывало.

Лучшей работой жюри признало кроссворд А. Кашенко, инженера из Кишинева, набравшего предельное число очков — 128. Он опубликован в этом номере. Будет напечатан также кроссворд А. Шайхрамова из села Бакалы Башкирской АССР — 122 очка, присланный на месяц раньше обусловленного срока. Этим читателям, а также Б. Додатко из Читы, А. Козлову из Тулы и С. Секту из Харькова редакция предоставляет право напечатать вне очереди по одному обычному кроссворду. Он должен быть составлен по оригинальной, то есть нигде не напечатанной сетке, в которой не меньше 30 и не больше 60 позиций, нет сочетаний из двух и более черных клеток и нет слов из двух и трех букв. В кроссворде необходимо соблюдать все правила, изложенные во втором задании нынешнего конкурса кроссвордистов. Чем больше загаданных слов будет определено творчески, познавательно, тем лучше.

Пятерых названных читателей, а вместе с ними И. Абрамова из Красноармейска Донецкой области, А. Борисова из Конакова Калининской области, Э. Гридину из Нижнего Тагила Свердловской области, В. Дулецкого из Невинномыска Ставропольского края и Э. Семенову из Казани редакция наградила почетными дипломами «Смены».

Редакция сердечно поздравляет победителей и благодарит всех участников конкурса.

КРОССВОРД

«М. Ю. ЛЕРМОНТОВ»

По горизонтали:

По вертикали:

1. Явление природы, описанное в «Тамани». 4. Первый переводчик «Паруса» (1936 год) на узбекский язык. 11. Имя «странного человека» в одноименной пьесе. 12. Переводчик Лермонтова в книге «Лирика», вышедшей в Киргизии в 1964 году. 15. Домашний доктор Е. А. Арсеньевой, наблюдавший за маленьким Лермонтовым. 16. Женщина, о которой поэт говорил А. П. Шан-Гирею: «Такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать». 17. Кличка собаки Лермонтова в романе М. Сизовой «Из пламя и света». 20. Английский гувернер Лермонтова. 21. Национальность «одного Иванова», которого знал Г. Печорин. 22. Поэма А. Полежаева, с которой переключается лермонтовский «Валерик». 25. Одна из должностей М. Павлова в пансионе в годы учения там Лермонтова. 26. Город в Германии, где было издано большинство романсов Ф. Акименко на стихи Лермонтова. 28. Каждая из пяти частей «Героя нашего времени». 30. Писатель, первым в Германии переведший «Балу». 35. «Страна рабов, страна господ» в известном стихотворении поэта. 36. Автор писем к Элизе в произведении Л. Стерна, отрывок из которого перевел Лермонтов, изучая английский язык. 37. Полукафтан, упоминаемый в кавказских произведениях. 40. Профессия Н. Арендта, от которого Лермонтов узнал о дуэли и смерти Пушкина. 41. Личная вещь поэта в музее-заповеднике «Тарханы». 42. Праздник, затеянный М. Арсеньевым, ставший для него роковым. 45. «Увы! моя...», шапка с серебряной оправой, дагестанский киножал — подарок приятеля, — все исчезло («Тамань»). 46. Первый литературный руководитель поэта. 47. Одна из тем разговора Палицыных в начале романа «Вадим». 48. Английский романтик, произведения которого поэт читал в подлиннике.

2. Язык в Индии, на который К. Азим перевел Лермонтова. 3. Герой стихотворения «Завещание». 5. Место действия «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». 6. Образ Арбенина в сценическом воплощении В. Каратыгина, Н. Мордвинова. 7. Принадлежность героя поэмы «Последний сын вольности» к группе народов. 8. Драматург и дипломат, роман о котором замыслил поэт. 9. Событие в «Фаталисте», после которого «Вулич преспокойно пересыпал в свой кошелек ... червонцы». 10. «Он всем соседям страшен был: пред ним дрожали...» («Олег»). 13. «Малиновый» фрукт в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива». 14. Имя Дядьковского в романе М. Сизовой «Из пламя и света». 18. Дворец на берегу Финского залива, откуда Лермонтов впервые на лодке плывал в море. 19. Капитан Ю. П. Лермонтов по отношению к поэту. 23. Народ автономной республики, на язык которого Г. Васильева перевела поэму «Демон». 24. Автор лучшего финского перевода «Героя нашего времени». 27. Гуриец, кавказский слуга Лермонтова. 29. Увольнение от военной службы, на которое надеялся поэт и о котором писал в последних письмах. 31. Художник, автор иллюстраций к отдельному советскому изданию «Бородина». 32. Последнее слово в стихотворении «Смерть поэта». 33. Помещение в школе юнчеров, изображенное на одном из рисунков поэта. 34. Капот Веры Дмитриевны в «Княгине Лиговской» (ткань). 38. Город (теперь Мичуринск), через который поэт не раз проезжал. 39. «Единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу» («Бэла»). 43. Вулкан, упомянутый в поэме «Измаил-Бей». 44. «Есть у меня твой силуэт, мне мил его печальный...» («Силуэт»).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

По вертикали:

5. Рысак. 6. Орган. 9. Вольвокс. 11. ...кандидат... 14. Питон. 15. Жуковский. 16. Умань. 19. Велосипед. 20. Фотохроника. 22. Магнитофон. 23. Юбка. 25. Поэма. 26. Юридика. 31. Бараташвили. 32. Лимонница. 34. Ересть. 35. Сдобленник. 36. Стынь. 39. Автоклав. 40. Оратория. 41. Шерпа. 42. Химия.

1. Мьтхе. 2. Разоружение. 3. Хренников. 4. Залив. 7. Иодоформ. 8. Шарманка. 10. Слог. 11. Кисловодск. 12. Щипец. 13. Ониск. 17. Чингизтау. 18. Трубецкой. 21. Добролюбов. 24. Цивилизация. 25. Пяссосава. 27. Ягнятник. 28. Науру. 29. Гваделупа. 30. Сцинк. 33. Лето. 37. Голец. 38. Эозин.

4-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

«Форсированная игра»

Комбинация — это серия ходов, непременно связанных с жертвами. Без жертв комбинация немаловажна, но не любая комбинация начинается с жертвы. Часто для осуществления комбинационного плана мы создаем серию угроз, заставляя противника делать ход за ходом согласно нашему замыслу, а уже затем следует каскад жертв — комбинация.

Серия ходов, представляющая собой чередование угроз и защит, называется форсированной игрой.

1. dс5! Угрожая прорывом в дамки через поле b6 или просто 2. сb6 и т. д. 1...cd6 — единственная защита от указанных угроз.
2. ed4 ef4. Казалось бы, черные защитились от угроз, но белые предусмотрели комбинационный взрыв, связанный с идеей удаления опорной шашки черных f6: 3. сb6! a:c7 4. bс5! d:d2 5. c:e3 f:d2 6. de5 f: d4 7. a:c1, и белые выиграли.

Десятый тур
Б. Федоров, Харьков.

В обеих позициях ход белых. Читателям предлагается сделать анализ и оценить эти позиции: выигрыш, ничья или проигрыш белых (по 3 балла).

Ответы на задания одиннадцатого тура присылайте с пометкой: «4-я шашечная олимпиада. 10-й тур. «64». Каждое задание на отдельной открытке.
Рассматриваются будут ответы, отосланные до 1 сентября (по почтовому штемпелю).

28-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Сыгранная пара

Несмотря на разные «характеры» двух легких фигур — коня и слона, — это очень дружная, сыгранная пара! Они стоят рядом в начальной позиции да и на любой стадии шахматной борьбы готовы поддержать друг друга.

В каждом шахматном учебнике обязательно объясняется, как ставить мат конем и слоном. Освоение этой непростой задачи важно не только в чисто практическом отношении. Прежде всего это необходимый урок взаимодействия разноходящих фигур.

Десятый тур

Белые: Крс7, Сb7, Ка6 (3)
Черные: Кра7, Ке5, пп. d4, e7
(4)
Мат в 4 хода (2 балла)

Белые: Крд5, Сс8, Кб8 (3)
Черные: Крд8, пп. a7, d7 (3)
Выигрыш (2 балла)

Белые: Крf7, Cf2, Ka2 (3)
Черные: Крh6, пп. e2, g4, h3 (4)
Ничья (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «28-я шахматная олимпиада. 10-й тур». Последний срок отправления ответов (по почтовому штемпелю) 1 сентября.

Детский дом — теплый дом

К читателям
и друзьям
«Смены»

КНИЖКИ- ПОДАРОК

Нет на свете ничего дороже человеческой доброты, душевной участливости, благого порыва помочь другому. Спасибо Вам за сердечный отклик на предложение «Смены» прислать книги для ребятшек из детских домов. Знайте: Ваши книги попали тем, кому они, быть может, нужнее всего. Спасибо! Низкий Вам поклон за доброе сердце!

шее испытание силы и духа народа, — наверное, никогда не ощущает нехватки сил или времени для доброго дела. С 1974 года, как ушла на пенсию, я собрала для общественных библиотек почти три тысячи книг. Спросите, откуда беру деньги на них? У меня хорошая пенсия, за путевку, что мне положена, всегда беру компенсацию — куда ж я, старая, поеду теперь? — детям, внукам на разные тряпки не даю — они сами работают, живут обеспеченно. Вот я и решила: мне ничего не надо, а вот ребятшкам из детских домов и интернатов могу быть еще полезной. В этом сейчас и вижу смысл своей жизни. Дорогая Валентина Петровна, спасибо, огромное спасибо и низкий поклон Вам за Вашу доброту, честность и сердечность, с которыми Вы поддерживаете инициативу «Смены», за все хорошее, полезное и ценное, что делаете Вы для детдомовцев страны! А теперь мы хотим обратиться к нашим читателям с новым призывом. Дорогие друзья! Библиотеки в детских домах страны с вашей помощью созданы. Но жизнь не стоит на месте. Ваши книги читаются, переходят из рук в руки, то есть служат людям, как им и положено, и, естественно, стареют, ветшают, приходят в негодность. Библиотечные фонды требуют постоянного обновления, оживления новыми книгами, и потому мы снова обращаемся к вам:

В тот день длинный коридор на шестом этаже, где располагается редакция нашего журнала, стал неожиданно узким — от пола до потолка — был заставлен картонными ящиками с адресами 100 детских домов, находящихся в самых разных краях и областях нашей страны. И вот прошло четыре года на этот ответ на наш призыв.

Книги присылала буквально вся страна, и мы на протяжении нескольких месяцев, из номера в номер, печатали имена всех дарителей книг, цитировали их письма. Всем этим прекрасным, добрым людям мы выслали и нашу благодарность — красочную открытку, которую воспроизводим сегодня на этой полосе. И вот прошло четыре года. За это время у «Смены» появилось очень много новых бескорыстных дарителей книг — честно говоря, их число даже невозможно точно подсчитать! Причем вот эта массовая народная участливость убедительно продемонстрировала, что совершенно не важно, сколько книг прислал тот или иной даритель — всего одну или целую библиотечную, — важно, что этот человек откликнулся на наш призыв, а значит, проявил очень ценную черту своего характера — бескорыстный порыв и способность прийти на помощь незнакомым, чужим людям.

И все-таки хочется сказать, что среди этого огромного числа дарителей есть люди, чье бескорыбие заслуживает особой оценки и особой признательности. Расскажем только о двух из них, выделив поначалу такой, без сомнения, примечательный факт: Валентине Петровне Андреевой недавно исполнилось 86 лет, а Володе Клинскому сейчас всего 16. Вот это обстоятельство заставляет нас вспомнить, что, объявляя пять лет назад всесоюзный призыв о сборе книг для детдомовских библиотек, мы, конечно, в первую очередь рассчитывали на взрослых людей, то есть на тех, кто сам в силу возраста постиг и знает вот приятную неожиданность — среди тех, кто припрятал книгу хорошей, интересной книги, кто прислал книгу в дар детдомовцам, очень много оказалось детей и подростков. Мы привыкли думать и говорить, что сострадание, чуткость и бескорыбие — черты, присущие взрослому человеку, а вот ведь убедились, что и наши маленькие граждане не обделены этими прекрасными качествами души, отзывчивы на чужие заботы.

Вова Клинский из г. Чайковского Пермской области прислал нам свою первую посылку с книгами пять лет назад, когда ему было всего 11 лет. Помогали ему в этом родители и бабушка, а сейчас он уже сам ходит

на почту и каждый год после окончания очередного класса отправляет незнакомым друзьям по несколько своих, как он пишет, «самых любимых книг».

Бескорыбие может проявляться по-разному: одни читатели присылали книги, другие — кому купить хорошие книги оказалось трудно — присылали денежные переводы, третьи — в основном студенты и школьники — предлагали свою помощь в комплектации и отправке книг на места. А вот москвичка Валентина Петровна Андреева, член партии с 1919 года, персональный пенсионер союзного значения привлекла к сбору книг для детдомовских библиотек еще и работников Тимирязевского районного отдела социального обеспечения, где сама долгие годы проработала. Слабого здоровья, плохо слышащая — 86 лет! — эта героическая женщина собирает книги и рассылает их по общественным библиотекам страны с 1974 года! Активно помогают ей в этом и соседи по дому, где она живет, — молодая семья Огальцовых: Елена Николаевна, медсестра поликлиники № 180, и Валерий Александрович, слушатель Высшей школы помощи, содействие в чем-то другим для которых помощь, содействие в чем-то другим людям — естественное, врожденное состояние души.

Недавно мы побывали в гостях у Валентины Петровны, поздравили ее с 8 Марта, вручили Почетный диплом «Смены» и спросили, откуда же она в свои немалые уже годы черпает силы на такое хлопотное дело, как сбор книг для общественных библиотек. Валентина Петровна ответила: — Тот, кто пережил войну — это поистине величай-

— Давайте, как это было пять лет назад, снова проведем сбор книг для библиотек детских домов и интернатов — теперь уже с целью пополнения их фондов. Только с одним очень важным условием: эти книги должны быть рассчитаны на подростков старших возрастов. То есть это должна быть художественная, научно-популярная, военно-спортивная, приключенческая литература, так необходимая юным для взросления и формирования своего мировоззрения. Как и в прошлые годы, мы рассчитываем на отклик не только наших постоянных читателей-подписчиков, но и на мощь комсомольских организаций школ, институтов, заводов и фабрик. Комплектование литературы, как и раньше, будет проходить в стенах нашей редакции по адресу: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, журнал «Смена». Каждому, кто пришлет свои книги в дар воспитанникам детских домов и интернатов, мы по традиции направим нашу благодарственную открытку. Ждем вашего отзыва, ваших книг, друзья!